

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
КЫРГЫЗСКО-РОССИЙСКИЙ СЛАВЯНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

ИНСТИТУТ МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ
Кафедра истории и культурологии

А. Г. Кузнецов

**ПО СТРАНАМ ЕВРОПЫ:
ИТАЛИЯ, ФРАНЦИЯ, ШВЕЙЦАРИЯ
Культурологический аспект**

Бишкек 2014

УДК 910
ББК 26.89
К 89

Ответственный редактор
В.М. Плоских – д-р ист. наук, профессор,
академик НАН КР

Рецензенты:

А.З. Баршай – заслуженный деятель
культуры Кыргызской Республики,
Н.А. Харченко – канд. ист. наук, профессор

Рекомендовано к изданию
Ученым советом гуманитарного факультета КРСУ

Кузнецов А.Г.

К 89 ПО СТРАНАМ ЕВРОПЫ: ИТАЛИЯ, ФРАНЦИЯ, ШВЕЙ-
ЦАРИЯ: Культурологический аспект. Бишкек: КРСУ,
2014. 143 с.

ISBN 978-9967-19-114-3

В книге описывается путешествие по трем странам Европы – Ита-
лии, Франции и Швейцарии, осуществленное заслуженным деятелем
КР профессором Кыргызско-Российского Славянского университета им.
Б.Н. Ельцина Андреем Кузнецовым в 2013 г. Автор уделяет большое
внимание культурологическому и страноведческому аспектам пове-
ствования, знакомя читателя с многочисленными памятниками культу-
ры и искусства данного региона.

Перу Кузнецова принадлежат монографии «Булат Минжилкиев»,
«Сайра Киизбаева», «Марьям Махмутова», «Музыка и мысль», «Твор-
цы и интерпретаторы», «О себе, родителях и предках», «Девяносто дней
в Америке», ряд книг по лингвистике, учебные пособия, около 500 науч-
ных, научно-популярных и публицистических статей.

Издание адресовано широкому кругу читателей и прежде всего –
студентам-международникам.

К 1805070000-14

ISBN 978-9967-19-114-3

УДК 910

ББК 26.89

© ГОУВПО КРСУ, 2014

© А.Г. Кузнецов, 2014

Мир – это книга, и тот, кто не путешествует,
читает лишь одну ее страницу.

Святой Августин

Человека делают счастливым три вещи:
любовь, интересная работа
и возможность путешествовать.

Иван Бунин

От автора

Весной 2011 года исполнилось ровно 50 лет с того далекого дня, когда я, можно сказать, безусый двадцатилетний юнец, решил вдруг изменить свой гражданский статус и стать женатым человеком. Рановато, покачаете вы головой и будете правы: рановато. Но что поделаешь, когда «любовь нечаянно нагрянет», а тебе всего двадцать... В общем, мы – это я и моя подруга Галя – взяв паспорта и не сказав ни слова родителям, отправились прямой дорогой в ЗАГС, который располагался в одноэтажном здании дореволюционной постройки, находившемся как раз на том самом месте, где сейчас стоит отель «Хайят». Далее события развивалось почти так же, как описано в сатирическом романе Ильфа и Петрова «Двенадцать стульев». Поднявшись на крыльцо и пройдя по темному коридору, мы остановились перед дверью с надписью «Регистрация браков». Нас встретила хмурая, озабоченная женщина в черном костюме. На мою робкую просьбу зарегистрировать наш брак, женщина ответила, что у нее нет времени и было бы лучше, если бы мы зашли в другой раз. Но я стал настаивать. Поняв, что от нас так просто не отделаться, чиновница села за стол и потребовала наши паспорта. Я смотрел, как она заполняет бланки и на ее указательный палец, обмотанный черной изоляционной лентой. Наконец, процедура подошла к концу. Попросив нас расписаться в положенных местах, женщина встала, натянуто улыбнулась и поздравила нас со вступлением в брак. Так буднично и прозаично завершился сей торжественный акт, который должен остаться в памяти человека на всю его жизнь. Свадьба состоялась летом того же года.

Итак, мы стали мужем и женой. Однако совершить тогда свадебное путешествие мы не могли: просто, не было возможности, ни у нас, студентов, ни у наших родителей. Такая возможность появилась лишь два года спустя, летом 1963 года.

Поездка заняла почти месяц: десять дней в Ленинграде, неделя в Москве и еще одна неделя ушла на дорогу – ехали-то на поезде, о самолете даже не помышляли. Но путешествием остались довольны. После небольшого, можно сказать, полупровинциального города, с населением около 200 тысяч жителей, каким был тогда Бишкек, Москва с Ленинградом показали чудом света – где мы только тогда не побывали: одно посещение «Эрмитажа» чего только стоило!

Прошло пятьдесят лет. За это время мы не раз проводили свой отпуск вдали от своего дома, включая выезды за границу. Ездили мы вдвоем или отдельно, часто вместе с детьми. Путешествия стали естественной и привычной частью нашей повседневной жизни. Мы побывали во многих странах мира – я в двадцати, Галя – чуть меньше. И вот наступил «юбилейный» 2011 год. Казалось бы, что такое событие – 50-летие совместной жизни – нужно отметить путешествием, но история повторяется: в силу ряда объективных причин, намеченная на то лето поездка неожиданно была отложена на неопределенный срок. Ожидание, как и в прошлый раз, затянулось ровно на два года – прямо какая-то мистика. Но это еще не всё. После долгих размышлений мы решили отправиться в морской круиз по Средиземноморью – из Венеции в Барселону. Поездка обещала быть очень интересной: две недели путешествия на роскошном круизном лайнере “Карнивал”, шесть стран, одиннадцать городов. Уже были приобретены билеты на самолет, заказаны экскурсии по городам, забронирован отель в конечном пункте плавания, наконец, получены долгожданные визы.

Но случилось непредвиденное: за двадцать дней до вылета американская круизная компания “Carnival Travel” круиз отменила, мотивируя свое решение соображениями безопасности (установка дополнительного оборудования на случай аварии). Всё это хорошо, но что делать нам? На помощь пришел сын Виталий – он разработал маршрут поездки, забронировал отели, места в поездах при переездах из города в город и т. д. Было решено, что в поездку по Италии мы отправимся сами, а он встретит нас в Женеве, куда мы прибудем поездом из Милана,

побывав до этого в Венеции и Риме. Далее наш маршрут пройдет по Франции: Анси – Гренобль – Ницца – Арль – Амбуаз – Париж – Женева. Вся поездка займет 23 дня. Передвигаться мы будем исключительно на взятой напрокат машине.

Так оно всё и вышло. Поездка была не только захватывающе увлекательной, но и очень насыщенной: постоянные переезды, радиальные маршруты, многочисленные экскурсии и море впечатлений – есть от чего закружиться голове. Плюс 3200 километров в автомобиле. Сейчас я удивляюсь, как мы только всё это выдержали. Но путешествие состоялось, и спасибо Виталию за то, что он помог нам его осуществить. Такое никогда не забывается. Прав был Анатолий Франс, утверждавший, что «путешествие учит больше, чем что бы то ни было. Иногда один день, проведенный в других местах, дает больше, чем десять лет жизни дома».

Автор выражает свою искреннюю благодарность журналисту Вилору Ахмедовичу Акчурину, побудившему его к написанию этой книги, прочитавшему ее в рукописи и давшему ряд ценных советов.

Автор

ЦАРИЦА АДРИАТИКИ, ИЛИ СЕРЕНИССИМА

«La primavera e l'autunno sono le stagioni più adatte per un viaggio in Italia» (Весна и осень самые благоприятные времена года для поездки в Италию) – именно такой совет дает туристам путеводитель по Италии. Что ж, это действительно так: летом в Италии жарко, а туристический поток огромен, да и цены на отели высокие, не говоря уже о длиннющих очередях в музеи и прочие туристические объекты. Приняв все это во внимание, мы с женой решили отправиться в путешествие в апреле, и вышло так, что дата отъезда совпала с Днем космонавтики, то есть 12 апреля.

Перелет по маршруту Бишкек – Москва – Венеция прошел без каких-либо осложнений, и в положенное время наш самолет благополучно приземлился в аэропорту Марко Поло. Здесь только что прошел дождь, о чем свидетельствовали лужи на асфальте и небо, слегка подернутое серыми облаками. Аэропорт в Венеции находится на континенте, неподалеку от городка Местре, а до самой Серениссимы (так ласково зовут венецианцы свой город, что значит «светлейшая»), расположенной на островах венецианской лагуны, нужно еще добираться наземным или водном транспортом. Проще всего (и дешевле – всего пять евро) воспользоваться рейсовым автобусом, который доставит вас прямо к началу главной водной артерии Венеции – Большому каналу.

Итак, мы сели в автобус – чистый, комфортабельный – и отправились в Венецию. Вначале ехали вдоль берега моря, минуя тихие ухоженные городки, а затем свернули на четырехкилометровую дамбу, соединяющую островную Венецию с континентом. Куда ни кинь взор – всюду вода, но море здесь неглубокое – лагуна. Рядом с автомобильным шоссе проложена железная дорога, которая тоже заканчивается на самом въезде в город. Вот и конец пути – автобус въезжает на площадь, делает разворот и останавливается. Мы выходим на

площадь, получаем багаж, осматриваемся. Рядом возвышается громадный многоэтажный гараж – это для тех, кто приехал сюда на машине. Дальнейший же путь и автомобилистам, и всем прочим новоприбывшим предстоит проделать либо пешком, либо на катере или морском трамвайчике – *varopetto*. Мы выбираем *varopetto*, но тут возникает проблема: чтобы добраться до причала, нужно преодолеть высокий горбатый мост через канал. Пройти-то через мост нетрудно, но как быть с большим чемоданом? – он хоть и на колесиках, но на мосту ступеньки. Только я об этом подумал, как откуда-то появился шустрый мужичок: «Нужно перенести чемодан через мост? – пять евро, и он будет там». Он ловко подхватил наш чемодан и быстрым шагом ринулся к мосту – я еле поспевал за ним. По пути разговорились. Молодой мужчина, неплохо владевший итальянским языком, оказался родом из Румынии. В Италию он приехал на заработки, так как у себя на родине работу найти очень трудно, а семью кормить надо, вот и пришлось искать счастья за границей. То, что он выбрал Италию, понятно – итальянский язык относится к той же языковой группе, что и румынский, и выучить его для румына не составляет особого труда.

Около причала толпится народ. Покупаем билеты – они стоят семь евро – и через несколько минут садимся в прибывший *varopetto*. Большой канал – это своеобразный парадный проспект Венеции. На нем расположены самые величественные дворцы города. Многим из них по пятьсот и более лет. Построенные известными итальянскими архитекторами, они привлекают внимание оригинальностью решений, блеском и изящностью декора. Когда-то этими дворцами владели самые богатые и именитые граждане Венеции – дожи, кардиналы, купцы. В некоторых из них и сейчас живут их потомки, но большинство зданий сменили владельцев и теперь в них расположены самые различные заведения – отели, казино, музеи, университет. Около многих дворцов оборудованы причалы для гондол, а волны от проплывающих катеров и моторных лодок бьются прямо в их парадные двери. Печально, но это уже признанный факт – красавица Венеция постепенно погружается

в воду. Кроме того, город постоянно страдает от наводнений, и у каждого венецианца на этот случай имеются высокие резиновые сапоги.

Мы выходим на остановке у моста Риальто – самом знаменитом из четырех венецианских мостов. Построенный в 1592 году в самом узком месте канала по проекту Антонио да Понте, он имел одну мощную арку длиной в 28 метров. Самое интересное, что на проект моста был объявлен конкурс, в котором приняли участие Микеланджело, Палладио, Сансовино. Однако венецианцы отдали предпочтение проекту молодого, мало кому еще известного архитектора.

Галя с восторгом смотрит на это рукотворное чудо и говорит: «Неужели это не сон?» «Ты не первая так думаешь, – отвечаю я, – то же самое подумал, впервые приехав в Венецию, Аполлон Григорьев:

*То не был сон. Я плыл в Риальто, жадно
Глядя на лик встававших предо мной
Узорчатых палаццо...*

Отель «Фава» находился в пяти минутах ходьбы от моста, но найти его оказалось не так-то уж просто. По совету одного из местных жителей мы углубляемся в тесный лабиринт узких улочек и проходов и, немного поплутав, выходим к небольшой площади под названием Фава («фава» – по-итальянски «боб»). Когда-то здесь было бобовое поле – поля давно уже нет, а вот название сохранилось. На площадь выходит несколько старинных зданий, в том числе и церковь; одно из них – наш отель. Похоже, что этой массивной несколько мрачноватой постройке не менее 400–500 лет, о чем красноречиво свидетельствуют почерневшие от времени каменные блоки, из которых сложено здание. Однако внутри ничто не говорит о древности строения – современный дизайн, все блага цивилизации. Несколько минут уходит на формальности, связанные с размещением, в завершении чего мы получаем ключ и в сопровождении горничной понимаемся на второй этаж. Наш номер небольшой, но уютный. Его единственное окно вы-

ходит на узкий проход, отделяющий отель от церкви. Конечно, лицезрение, серой церковной стены зрелище не из приятных, но, если высунуть голову из окна и посмотреть налево, то можно увидеть часть площади, а за ней небольшой канал, по которому время от времени медленно проплывают гондолы. Вот это уже хорошо.

Устав с дороги, решаем немного отдохнуть. Но отдых краток – у нас на Венецию отведено всего лишь два дня, а посмотреть нужно ой как много и, прежде всего, главную городскую достопримечательность – площадь Сан Марко, куда мы и направляемся. Путь к ней тоже лежит через узкие проходы, улочки и мосты, но чем ближе к площади, тем они становятся все более оживленными, поскольку здесь расположена масса всевозможных лавок, магазинчиков, кафе. Сувениры здесь на все вкусы и кошельки – от открыток и магниток с изображением города до карнавальных масок и изделий из венецианского стекла, бронзы и прочих материалов.

Выходим на площадь. Я не первый раз в Венеции, и каждый раз меня поражают красота и величие этого необыкновенного города с его дворцами, мостами, каналами, в которых отражаются рукотворные творения человеческого гения. Как-то я смотрел по каналу «Дискавери трэвэл» фильм «Десять достопримечательностей Венеции», так вот площадь Сан Марко занимала в нем первое место. Действительно, площадь великолепна, и на ней всегда царит атмосфера праздника. Помните у Хемингуэя – «Праздник, который всегда с тобой»? Звучит музыка – это играют оркестры в кафе, расположенных по периметру площади. Самое старое и знаменитое – «Флориан». В нем любил сживать Иосиф Бродский. Поэт боготворил Венецию и, согласно его завещанию, был похоронен на венецианском кладбище Сан-Микеле – это тоже остров. Вместе с ним там покоятся и останки других выдающихся деятелей русской культуры – И. Стравинского, С. Дягилева.

На площади всегда многолюдно. Звучат самые разные языки мира, но, похоже, что больше всего здесь китайцев, японцев и русских. Да еще масса голубей, а для любителей их покормить организована продажа корма. Вот какой-то кре-

пыш, усыпав себя зернами, расставил руки в стороны, и тут же со всех сторон слетелись голуби. Нисколько не боясь людей, они буквально облепили крепыша со всех сторон, усевшись даже ему на голову, а тот, довольно улыбаясь, позировал перед камерой своего товарища, запечатляющего сей курьезный момент на пленку.

Мы тоже сфотографировались на фоне собора Святого Марко – покровителя Венеции, а затем направились ко Дворцу Дожей. Это импозантное здание, выходящее фасадом на лагуну, тоже входит в «Великолепную десятку». Сейчас здесь находится музей, но его посещение у нас намечено на завтра. А пока мы ограничиваемся его осмотром снаружи. Дворец Дожей – одно из самых старых строений города: указ о его строительстве был подписан в 1340 году. Дворец необычен в плане архитектурного решения – его массивный верх, где размещены самые роскошные залы, покоится на легких ажурных колоннах второго яруса, который, в свою очередь, опирается на более прочную аркаду нижнего этажа. И хотя у здания всего три этажа, смотрится оно довольно внушительно. Так, высота Зала Большого Совета, находящегося на третьем этаже здания, достигает 12,5 метров. Залюбовавшись дворцом, вспомнил историю побега Казановы из тюрьмы, описанную великим авантюристом в его «Записках». Как пишет автор, тюрьма тогда располагалась в чердачном помещении Дворца Дожей. Трудно представить, как смельчак спускался по веревке с крыши этого высокого здания. На что только не пойдет человек ради обретения свободы!

Выходим к лагуне – здесь тоже полно народа. У причалов теснятся «черные лебеди» – гондолы. Говорят, они были выкрашены в этот цвет во время одной из эпидемий чумы. Любопытно смотреть, как гондольер ловко управляет лодкой, орудуя лишь одним длинным веслом. С «Соломенного моста», на который мы вступаем, открывается вид на другой, более знаменитый – Мост Вздохов. Беломраморный, с двумя окошками посередине, он соединяет Зал Трибунала, находящийся на третьем этаже Дворца Дожей, с тюрьмой – печально известными «пьямби», откуда редко кто выходил живым. И при-

говоренные, зная, что их ожидает, бросали прощальный взор на красавицу-Венецию. Ну как тут не вздохнуть?

Погуляв по Словенской набережной и налюбовавшись чудным вечерним видом на гавань и возвышающуюся на противоположном берегу Большого канала церковь Санта Мария дела Салюте, возвращаемся на площадь Сан Марко, а затем уже и в отель. Проходя по мосту через небольшой канал, я замечаю красивую гондолу, а рядом – скучающего в ожидании клиентов гондольера. “Quanto costa un viaggio in gondola?” (Сколько стоит поездка в гондоле?) – спрашиваю я. «Восемьдесят евро за сорокаминутную прогулку», – следует ответ. Дороговато, думаю я – это же почти пять тысяч сомов! – и мы продолжаем свой путь. «Подождите, синьоры, я сделаю вам хорошую скидку – шестьдесят евро вас устроит?» – кричит нам вдогонку гондольер. Мы останавливаемся, переглядываемся и, не говоря ни слова, направляемся к гондоле.

Прогулка в гондоле – увлекательное занятие. Лодка просторна и комфортабельна, рассчитана на 5–6 пассажиров. Первые гондолы появились в Венеции в незапамятные времена, но их современный вид сформировался в XVI веке. Профессия гондольера – потомственная, а искусно управлять лодкой дело далеко не из легких – нужны долгие годы учения. К тому же сама гондола по карману лишь состоятельному человеку: хорошая лодка стоит 40–50 тысяч евро. Наш гондольер – коренастый мужчина лет тридцати пяти по имени Уго отлично справляется со своими обязанностями: его гондола легко скользит по глади каналов, а он еще успевает рассказывать нам о достопримечательностях, мимо которых проплываем. Вот, например, дом Гольдони, а в этом доме жил сам Казанова...

Вначале мы плывем по небольшим каналам, кружа по центральной части города. Берегов, здесь, как таковых, нет, дома как бы вырастают прямо из воды. Время наложило отпечаток на их вид: камни почернели, и кое-где покрылись мхом, кирпич растрескался. Но дома все еще стоят, и в них живут или работают люди. Однако не все дома обветшали, попадаются довольно хорошо сохранившиеся или отреставрированные здания.

Если есть балконы или лоджии, то на них много цветов, зелени. Часто попадаются мосты самой разнообразной конфигурации и размеров – их в Венеции около четырехсот. Красота невообразимая: я еле успеваю щелкать фотокамерой.

Наконец, мы выходим в Большой Канал – Canale Grande или Canalozzo, как его зовут венецианцы. Это грандиозное зрелище. Теперь мы находимся в окружении самых роскошных палаццо, а впереди по курсу виднеется мост Риальто. Мы проплываем мимо рыбного рынка, здания бывшей тюрьмы и углубляемся под свод моста. А вот и причал, куда мы прибыли на varoretto несколько часов назад. Здесь Уго делает плавный разворот и мы снова входим в один из боковых каналов. Еще пять минут, и путешествие окончено – гондола мягко касается причальных мостков.

На следующий день просыпаемся рано, смотрим на часы – еще нет и шести. Что делать? Решаем до завтрака сходить на рынок – благо он находится совсем рядом: достаточно лишь перейти через мост Риальто. В шесть часов утра Венеция почти безлюдна – это так нетипично для Серениссимы, где жизнь кипит с утра и далеко за полночь. Поднимаемся на мост и осматриваемся. День обещает быть хорошим: на небе – ни облачка. Город только пробуждается, но в районе рынка уже видны первые покупатели, а продавцы и поставщики давно уже тут. Все продукты в Венецию доставляются водным путем – на баржах и лодках. Вот и сейчас идет разгрузка одной из них. Спускаемся с моста, еще сто метров, и мы на рынке.

Рынок живописен, особенно рыбные ряды – чего тут только нет – всевозможная рыба – от мелочи до огромных тунцов и какого-то монстра типа меч-рыбы, моллюски, осьминоги, креветки, лангусты... Но что нам делать со всем этим великолепием – в гостиничном же номере обед не приготовишь! Несколько кадров на память, и мы идем к прилавкам, где торгуют фруктами. Яркие-красные сицилийские апельсины стоят всего два евро, столько же бананы, чуть дороже – киви. Берем всего понемногу и продолжаем прогулку по рынку. Кроме прилавков, здесь есть магазины, где можно купить любые продукты, включая вино, мясо, ветчину, сыры, сладости и деликатесы. Бытует

мнение, что в Венеции всё стоит дорого. Да, это так, но только в кафе, ресторанах, вокзалах, аэропортах, а на рынке цены, в общем-то, почти такие же, как и по всей Италии.

Возвращаемся в гостиницу и идем завтракать. В большинстве итальянских отелей завтрак включен в стоимость проживания. Обычно – это так называемый «шведский стол», когда все предлагаемые блюда и напитки расставлены на столах или стойках: подходи с подносом и бери всё, что хочешь и сколько хочешь. Отель «Фава» небольшой, поэтому завтраки подают в нем в одной из комнат первого этажа, где стоят пять-шесть столиков. Меню здесь разнообразное, и все продукты свежайшие: ветчина, сыры, масло, выпечка, фрукты и т. п. Столь же разнообразны и напитки – йогурты, соки, чай, кофе (крепкий итальянский *caffé ristretto* и разбавленный молоком американский), горячий шоколад. Моя супруга – большая любительница кофе – очень довольна удивительно вкусным кофе. Я же предпочитаю чашечку капуччино.

Сегодня у нас запланировано посещение двух музеев. Вообще, их в Венеции немало – назову только самые главные: Галерея Академии, Музей Венеции XVIII века, Галерея Франкетти, Музей современного искусства. Мы идем знакомым нам путем по направлению к площади Сан Марко, затем проходим к заливу и поворачиваем налево, к центральному входу во Дворец Дожей. В кассе покупаем входные билеты – они стоят по восемь евро и дают право посещения всех четырех музеев площади Сан Марко – Дворца Дожей, музея Коррер, Археологического музея и залов библиотеки Марсиана. И все это нужно успеть сделать за один день – задача не из легких. Поэтому мы решаем ограничиться только осмотром Дворца Дожей, на что у нас уходит более двух часов. Сказать, что дворец великолепен – это мало: он просто сказочен, фантастичен, ведь создавали его прославленные мэтры эпохи Возрождения. В их числе: Сансовино, Беллини, Карпаччо, Тинторетто, Веронезе, Тициан. Одни только залы – Сената, Коллегий, Антиколлегий, Старейшин, Большого Совета, с их резными дубовыми панелями и потолочными росписями чего только стоят! И таких залов здесь много. К сказанному можно еще добавить Музей

оружия, многочисленные статуи, картины, а также лестницы, переходы, галереи и многое другое.

Уставшие, почти не чувствуя под собой ног, завершаем осмотр дворца – но это еще не всё: о Боже, – нужно еще посетить тюрьму. Проходим по Мосту Вздохов и оказываемся в месте «скорби и печали». Посещение тюрьмы оставляет гнетущее впечатление, особенно ужасны камеры, так называемые «поцци» (колодцы). Трудно представить, как здесь в нечеловеческих условиях содержались заключенные – в холоде, сырости, темноте и часто без надежды когда-нибудь выйти отсюда.

Однако выносились и смертные приговоры, которые приводились в исполнение изощренным способом: несчастных просто топили. Вот что пишет об этом Жермена де Сталь в своем романе «Коринна» (1807):

Знаменитый «Мост вздохов» вел из дворца дождей прямо в тюрьму, куда заключали государственных преступников. Проезжая по каналу мимо стен темницы, можно было слышать крики «Правосудия! На помощь!», но невозможно было распознать, кто кричит жалобным приглушенным голосом. Наконец, когда государственному преступнику выносили смертный приговор, за ним приезжали ночью на лодке; он выходил через дверцу, открывавшуюся на канал; его отвозили на некоторое расстояние от города и топили в той части лагуны, где была запрещена рыбная ловля; какой ужасный обычай! Казнь совершалась в глубокой тайне: тело осужденного навеки исчезало...

И вот мы снова на набережной Сан Марко. Ярко светит солнце, голубое небо отражается в водах залива. Волны от проплывающих катеров доходят до берега, рассыпаются каскадом брызг. Венеция приветливо встречает своих гостей, желающих полюбоваться этим чудом Света. Сотни туристов, не скрывая восхищения, непрерывно снуют по набережной, покупают прохладительные напитки и сувениры, фотографируют на фоне многочисленных достопримечательностей.

После обеда, краткого отдыха и чтения путеводителя мы снова пускаемся в путь – теперь уже по Большому Каналу, решив его проплыть полностью от начала до конца, то есть

от церкви Санта Мария делла Салюте до железнодорожного вокзала. Знания, почерпнутые из путеводителя, помогают распознать тот или иной палаццо. Около вокзала находим небольшой сквер с фонтанчиком, который голуби используют для водопоя. Здесь тихо и спокойно – лучшего места для отдыха не найти. Рядом проходит боковой канал. Он тоже красив и, в отличие от других водных артерий города, прямолинеен. Это так необычно, ведь Венеция – город кривых линий.

Я давно мечтал побывать в Галерее Академии, одном из лучших художественных музеев Италии. И вот, похоже, эта возможность, наконец, появилась. Чтобы осуществить ее, мы снова сели в *varovetto* и, проплыв по каналу минут двадцать, сошли на берег у моста Академии. Галерея располагалась в здании церкви Санта Мария делла Карита, построенной в 1452 году. Это, пожалуй, самая полная и лучшая коллекция венецианской живописи, представленной здесь такими яркими именами, как Паоло и Лоренцо Венециано, Джованни и Джентиле Беллини, Андреа Мантенья, Витторе Карпаччо, Паоло Веронезе, Джорджоне, Тинторетто, Тициан и др. Конечно, чтобы более или менее ознакомиться с картинами, выставленными в музее, нужно время. В нашем же распоряжении всего лишь два-три часа, поэтому успеваем осмотреть лишь самое главное. Яркое впечатление произвели полотна Веронезе, особенно его монументальная композиция «Пир в доме Левия». Известно, что слишком светская трактовка религиозного сюжета привлекла в свое время внимание инквизиции, потребовавшей от художника переделки картины. Запомнились также «Гроза» Джорджоне, цикл картин, посвященных Святой Урсуле Карпаччо, «Чудо Святого Марка» Тинторетто, «Флора» Розальбы Каррьера, многочисленные виды Венеции Беллини, Каналетто, Гварди.

Когда мы вышли из музея, время уже близилось к вечеру. Мы решили немного пройтись пешком, посмотреть «внутреннюю», удаленную от Большого Канала Венецию. Чтобы добраться до отеля, нам нужно было пройти через три площади, соединенные меж собой не узкими проходами, а более широкими улицами. Естественно, время от времени приходи-

лось проходить через мосты, ни один из которых не был похож на другой. Такими же были и дома – каждый из них имел свое лицо.

Добравшись до отеля, мы решили уже никуда не ходить, но приняв душ и немного отдохнув, подумали: как это можно сидеть в номере, не взглянув даже на ночной город? И мы снова пустились в путь. Улица, ведущая к мосту Риальто, была ярко освещена и полна народа. Работают многочисленные магазины, бары, кафе – они тоже не пустуют. Звучит музыка, слышится разноязычный говор, веселый смех. Многие прогуливаются вместе с детьми. Мы тоже вливаемся в общий поток и не успеваем заметить, как оказываемся на мосту. Вид на ночной канал, открывавшийся с моста Риальто, бесподобен – прямо под нами проплывают гондолы и катера, вода искрится от света, льющегося от причалов и из окон старинных палаццо. Такое трудно забыть.

На следующий день, после обеда мы отбываем на поезде в Рим, а на утро у нас запланировано посещение собора Сан Марко – самого величественного здания Венеции, строительство которого в основном пришлось на XI век. Воздвигнутый в романо-византийском стиле, собор имеет пять куполов, а его фасад украшают четыре бронзовых позолоченных коня, захваченных венецианцами в начале XIII века в Константинополе. В соборе хранятся мощи евангелиста Марка, святого покровителя города.

Утренняя месса начинается ровно в девять, и мы как раз успеваем к ее началу. Она проходит в восточном притворе базилики. Туристов здесь мало – в основном венецианцы старшего поколения, жители близлежащих домов. В последнее время количество верующих в Италии сокращается. Вообще, Италия – католическая страна, однако многие итальянцы посещают церковь всего лишь два раза в год – на Пасху и перед Рождеством. Вот и сейчас половина мест здесь свободна. Месса идет на итальянском языке, а еще в первой половине прошлого века она звучала на латыни. Мессу проводит пожилой священник, но в его проповеди не слышно должного энтузиазма, теплоты.

Жаль, что нам не удалось побывать в центральной части собора – чтобы попасть туда нужно прийти заранее и выстоять огромную очередь. В один из прошлых приездов в Венецию мне удалось побывать внутри базилики. Ее интерьер впечатляет своим величием и роскошью. Но больше всего поражает украшенный золотом, эмалями и драгоценными камнями «Пала д'Оро» (Золотой алтарь) – подлинный шедевр ювелирного искусства. Алтарь столь драгоценен, что его охраняют карабинеры, а туристов пропускают к нему лишь небольшими группами.

После мессы мы направились в музей истории собора Сан Марко. Он располагался на верхнем этаже фасадной части базилики, куда можно было подняться по крутой каменной лестнице. Это примерно уровень пятого этажа. Бегло осмотрев небольшую экспозицию музея, мы вышли на крышу здания. Отсюда открывается прекрасный вид на Пьяццу (площадь) Сан Марко и прилегающую к ней Пьяцетту. Хорошо видны палаццо, расположенные по периметру площади, а прямо перед нами возвышается построенная в 1496 году импозантная Торре дель'Оролоджио (Башня часов). На башне установлены куранты с забавными фигурками двух мавров с молотами в руках, отбивающих время. Нам повезло: неожиданно мавры ожили, пришли в движение, и раздался бой курантов. Отбив положенное число ударов, мавры замерли в ожидании следующего часа.

Однако приближается время обеда, а, значит, и нашего отъезда из Венеции. А посему, сделав еще несколько прощальных фото, мы покидаем Сан Марко. Путь от отеля к причалу у моста Риальто по знакомым нам уже проходам занял не более пяти минут. Еще полчаса уходит на путь в *varopetto*, и мы, наконец, у цели – железнодорожного вокзала. Вокзал в Венеции современный и довольно большой, поэтому мы не сразу находим нужный нам перрон, с которого отходит поезд-экспресс на Рим. Но вот и посадка, поднимаемся в вагон и располагаемся в креслах. Поезд плавно трогается с места, еще минута и мы уже едем по дамбе лагуны. Прощай, Венеция!

В ВЕЧНОМ ГОРОДЕ

Скорый поезд-экспресс шел почти без остановок, и спустя четыре часа мы уже были в столице Италии. В Риме несколько железнодорожных вокзалов, но самый большой и современный – вокзал Термини. Наша гостиница «Италия» находится совсем недалеко от него и буквально в трех минутах ходьбы от одной из центральных улиц города – виа Национале. Этот район я хорошо знаю – в один из своих прошлых приездов в Рим мне довелось жить в отеле «Зара», расположенном тут же рядом, на углу виа Национале и улицы Четырех фонтанов. Многие достопримечательности города находятся в непосредственной близости от него, что очень удобно – не надо пользоваться общественным транспортом, а к интересующим нас объектам можно добираться пешком – я уверен, что только пешие прогулки дают возможность по-настоящему узнать город, почувствовать дух, которым он живет.

Жаль только, что номер нам попался не совсем удачный – его единственное окно выходит в тесный внутренний дворик, да и вид у него неприглядный. Пришлось вступить в переговоры с администратором отеля – миловидной итальянкой – о замене номера. Однако оказалось, что все комнаты уже заняты, но завтра что-то освободится и нам подберут другой номер, нужно только чтобы все вещи были сложены в чемоданы, а к обеду, когда мы вернемся в отель, переселение уже состоится. Что ж, будем надеяться.

Немного отдохнув, мы решили прогуляться по вечернему городу. Удивительно, но в этот час виа Национале была почти безлюдна, поэтому, пойдя несколько кварталов в сторону площади Венеции, мы сочли благоразумным вернуться в отель.

На утро у нас был запланирован осмотр Колизея, Римского Форума и ряда других памятных мест центральной части города. Путь к Колизею занял у нас не более двадцати минут, и вот мы, наконец, перед этим грандиозным строением. Даже в полуразрушенном виде он впечатляет. Когда-то этот огромный, вмещающий пятьдесят тысяч зрителей амфитеатр, служил ареной, на которой разыгрывались кровопролитные бои

гладиаторов. А сейчас наряженные в гладиаторские костюмы предприимчивые молодые люди наладили здесь свой маленький бизнес: они охотно позируют за свой скромный гонорар в несколько евро.

Рим – удивительный город: в нем можно встретить памятники всех эпох – от античности до неоклассицизма и модернизма. Но больше всего здесь памятников старины – Колизей, Пантеон, Термы Каракаллы, городские форумы, многочисленные храмы (вернее, то, что осталось от них), арки, колонны, катакомбы... Чтобы все это осмотреть – месяца не хватит. Однако главная достопримечательность Рима – амфитеатр Флавиев (по определению госпожи де Сталь – «самая прекрасная руина Рима»), символ былого могущества метрополии, сумевший не только покорить многие страны и народы, но и заложить основы будущей Европы:

*И силой разума и права –
Всечеловеческих начал –
Воздвиглась Запада держава,
И миру Рим единство дал.*

Владимир Соловьев. *Ex oriente lux*, 1890

Около Колизея толпится масса народа и никаких машин – это пешеходная зона, въезд на которую разрешен разве что полиции и скорой помощи. А ведь не так уж давно вокруг Колизея сновали машины, мотоциклы, а выхлопные газы медленно, но верно разрушали бесценный памятник античной культуры. Вообще Колизею не везло – он страдал от нашествий варваров и стихийных бедствий, а что не сделали силы природы, довершили люди – в течение многих лет амфитеатр Флавиев использовался как каменоломня. Особенно здесь преуспело семейство Барберини, как говорят итальянцы, что не успели сделать *barbari* (варвары), сделали Барберини, беззастенчиво бравшие античные колонны и прочие материалы непосредственно из Колизея. Свидетельство тому – некоторые элементы декора, ныне украшающие палатцу Барберини.

Любуясь Колизеем, мы обратили внимание на парня, лихо подъехавшего к зданию на моноцикле. Он рекламировал автобусные экскурсии по Риму под названием «Чао, Рома». Предложение было заманчиво, но выложить первому встречному по 18 евро за билет было рискованно: а не лохотрон ли это? Но стоявший неподалеку полицейский, к которому я обратился за консультацией, развеял мои сомнения. Купив билеты, мы продолжили прогулку по Риму. Рядом с Колизеем возвышалась величественная арка Константина, императора, который сделал христианство официальной религией Рима. В канун празднования Миллениума арка была заново отреставрирована и теперь блистала своей первозданной красотой. Далее наш путь лежал вдоль Палатина – одного из семи римских холмов, места первых поселений римлян. На нем до сих сохранилась пещера, в которой, согласно легенде, капитолийская волчица вскормила двух близнецов – Ромула и Рема. Что было дальше известно: Ромул убил Рема и дал новому городу свое имя. Это случилось в апреле 753 года до Рождества Христова.

Дойдя до площади Porta Capena, мы повернули направо, проехали две остановки на автобусе и вышли у Капитолия. Площадь Капитолия – шедевр Микеланджело. В ее центре возвышается античная конная статуя императора Марка Аврелия. В последние годы она сильно пострадала, так как у римских новобранцев была традицией разбивать о ногу коня бутылку шампанского. К торжествам Миллениума статую отреставрировали и убрали в Капитолийский музей, а на площади установили копию – бей, ребята, сколько хочешь! К площади Капитолия ведет широкая лестница, вершину которой украшают великолепные античные скульптуры братьев Диоскуров, с древних времен считавшихся покровителями Вечного города.

По проекту Микеланджело здесь были воздвигнуты три здания – Палаццо сенаторов (в нем сейчас располагается муниципалитет города), Палаццо консерваторов и Капитолийский музей – одним из экспонатов которого является знаменитая бронзовая статуэтка Капитолийской волчицы.

Обогнув здание Капитолия, мы вышли на площадку, с которой открылся потрясающий вид на руины древнего

Римского Форума. Когда-то здесь было болото, но потом его осушили, а на образовавшемся пространстве была разбита площадь – центр политической и религиозной жизни города. Площадь украсили многочисленные храмы, арки и прочие сооружения. Но сейчас от всего этого великолепия остались, если не руины, то лишь отдельные фрагменты. Более или менее хорошо сохранились две арки – Тита и Септимия Севера. Удивительно, но вплоть до XVIII века Форум был скрыт под трехметровым слоем грунта, зарос травой и по нему бродили коровы. И лишь благодаря археологическим раскопкам он снова был открыт свету. В общем, всё как у Аполлона Майкова:

*Я видел древний Рим в развалине печальной
И храмы, и дворцы, поросшие травой,
И плиты гладкие старинной мостовой,
И колесниц следы под аркой триумфальной...*

Рядом с Капитолием немало других интересных мест – старинная церковь Санта Мария ин Аракоели (к ней тоже ведет высокая лестница), античный театр Марцелла, а из современных построек – беломраморный Алтарь Родины. Чтобы увидеть его во всем величии мы вышли на центральную площадь Рима – площадь Венеции. Алтарь Родины – это целый комплекс, своеобразный памятник первому королю объединенной Италии Виктору Эммануилу II. Воздвигнутый в 1855–1911 годах, он не сразу был принят римлянами: как только его не называли! И «свадебным пирогом», и «вставной челюстью» – уж слишком он выделялся на фоне ренессансных зданий. Как бы то ни было, но «Витториано» символизировал вековую мечту итальянцев об объединении Италии.

Прямо напротив Алтаря Родины находится один из самых красивых дворцов Рима – Палаццо Венеция (раньше в нем располагалось венецианское посольство – отсюда и название). В годы фашистской диктатуры во дворце размещалась резиденция Муссолини, с балкона которого дуче нередко обращался с пламенными речами к своим согражданам.

Однако стало припекать: несмотря на середину апреля, стояла довольно жаркая погода. Кинув прощальный взор на чудесную площадь, мы повернули в сторону виа Национале и поспешили в отель: настало время обеда.

В отеле нас ожидал приятный сюрприз – нам сменили номер, правда, на небольшой, но уютный, но, главное, в нем было окно, выходящее на улицу с видом на церковь. По совету той же милой администраторши мы пошли обедать в кафе самообслуживания, которое находилось прямо напротив отеля, и не пожалели – обед оказался не только хорошо приготовленным, но и не дорогим: отбивная по-милански с жареным картофелем, салат из свежих овощей, напитки.

Вторую половину дня мы посвятили экскурсии по городу. По пути к начальному пункту автобусного маршрута мы осмотрели ряд интересных мест – площадь Четырех Фонтанов, палаццо Барберини, фонтан Пчёл. Представьте себе обычный перекресток средневекового города, на котором углы выходящих на него четырех зданий срезаны под углом в 45 градусов, а на этих срезах, в нишах, установлены фонтаны. Эта и есть площадь Четырех фонтанов. И стоят эти фонтаны, и радуют глаз уже более 400 лет. Два из них посвящены итальянским рекам – Тибру и Арно, а два богиням – Юноне и Диане. И еще одна достопримечательность этого места: отсюда можно сразу увидеть три античных обелиска, установленных на площадях города.

Фото на память, и продолжаем свой путь. Но не успели пройти и сотни метров, как возник другой достойный восхищения объект – палаццо Барберини, один из самых выдающихся памятников барочной архитектуры, в котором сейчас располагается Национальная галерея старинного искусства. Красота неопишуемая – одна только кованая решетка с воротами чего стоит!

Но, однако, надо спешить: успеваем только испить водицы из очаровательного фонтана Пчёл (она необыкновенно вкусна и холодна) и полюбоваться платанами, украшающими одну из самых элегантных улиц Рима – виа Венето, и мы, наконец, у цели.

Маршрут нашей экскурсии таков: виа Венето – площадь Барберини – вокзал Термини – базилика Санта Мария Маджоре – Колизей – цирк Массимо – площадь Святого Петра (Ватикан) – мост Святого Ангела – площадь императора Августа – улица Тритона. Автобусные экскурсии имеют свою специфику. Конечно, можно проехать по всему маршруту, заняв удобное место на верхней открытой площадке и не выходя ни на одной из остановок. Но все же, разумнее будет выходить на остановках, осматривать находящиеся поблизости достопримечательности и снова садиться в автобус – благо, они курсируют с получасовым интервалом. И так можно кататься весь день. Следует помнить, что многое можно увидеть, лишь выходя на остановках, поскольку к интересующим вас объектам нужно будет еще пройти по пешеходной зоне. Например, выйдя около площади Святого Петра, вы сможете посетить Ватиканский собор, а сделав остановку на улице Тритона, пройти к знаменитому фонтану Треви и т. д.

Итак, мы садимся в автобус, настраиваем наши наушники на русский язык (один из тринадцати предлагаемых) и трогаемся в путь. Видимость с верхней площади прекрасная – я только успеваю слушать объяснения экскурсовода и щелкать затвором фотоаппарата. Иногда мы выходим, осматриваем достопримечательности и снова пускаемся в путь. Правда, выходить на остановках рискованно – хорошие места могут оказаться занятыми. Но это не беда: главное, что день ясный, теплый, у нас прекрасное настроение, и мы – в Риме. Когда еще такое будет!

Вечером, за ужином, узнаем, что 16 апреля, то есть завтра вечером, в римском театре-салоне «Маргерита» состоится концерт оперной музыки. Программа обещает быть интересной – сцены из опер Верди, Моцарта, Пуччини, Бизе. Билеты можно будет приобрести в кассе театра, который находится недалеко от площади Испании. Что ж, завтра мы как раз будем в том районе и, если повезет, билеты купим.

Замечаю, что по вечерам в отеле работает другой администратор. Это мужчина лет сорока, по виду индиец. Он хорошо знает свое дело, бегло говорит по-итальянски и по-английски,

с клиентами предупредителен, корректен. Вот и мне он дал несколько дельных советов, помог позвонить в Милан. Мы разговорились. Выяснилось, мой новый знакомый – филиппинец, имеет специальное образование, но у себя на родине не мог найти работу. Вообще, с филиппинцами мне приходилось в жизни сталкиваться не раз, и они всегда оставляли о себе хорошее впечатление. Иное дело выходцы из стран Африки и Ближнего Востока – они буквально заполнили Италию. В большинстве своем молодые, не имеющие никакой профессии, они пробиваются кто как может – в лучшем случае торгуют или выполняют самую простую, не требующую квалификации работу.

В новом номере спалось хорошо и, хотя окно выходило на улицу, было совсем не шумно. Как и в Венеции, завтрак в отеле входил в стоимость номера, да и ассортимент предлагаемых блюд был довольно широк. А хороший завтрак – это и хорошее настроение. Особенно вкусны в Риме, да и не только в Риме, а во всей Италии, сыры и колбасы, а из напитков – вина и всевозможные виды кофе – от крепких ристретто и маккьято (подкрашенного каплей молока) до восхитительного капуччино, изобретение которого приписывают монахам ордена капуцинов.

Сегодня мы решили начать свою экскурсию по Вечному городу с осмотра Квиринала и одноименной площади, на которой находится президентский дворец. Квиринал – это самый высокий из семи римских холмов (61 метр). Строительство дворца на Квиринале было начато в 1574 году при папе Григории XIII. До 1870 года он служил летней резиденцией для пап, а затем – королей. Сейчас в нем располагается резиденция Президента Республики. В создании дворца принимали участие крупные архитекторы эпохи барокко, в том числе Фонтана и Бернини. Огромное здание выглядит строго и внушительно. Его главный фасад украшают статуи святых Петра и Павла, а перед дворцом, на площади установлен великолепный фонтан с обелиском и статуи братьев Диоскуров.

Полюбовавшись дворцом и фонтаном и сделав парочку фоток на память, идем к другому, пожалуй, самому знамени-

тому фонтану Рима – Треви. Чего-чего, а фонтанов в Риме великое множество. Они воспеты поэтами, увековечены на полотнах художников. А композитор Отторино Респиги, кстати, в молодые годы бравший уроки композиции у Римского-Корсакова, создал очаровательную симфоническую поэму «Фонтаны Рима». Но больше всех, пожалуй, «прославил» Треви Марчелло Мастроянни, искупавшись ночью в фонтане в фильме Федерико Феллини «Сладкая жизнь» .

К фонтану выходишь неожиданно – он прячется в глубине улочек квартала виа Ваккара. Здесь всегда многолюдно. Созданный архитектором Никколо Сальви в стиле позднего барокко, фонтан служит фасадом большого дворца, украшенного барельефами и статуями на причудливом нагромождении скальных выступов. Вода к нему подается по античному водопроводу, построенному в эпоху правления Августа, и она удивительно хороша на вкус. Дно фонтанной чаши усыпано монетами разных стран мира – это дань туристам, верящих в то, что брошенная через плечо монетка обеспечит им возвращение в Рим. Ну, а влюбленные пьют воду из трубочки, укрепленной в правой стороне сооружения, считая, что сей акт скрепит навеки их союз. Мы тоже испили водицы из фонтана и, запечатлев свои лики на фоне этого рукотворного чуда, отправились на поиски улицы Дуэ Мачелли, где находится театр-салон «Маргерита».

Сверясь по карте города, мы быстро нашли нужную улицу, а затем и сам театр. Лет сто назад он был знаменитым мюзик-холлом, где ставились мюзиклы и водевили, а теперь здесь устраивают разного рода концерты и представления. Я поинтересовался у администратора, есть ли среди артистов предстоящего концерта именитые певцы. Ответ был честным: нет, но все вокалисты – профессионалы высокого класса. Что ж, придем и послушаем: итальянцы не умеют плохо петь. Билеты на балкон обошлись нам по тридцать евро с человека, что, в принципе, не дорого.

А вот и площадь Испании со своей знаменитой лестницей. Впрочем, тут всё знаменитое – и площадь, и лестница, и церковь Санта Тринита дей Монти 1495 года с двумя куполами и обелиском перед фасадом, и фонтан Бернини «Баркачча»

и многое другое. Лестница прекрасна в любое время года, но больше всего – весной, когда вокруг всё цветет и благоухает. Влюбленные назначают здесь свидания, а художники рисуют и тут же реализуют плоды своего вдохновения туристам.

Много достопримечательностей есть и в непосредственной близости от площади, так в метрах ста, если пойти по улице Кондотти, находится старинное кафе «Греко», в котором любил сидеть автор «Мертвых душ» Николай Васильевич Гоголь. Бывали здесь и Тургенев, Стендаль, Торвальдсен, Кипренский, Бруни, Щедрин, и многие другие. Тут же рядом находится посольство Испании, которое и дало название и площади, и лестнице.

Мы медленно поднимаемся по лестнице, которая, причудливо извиваясь, то расходится на два марша, то сливается в один. А вот и знакомый куст – лет пятнадцать назад я укрылся под ним во время неожиданно полившего дождя. Ну, как тут не сделать фото об этом памятном событии! Идем дальше и, наконец, выходим на широкую площадку перед церковью Святой Троицы на горах (так переводится Санта Тринита дей Монти), откуда открывается дивный вид на город. Хорошо видны площади и дворцы, церкви иobelisks. Но выше всех – он как бы парит над Римом – купол собора Святого Петра, бессмертное творение гения Микеланджело.

Теперь наш путь лежит к знаменитому римскому парку Пинчо и Пьяцце дель Пополо, что в переводе звучит более прозаично: площадь народа. Проходим мимо не менее известной виллы Медичи – бывшей некогда собственностью кардинала Фердинандо Медичи, впоследствии правителя Флоренции. В античные времена здесь простирались сады Лукулла и стояла вилла императрицы Мессалины, где она, кстати, и была убита. В 1803 году Наполеон Бонапарт передал виллу Медичи Французской академии и с тех пор здесь стали проживать стипендиаты Римской премии, в основном, композиторы. В их числе – Адан (автор балета «Жизель»), Берлиоз, Гуно, Бизе, Массне, Дебюсси. Само здание имеет строгий вид и скорее напоминает крепость, чем виллу, а вот ее территория – сады, клумбы, газоны просто роскошны. Всё это мы увидели через раскрытые ворота – попасть сюда не так-то уж просто.

Ну, вот и Пинчо. Это настоящий парк – ухоженный, тенистый. Пинчо – детище Джузеппе Валадье. В 1814 году он был назначен главным архитектором Ватикана и Рима, а уже шесть лет спустя завершил дело, которое, можно сказать, обесмертило его имя – он произвел генеральную реконструкцию площади дель Пополо и построил террасу на холме Пинчо, откуда можно увидеть потрясающую панораму Рима. Тысячи туристов приходят сюда, чтобы полюбоваться видом на город, который особенно прекрасен на закате. Впрочем, и днем он великолепен. Пинчо – всего лишь часть большого зеленого массива, излюбленного места отдыха римлян. За ним следует другой парк – вилла Боргезе со своей знаменитой картинной галереей.

Однако становится жарковато, и мы углубляемся в парк. Его аллеи украшены бюстами великих людей Италии. Мне приглянулся Архимед, и я решил сфотографироваться рядом с ним. В третьем веке до Рождества Христова ученый жил в Сиракузах на Сицилии и вот как-то, сидя на земле, что-то чертил на песке, когда на его чертеж неожиданно пала тень. Увлеченный расчетами, Архимед махнул рукой пришельцу, мол, отойди, не видишь разве, что ты закрыл мне свет. На его беду незваным гостем оказался римский солдат, который не потерпел такой фамильярности по отношению к своей персоне – он лишь взмахнул копьем, и Архимеда не стало. Жаль!

Идем дальше по парку. Здесь тихо и прохладно, повсюду видны великолепные фонтаны, статуи, павильоны. И все это окружают мощные вековые деревья. На центральной аллее замечаем устремленный в небо гранитный обелиск. Вообще в Риме много обелисков – я их начитал не менее десяти – и почти все они из Египта. Кстати, один из них находится тут же рядом: он украшает площадь дель Пополо – нужно лишь спуститься к нему по лестнице. Но, прежде чем начать спуск, мы подходим еще раз к бельведеру, любуемся открывшимся видом на площадь, прилегающими к ней кварталами и намечаем наш дальнейший маршрут.

Площадь дель Пополо – одна из самых красивых в Риме. Она овальной формы и украшена двумя дивными фонтанами.

В центре площади, в окружении четырех каменных львов, возвышается посвященный Рамзесу II обелиск из храма Солнца в Гелиополисе. Еще лет пятнадцать назад площадь была буквально забита транспортом, теперь же здесь тишь да гладь: движение запрещено, и пешеходы безбоязненно пересекают ее в любом направлении. Вот и мы, подошли к фонтанам, обелиску, полюбовались двумя церквами-близнецами, украшающими начало въезда на центральную магистраль Рима – виа дель Корсо, и направились в сторону моста «Маргерита», перекинутому через Тибр.

Пройдя два квартала по улице Фердинанда Савойского, мы подошли к набережной реки. Тибр нес свои зеленоватые воды где-то там, внизу, и чтобы спуститься к воде, нужно было преодолеть не менее 30–40 ступенек. Весна была в самом разгаре, полоски земли между водой и каменными стенами набережной буйно заросли травой и кустарником. Я невольно вспомнил фонтан Бернини «Баркачча» (Barcaccia – лодчонка) перед Испанской лестницей, воздвигнутый на том самом месте, куда во время одного из разливов Тибра, занесло старую рыбацкую лодку. На сколько же метров поднялась тогда вода, если она не только вышла из берегов, но и дошла до самой площади Испании!

На набережной много платанов, в тени которых так уютно и прохладно, что уже и не хочется никуда идти. Конечно, можно было бы перейти через мост и пойти в сторону Ватикана, но усталость дает о себе знать, да и время обеда подходит. Поэтому мы возвращаемся к площади дель Пополо, у Фламиниевых ворот садимся в поезд метро и через три остановки выходим на площади Республики, откуда как раз берет начало виа Национале. Еще немного усилий – и мы дома.

Сегодня вечером мы идем в театр. Концерт начинается поздно – в половине девятого, поэтому можно немного расслабиться. После обеда и часовой сиесты решаем заняться шопингом. Мы идем в сторону площади Барберини – там много магазинов и сувенирных лавок. Главное – найти место, где товары продаются со скидкой или найдется сговорчивый продавец. Вообще, если вы намерены сделать серьезные покупки,

то лучше всего этим заняться на оптовых складах, где обычно «отовариваются» челноки. Но адреса складов надо знать, да и находятся они, как правило, на периферии. Нам же нужны лишь сувениры и кое-что из аксессуаров. Похоже, что фортуна нам улыбнулась: мы нашли то, что хотели. Хозяйка лавки – немолодая, но следящая за собой женщина – была любезна и сделала нам хорошие скидки. В результате мы расстались довольные друг другом, а наши руки отягощали пакеты с покупками.

На концерт мы вышли почти за час до начала – решили идти пешком, благо погода стояла хорошая, да и путь был недалеким. На улицах было оживленно. Ближе к театру мы встретили группу нарядно одетых людей и догадались, что они идут туда же, куда и мы. Так оно и оказалось. Однако мы пришли рано – до спектакля оставалось еще около получаса. Чтобы не терять время, решили осмотреть театр. Он оказался небольшим, но уютным, располагающим к приятному отдыху. Кроме партера, имелся еще вместительный балкон, а также фойе с буфетом, где расторопный бармен готовился к обслуживанию клиентов. Однако зрителей было мало, в основном люди старшего поколения; к началу концерта набралось лишь человек пятьдесят. Маловато, – подумал я с огорчением, – будь то концерт рок- или попмузыки, картина была бы совсем иной.

Мы ознакомились с программой. На концерте должны были выступить “*I virtuosi dell’opera di Roma*” (“Виртуозы римской оперы”) – четыре певца: сопрано Сабина Теста, меццо-сопрано Ирене Боттаро, тенор Карло Наполетани и баритон Джорджо Карли и инструментальный ансамбль. Все они были преподавателями различных консерваторий. Кроме того сообщалось, что будут исполнены арии и сцены из опер западноевропейских композиторов, причем артисты будут петь в сценических костюмах в сопровождении небольшого оркестра.

У меня почему-то закралось недоброе предчувствие, что ничего хорошего нас не ожидает. Однако я ошибся: концерт произвел на меня отличное впечатление. Все его участники – и солисты, и девять музыкантов-инструменталистов показали себя с самой лучшей стороны, и, несмотря на то, что в зале было все-

го совсем мало зрителей, они выступали с полной самоотдачей, как и положено выступать настоящим профессионалам.

В антракте мы вышли из зала, погуляли по фойе. Я заметил, что большая часть публики была итальянцами и, скорее всего, жителями Рима, и лишь небольшая группа, судя по их речи, была туристами из Германии. Потом мы подошли к бару, выпили по бокалу красного вина и в приподнятом настроении вернулись в зрительный зал.

Из прослушанных номеров больше всего понравились дуэт Дона Жуана и Церлины из оперы Моцарта «Дон Жуан», сцены из «Травиаты» и ария Азучены из «Трубадура» Верди, Сеги-дилья, куплеты Эскамилио и ария Хозе из «Кармен» Бизе. Да и всё остальное было спето так, как и положено петь хорошим оперным певцам. Понравилась трактовка образа Кармен – она предстала не как этакая оперная дива в ярком наряде, а как простая цыганка, работница сигарной фабрики – непредсказуемая и темпераментная. Соответствующей были и ее одежда, и игра.

В заключение концерта солисты разыграли шуточную сценку – высокие голоса стали петь партии низких голосов и наоборот. Всё началось с возмущенного заявления баритона. «Хватит, надоело – куда не пойдешь, всюду на первом месте вы, тенора. Теперь я буду петь тенором», – заявил он с апломбом. «Кто – ты?! – удивился баритон. «Да, я», – ответил тенор. Баритона поддержала меццо-сопрано, решившая петь сопрановую партию. И тут они запели, причем в типичных для тенора и сопрано манерах – если бы я не знал, какие у них от природы голоса, у меня даже не закралось бы сомнение в их истинной вокальной принадлежности. Далее дуэт перешел в квартет, и тут тенор с сопрано неожиданно запели как баритон и меццо. В общем, номер удался – публика была в восторге, наградив артистов бурными аплодисментами.

На следующий день у нас должен был состояться переезд в Милан, но утро оставалось свободным, поэтому мы решили использовать его рационально – осмотреть базилику Санта Мария Маджоре, которая находилась совсем недалеко от нашего отеля, в районе Эсквилина (еще одного из семи римских хол-

мов). Это один из четырех главных соборов Рима (наряду с соборами Святого Петра, Сан Джованни ин Латерано и Сан Паоло фуори ле Мура) и один из самых старых (основан в 431 году). Собор великолепен и снаружи и внутри, а его отличительной особенностью является наличие двух фасадов. Особенно красив центральный фасад работы Фердинандо Фуга (1741), выходящий на площадь с фонтаном. Удивительно, что, несмотря на поздние доработки, базилике удалось сохранить свой первоначальный вид; в частности, в ней сохранились мозаики V века, представляющие большую художественную ценность.

В отель «Италия» мы вернулись как раз во время. Попрощавшись с гостеприимным персоналом, подхватив за ручку заметно потяжелевший чемодан, мы направились в сторону вокзала и вскоре уже сидели в вагоне поезда, который, стремительно набирая скорость, увозил нас на север, в Милан. *Arrivederci, Roma, good bye, au revoir...*

ЗДЕСЬ ЖИЛ И ТВОРИЛ ВЕРДИ

Удобно расположившись в кресле, любуясь очаровательными пейзажами то горной, то равнинной Италии, готовлюсь к очередной встрече с Миланом. В этом городе я был уже дважды (в 1998 и в 2007 гг.), и каждый раз он очаровывал меня своим динамизмом, целеустремленностью. Сказать просто, что Милан – это крупный экономический, финансовый и культурный центр страны мало. Это, пожалуй, самый европейский из итальянских городов с очень высоким интеллектуальным и творческим потенциалом. Это город высокой моды, крупнейших издательств, газет и журналов, нередко формирующих общественное мнение, наконец, это город искусства и, прежде всего, музыкального: в Милане находится лучший оперный театр мира – знаменитая Ла Скала. Мне довелось один раз побывать в нем, и это впечатление неизгладимо.

Когда мы с женой планировали поездку по Италии, многие друзья отговаривали нас ехать в Милан. Даже таксист в Риме удивился: «Милан? Да что там делать? – кроме Дуомо там-то и посмотреть не на что!». Конечно, он был не прав:

в Милане есть на что посмотреть – в городе много уголков, где еще сохранился дух старого города: старинные церкви, дворцы в стиле либерти, музеи, галереи, монументы. Всего не перечислить! Тем, кто всё же сомневается в этом, рекомендую прочесть содержательный очерк о Милане в путеводителе по Италии А. Хайкина (М.: Эксмо, 2010).

Но вот и Милан. Выходим на площадь перед вокзалом, где нас должна встретить наша давняя знакомая – синьора Марина. Еще в начале 90-х годов ее муж Джанлуиджи налаживал свой бизнес в Кыргызстане, там мы и познакомились. Несколько лет назад он умер, и теперь семейный бизнес (торговлю недвижимостью) взяла в свои руки синьора Марина – женщина умная, деловая.

Но где же она? – площадь пуста. Идем к стоянке такси и тут замечаем отчаянно машущую нам синьору. Мы не виделись шесть лет, и она почти не изменилась – такая же молодая, активная и, как сказал бы Гоголь, «приятная во всех отношениях». Не прошло и пяти минут, как мы уже сидели в ее машине и ехали в сторону отеля, где для нас был уже забронирован номер.

Отель находится в районе Навилья – так называли в Милане судоходные каналы, некогда проходившие через город и игравшие важную роль в его экономической жизни. Однако в начале прошлого века каналы были накрыты крышами и лишь небольшие их участки остались нетронутыми. В непосредственной близости от такого канала, в тихом, обсаженном деревьями переулке и располагалась наша гостиница под названием «Идея». Да, неплохая «идея» подумал я, глядя на небольшое восьмизэтажное здание, возвышавшееся над соседними домами, главным достоинством которого было удаление от шумных городских улиц и относительная близость к центру города (четыре остановки на трамвае).

Размещение не заняло много времени, и, немного отдохнув с пути, мы с Галей отправились осматривать близлежащие кварталы. Наша улочка незаметно перешла в сквер, а потом мы увидели старый канал – навилью. Он частично был скрыт землей, а его открытая часть представляла сухое глубокое ложе с бетонны-

ми стенками. Идя вдоль него, мы постепенно вышли на довольно широкую улицу, среднюю часть которой занимал частично заполненный водой канал. Внешне он выглядел, как настоящая река с высокими берегами и набережными с парапетами. Это и была навилья. Вдоль него шла оживленная улица с какими-то офисами, магазинами, лавками. В путеводителе я прочел, что раньше навильи доходили до самого центра города. Они были украшены мостами, маленькими площадями и садами, отражавшимися в их светлых водах, а сегодня навильи можно увидеть лишь на старых фотографиях и репродукциях – жаль! Мы прошли вдоль канала, представив, как по нему когда-то ходили пароходы и баржи, и, пройдя через знаменитые Тичинские ворота (Porta Ticinese), вернулись в сквер, а затем и в отель.

Утром мы вышли на шумную, многолюдную улицу – Корсо Дженова, сели в трамвай и вышли на остановке Пьяцца дель Дуомо (Соборная площадь) – одной из самых красивых площадей Европы. От великолепия, заполнявшего ее пространство, разбегались глаза: тут и крытая галерея-пассаж короля Виктора-Эммануила II, и импозантный конный памятник ему же, и два дворца – так называемые «Пропилеи». Но краше всего – беломраморный собор – Дуомо. Это чудо готики поражает. Он строился более 400 лет (с 1386 по 1813 год). На соборе установлено 135 башенок и 3400 скульптур, а над ними, на самом высоком шпиле парит позолоченная статуя Девы Марии – Мадоннина, как ее ласково зовут миланцы. Особенно красива она на рассвете или в час заката, когда весь город погружен в темноту, и лишь Мадонна, освещенная лучами солнца, сияет в синем небе, словно звезда. Это впечатляющее зрелище мы имели возможность наблюдать из окна нашего гостиничного номера. Жаль только, что нам не удалось полюбоваться собором в лунную ночь, как это делал в свое время Стендаль: «Все эти вечера около часу пополудни я хожу смотреть Миланский собор. В ярком свете луны церковь эта являет зрелище чарующее, ни с чем в мире не сравнимое. Никогда архитектура не производила на меня подобного впечатления».

Осмотр города мы решили начать с галереи. Представьте себе два квартала роскошной городской улицы с симметрично

расположенными трехэтажными домами и площадью-перекрестком посередине, полностью покрытыми стеклянным куполом-крышей. Летом здесь прохладно, а зимой и в ненастье заметно теплей, чем под открытым небом. В галерее расположены самые известные издательства, многочисленные бутики, магазины, рестораны. Яркие, нарядные витрины притягивают в себе взор.

«Смотри, Берлускони!» – восклицает жена, показывая мне на вывеску над входом одного из магазинов. Жена немного ошиблась – это магазин серебряных изделий фирмы «Бернаскони». Итальянские ювелиры, начиная с Бенвенуто Челлини, большие мастера по работе с серебром. Останавливаемся перед витриной – чего там только нет! И все изделия изящны, художественно безупречны – кольца, браслеты, кулоны, сережки, вазочки, рамки для фотографий и т. д. Решаем зайти в магазин. Услужливые продавцы тут же бросаются нам навстречу: «Добрый день! Что желаете, синьоры?». Ознакомившись с выставленными на витринах ювелирными изделиями, останавливаем свой выбор на симпатичном крестике с цепочкой. Покупка обходится в 40 евро.

Галерея выходит на другую площадь – театральную, и первое, что мы видим, это прекрасный памятник Леонардо да Винчи. Великий художник, ученый, изобретатель (да и кем только он не был!), стоит на высоком постаменте, окруженный своими учениками. Рядом с памятником мы видим палаццо Марино (ныне муниципалитет Милана), а по другую сторону площади – театр Ла Скала. Галина разочарована: она ожидала узреть нечто грандиозное, вроде парижской Гранд Опера или Большого театра России, а увидела довольно скромное, совсем не впечатляющее здание. Да, это так: моя жена не первая, кого внешний вид театра разочаровал, но главное ведь не в форме, а в содержании – в качестве постановок, артистах, голосах. Тут Ла Скала нет в мире равных.

Для нас, кыргызстанцев, театр Ла Скала особенно дорог, ведь на его сцене пел наш земляк, один из лучших басов современности, народный артист СССР Булат Минжилкиев. Более того, певец в течение трех лет осваивал здесь искусство

бельканто. Мне довелось побывать в этом замечательном театре, и я горжусь тем, что в музее Ла Скала хранится моя монография о выдающемся кыргызском певце. В Милане учился пению и молодой вокалист Женишбек Ысманов, успешно выступающий сейчас на оперных сценах Италии, Европы. Вообще, в Италии немало кыргызстанцев. Некоторые из моих бывших студентов вот уже много лет живут и работают в этой стране, учатся в итальянских вузах. Другие, пройдя курс по усовершенствованию языка, вернулись в Кыргызстан и успешно трудятся в различных сферах его жизни.

Купить билеты на какой-нибудь спектакль в Ла Скала нам, конечно, не удалось – они были распроданы вперед на несколько месяцев. Поэтому, осмотрев театр снаружи, мы вернулись на Пьяцца дель Дуомо и вошли в собор. Внутри он был не столь великолепен, как снаружи – скорее строг и величественен, но и здесь было немало того, что могло вызывать истинное восхищение. Это витражи, мозаичный пол, портал, ведущий в южную ризницу, многочисленные произведения искусства. Одно из них – надгробный памятник Джан Джакомо Медичи, работы скульптора Леоне Леони. И многое другое.

В соборе было тихо, сумрачно и даже немного зябко. Тем разительней было наше возвращение на залитую ярким солнечным светом площадь, где жизнь кипела ключом. И тут мы заметили красный экскурсионный автобус. «Давай поедem на экскурсию!» – предложила Галя. «Давай!» – и мы устремились к автобусу. Оказалось, что билеты на экскурсию можно было купить тут же у представительницы туристического агентства, что мы и не замедлили сделать. Поднявшись по лестнице на открытую площадку, поспешили занять места на переднем сидении, откуда открывался самый лучший обзор, подключили свои наушники к языковому селектору и приготовились к поездке.

Вскоре автобус заполнился, и мы тронулись в путь. На этот раз мы колесили по городу до самых сумерек, прервавшись только на обед. Увидели мы много: четыре самые известные церкви Милана – Санта Мария деле Грацие (одну из ее стен украшает «Тайная вечеря» Леонардо), Сан Лоренцо Маджоре с римской колоннадой, Сант'Эусторджио (самая старая бази-

лика города – 515 года) и Сант’Амброджио (посвящена святому покровителю Милана, день рождения которого отмечается 7 декабря – именно в этот день открывается театральный сезон в Ла Скала). Проезжали мы также по центральным улицам и площадям города, мимо прекрасных скверов и парков, видели здание университета, в котором в XVI веке располагалась большая городская больница, башню-небоскреб «Торре Веласка», торговый центр, арену, аквариум и многое другое. Одно время мы долго ехали по широкой прямой улице, откуда хорошо просматривались небоскребы миланского «Даунтауна». Улица называлась «Московская» (Via della Moscova).

Этот маршрут мы частично повторили и во второй половине дня, завершив его у замка «Кастелло Сфорцеско», в стенах которого ныне размещено несколько городских музеев. Начало строительства Кастелло относится к 1368 году. Замок сменил нескольких владельцев, пока в 1450 году не перешел в владение нового Синьора города – герцога Франческо Сфорца. По его приказу полуразрушенный замок был восстановлен и дополнен новыми постройками. По иронии судьбы работы были завершены в год смерти герцога (1466 г.). Постепенно он стал одним из самых роскошных замков этого региона. Свою лепту в модернизацию Кастелло внесли в свое время Браманте и Леонардо да Винчи.

Сложенный из красного кирпича, массивный, импозантный, замок давно уже стал одной из главных достопримечательностей города. Особенно красива центральная башня замка – башня Филарета с часами и барельефом герцога. Через ворота, проходящие через центр башни, мы вошли во внутренний двор замка – большое квадратное пространство, окруженное постройками, к которому прилегал другой, более симпатичный дворик, весь засаженный чудесными цветами. В этой части замка находились музеи, в частности музей музыкальных инструментов. В одну из прошлых поездок мне довелось побывать в нем. Экспозиция музея впечатляла. Наиболее богатой была коллекция старинных клавишных и струнных инструментов, включавшая скрипки, альты и виолончели прославленных мастеров кремонской школы – Стра-

дивари, Гварнери, Амати, а также многочисленные рояли, клавесины, спинеты. Особое место занимало старинное пианино, принадлежавшее Верди.

Сзади к замку прилегал обширный зеленый массив – парк Семпионе, за которым хорошо просматривалась красивая триумфальная арка – Arco della Pace (Арка Мира), построенная в 1838 году в память о мире 1815 года. Мы сфотографировались у парапета с видом на парк и арку, и тут наше внимание привлек один из павильонов, вокруг которого собралась толпа зевак. Мы тоже подошли к нему. Оказалось, что в павильоне проходил своеобразный «мастер-класс» по приготовлению блюд итальянской кухни. Его проводил немолодой уже мужчина в белом халате и поварском колпаке, а вокруг него хлопотали дети – они внимательно следили за тем, что говорил и показывал им «маэстро». Как я понял, в конце будут подведены итоги и выявлены победители. Призы будут вручены тем, чьи блюда окажутся вкуснее всех.

Но уже вечерело, и мы поспешили в отель. От Каstellо до площади Дуомо путь не так уж далек, а там – на трамвай, и через четыре остановки мы дома. В номере нас ожидал сюрприз – чудесный вид на ночной Милан: купола церквей, Дуомо, небоскреб «Веласка» и освещенная лучами мощных прожекторов Мадоннина.

Сегодня 19 апреля – ровно неделя, как мы в Италии: быстро, однако, летит время. День уже распланирован – утром идем в «Бреру», а на вечер мы приглашены в гости к синьоре Марине. И так, «Брера» – это одновременно и улица, и дворец, и знаменитая Пинакотека, иными словами, картинная галерея. Сам дворец был воздвигнут в 1773 году архитектором Франческо Рекини, а галерея была открыта лишь тридцать лет спустя – в 1803 году. Чтобы попасть в Пинакотеку, около театра Ла Скала нужно свернуть на прилегающую к нему справа улицу и пройти по ней метров пятьсот. Брера – типичная миланская улица, застроенная преимущественно двух-, трехэтажными домами, среди которых немало старинных палаццо. Здесь же, неподалеку от оперного театра, находится дом Джузеппе Верди. В 1901 году, когда старый композитор тяжело болел, и дни его были уже сочтены, во

избежание шума по распоряжению властей города вся каменная мостовая была засыпана сеном.

Дворец Брера снаружи особо не впечатляет, но стоит зайти во внутренний двор, как вы окажетесь перед шедевром архитектуры. Вы увидите красивые здания с двухэтажными аркадами, опирающимися на парные колонны, а в центре двора – бронзовую статую Наполеона работы великого скульптора Антонио Канова. Галерея находится на втором этаже, куда ведет широкая парадная лестница. В Пинакотеке около сорока залов. В них размещена богатейшая коллекция, в основном, произведения художников ломбардской и венецианской школ. Здесь хранятся такие шедевры живописи, как «Обручение» Рафаэля, «Мадонна с младенцем» Пьеро делла Франческа, «Христос в Эммаусе» Караваджо, полотна Тинторетто, Беллини, Веронезе, Мантеньи, Кривелли, Корреджо, Браманте, а из зарубежных мастеров – Ван Дейка, Рембрандта.

Три часа непрерывного хождения по залам музея давали о себе знать, но мы еще держались: произведения великих мастеров оставляли в сердце глубокий след, духовно обогащали, доставляя подлинное эстетическое наслаждение. Уже не чувствуя под собой ног, мы вошли в последний зал и тут увидели еще одну картину, которая невольно привлекла наше внимание – «Поцелуй» Франческо Айеца. На холсте была изображена целующаяся парочка, можно сказать, миланские Ромео и Джульетта. В ней было столько романтической страсти и порывистости! Судя по одежде, юноша уходил на войну и прощался со своей возлюбленной. В картине, написанной художником 1859 году, когда Северная Италия находилась под властью Австрии, был явный намек на политическую ситуацию, призыв к действию. И не случайно она была впервые выставлена на показ лишь после обретением Италией независимости.

Настало время обеда – но куда пойти? Конечно, лучше всего пообедать там, где едят сами итальянцы, а не заезжие туристы. Одна из сотрудниц музея посоветовала нам пойти в ресторан под экзотическим названием «Кайман». «Готовят там хорошо, да и цены вполне приемлемые», – добавила она, объяснив, как пройти в это заведение.

И действительно, «Кайман» оказался довольно симпатичным, уютно обставленным ресторанчиком. Было время обеда, поэтому нам пришлось немного подождать, пока не освободился один из столиков. Обслужили нас быстро и хорошо. Обед с вином и десертом обошелся нам в тридцать пять евро. Бокал легкого сухого вина к мясному блюду – это прекрасно, ведь не зря же известный гастроном Брийа-Саварен писал «Un pasto senza vino é come un giorno senza sole» (Обед без вина – всё равно, что день без солнца). В конце трапезы нас пригласили перейти к стойке бара, где нам был подан ароматный кофе с шоколадкой (все это было включено в стоимость обеда).

После хорошего обеда неплохо пройтись пешком, и мы решили прогуляться по знаменитой улице Монтенаполеоне, где расположены бутики самых известных стилистов Италии – Армани, Версаче, Гуччи, Валентино, Дольче и Габбана и многих других. Яркие, со вкусом оформленные витрины шли непрерывной вереницей, зазывая прохожих зайти внутрь и немного потрясти своими кошельками. Но мы держались стойко, да и хождение по магазинам не входило в наши планы. Зато вспомнились шуточные строки московского поэта, «физика и лирика» Павла Митюшёва:

*О, Milano, «Медиаланум»,
«серединная земля»!
Твои кофточки регланом,
твои юбочки воланом
не дают уснуть уланам,
дефилями веселя!*

Но вот и площадь Дуомо. Здесь произошел курьезный случай – мы потеряли друг друга. Случилось это так: к углу площади подходило несколько расходящихся веером улиц, и по двум из них ходил трамвай. Нужно было свернуть на вторую улицу (что и сделала Галя), я же в толпе потерял ее из виду и свернул на первую, где была точно такая же трамвайная остановка, да и улицы были очень похожи друг на друга. Обнаружив, что жена где-то затерялась, я вернулся к перекрестку,

но там ее тоже не было. Немного подождав и покрутив головой по сторонам, снова пошел к остановке: всё напрасно! Тут я даже немного запаниковал – как жена доберется до отеля, не зная города и не владея языком? Пришлось снова идти к исходной точке, и вдруг я понял, что свернул не на ту улицу. Еще не дойдя до нее, увидел идущую мне на встречу Галю: давно я так не радовался встрече со своей благоверной. Слава богу, что всё обошлось! Узнав о моих переживаниях, жена рассмеялась: «Ничего бы со мной не случилось – номер трамвая я знаю, на какой остановке выйти тоже, а там до отеля дойти совсем нетрудно».

Оставшееся до вечера время мы посвятили отдыху и подготовке к званому ужину. Ближе к вечеру раздался телефонный звонок – это звонила синьора Марина. Оказалось, что она живет совсем недалеко от нашего отеля, и этот путь легко пройти пешком. Погода стояла прекрасная, поэтому вечерняя прогулка нам понравилась. А вот и *via del Don* (улица Дона), лучше сказать «Донская», названная так в честь русской реки. Здесь в одном из многоэтажных домов и живет синьора Марина вместе со своей дочерью Франческой и двумя породистыми собаками.

Квартира у наших друзей большая – четыре просторные комнаты, одна из которых служит офисом (в нее ведет отдельный ход). Хозяева, а с ними и обе собаки, кажется сеттеры, радостно встречают нас. Животные чистые, ухоженные и, главное, воспитанные. Кстати, собак раньше было больше: целых три поколения – бабушка, дочь и внучка.

После обмена сувенирами, и беседы за «круглым столом» в гостиной, перешли в столовую, где нам был предложен ужин. Итальянский званый ужин – это целый ритуал, который может продолжаться несколько часов. Вся пища, хотя и обильная, – легкая, поскольку в основе ее лежит так называемая «средиземноморская» диета: никаких животных жиров, телятина, рыба, овощи, фрукты, сыры, оливковое масло. И, конечно же, натуральные сухие вина. В конце трапезы обязательно подается десерт и чашечка кофе. Если вы немного переели и чувствуете тяжесть в желудке, вам предложат народное средство – рюмоч-

ку граппы (виноградной водки, нечто вроде нашего самогона, но хорошо очищенного). *Per digerire bene* (для хорошего пищеварения) – скажут вам при этом итальянцы. Я не раз пользовался этим средством и скажу, что действует отменно.

Ужин закончился около полуночи. До гостиницы нас провожали синьора Марина и собаки. Почуввав предстоящую прогулку, они оживились и радостно завивали хвостами. Вечер был тихий и безветренный, светила луна, улицы были пусты и лишь только редкие прохожие время от времени встречались нам на пути.

Рано утром за нами приехало вызванное из отеля такси, и через пятнадцать минут мы уже были у Центрального вокзала Милана. Перед входом в здание я остановился, окинул взором тихий в этот утренний час город. Погода портилась, похоже, будет дождь. Прощай, Милан – ты был прекрасен! Кто знает, может быть, мы еще свидимся...

ЧЕРЕЗ ШВЕЙЦАРИЮ ВО ФРАНЦИЮ

Поезд «Евростар», стремительно набирая скорость, шел прямо на север. Солнечная погода, неизменно сопутствовавшая нашей поездке по Италии, окончательно испортилась: пошел дождь. Сквозь струи воды, нещадно заливавшие окна вагона, просматривались зеленые холмы альпийских предгорий. Проехали Домодоссолу – небольшой городок, название которого известно почти каждому итальянцу: оно входит в так называемую «телеграфную азбуку» для обозначения буквы “d” (“d” come Domodossola, – скажут итальянцы, если вы не услышите при разговоре по телефону какое-то незнакомое вам слово).

Мы забирались все выше и выше, постепенно приближаясь к швейцарской границе. Как известно, эта страна не входит в Европейский союз, и еще несколько лет назад для въезда или даже проезда через нее требовалась виза. Теперь же эта необходимость отпала: шенгенская виза стала действительна и на территории Швейцарской Конфедерации.

Но вот и граница. Поезд замедлил ход и остановился. По радио объявили, чтобы пассажиры приготовили паспорта для

проверки. Все засуетились, достали документы и стали ждать. Я даже немного заволновался – вдруг что-нибудь не так? Тем временем поезд тронулся, и вскоре в вагон вошел полноватый мужчина в форме пограничника, но удивительное дело: он лишь внимательно посмотрел на пассажиров, а паспорта проверил только у двух человек. Окончив свое дело, он приветливо улыбнулся и перешел в другой вагон.

Швейцария встретила нас настоящей зимой – всё вокруг было белым бело, а ветки деревьев даже прогнулись от тяжести налипшего снега. Но в теплом вагоне, да еще через окно, присутствие зимы как-то не ощущалось. Мы подъезжали к Бриге. Вдруг радио ожило, и нам сообщили пренеприятную весть: по техническим причинам поезд дальше не пойдет, а поэтому всем пассажирам нужно взять свои вещи, выйти на перрон и ждать прибытия другого состава, на котором можно будет продолжить путь. Поезд остановился. Ничего не поделаешь: пришлось взять багаж и выйти на безлюдный перрон. Вот тут-то присутствие зимы дало о себе знать в полной мере. Большинство пассажиров, и мы в том числе, были одеты по-весеннему. Поеживаясь от холода, я осмотрелся. Сам городок, по-видимому, находился где-то в стороне, а здесь кроме платформы и заснеженного леса ничего не было. Пейзаж был прямо сказочный. Я уже подумывал открыть чемодан и достать что-нибудь теплое, но тут показался поезд. Не прошло и пяти минут, как все пассажиры уже сидели в вагонах и ехали в сторону Женевы.

Дорога шла явно на спуск, так что зимний пейзаж постепенно менялся и переходил в весенний. Куда ни кинешь взор – повсюду горы, ущелья, реки, долины. Вдали виднелась высокая скалистая гора. Веселые городки и деревеньки – чистые, ухоженные, словно, свежавымытые – проплывали мимо нас. Слева по ходу поезда показалось озеро, судя по размерам Женевское. Точно – это оно. А вот и главная достопримечательность этой части озера – Шильонский замок, воспетый лордом Байроном в одноименной поэме. Старинный замок был воздвигнут на выступающей из озера скале и соединен с берегом мостом. Хорошо видны его высокие мощные цилиндрические башни с конусовидными крышами.

Мы проезжаем мимо города Монрё, известного своим джазовым фестивалем, который проводится здесь с 1967 года. Во время проведения фестиваля (это случается в июне) весь город охватывает настоящая джазовая лихорадка: – джаз звучит повсюду – и на суше, и на воде. Жаль, что сейчас не июнь, а то можно было бы заехать сюда на денек-другой. Монрё привлекателен и тем, что в нем жили многие великие писатели и музыканты, в том числе Владимир Набоков.

Не успели мы проехать Монрё, как показался другой городок – Веве, затем последовали Мерж, Лозанна и, наконец, Женева. Всё это время мы имели прекрасную возможность любоваться красотами швейцарской Ривьеры. В Женеву прибыли с небольшим опозданием. Здесь нас ждал сын Виталий. Он прилетел в Женеву рано утром и уже успел взять напрокат машину и побывать в районе горнолыжных баз, где он обычно проводит свой зимний отпуск. И вот – долгожданная встреча: мы не виделись с сыном почти четыре года. Конечно, мы часто общаемся по скайпу, но видеть родного сына своими глазами, физически ощущать его присутствие – это нечто иное, трудно даже передать словами.

Виталик легко подхватил наш крупногабаритный чемодан, и мы направились к автостоянке. Наша машина – небольшой черного цвета «Фольксваген» модели «Поло», на вид неказист, но, как оказалось, довольно надежен и удобен. На нем нам предстоит преодолеть расстояние примерно в три тысячи километров по маршруту Женева – Анси – Гренобль – Ницца – Арль – Амбуаз (долина Луары) – Париж – Женева, с заездом во многие другие населенные пункты. Первым городом, в котором мы собираемся провести два дня, будет Анси. Он расположен в часе езды от Женевы, но это уже – Франция.

Мы проезжаем по улицам Женевы. Из окна автомобиля видно, что это красивый европейский город, застроенный преимущественно пяти-шестиэтажными домами. Минут через пятнадцать пересекаем границу, и мы уже во Франции, в области Верхняя Савойя. Отличное асфальтированное шоссе вьется меж невысоких гор, небо задернуто облаками, но настроение хорошее – впереди у нас две недели увлекательного путешествия по Франции, но, главное, мы снова все вместе.

Технический прогресс заметно облегчил путешествие в автомобиле по незнакомым местам – достаточно лишь включить навигатор GPS, указать нужный вам населенный пункт, улицу, номер дома или просто название отеля, ресторана и т. д., и он безошибочно доведет вас самой кратчайшей дорогой и с точностью в несколько метров в желаемое место. Вот и сейчас навигатор ведет нас на бульвар Корниш, где Виталий забронировал по Интернету небольшую частную виллу. «Бульвар Корниш» – это громко сказано, на самом же деле это узкая улочка, проложенная в лесу прямо на склоне горы. Сквозь деревья просматривается озеро Lac d'Anessey, у оконечности которого и разместился одноименный город – Анси. Место нашего временного проживания сын выбрал удачно: чистый воздух, прекрасная панорама, а до центра города не более десяти минут хода на машине.

АНСИ, ГРЕНОБЛЬ И «ДОРОГА НАПОЛЕОНА»

Разгрузив чемоданы и немного отдохнув, отправляемся в центр – прежде всего, нужно перекусить. Ближе к вечеру похолодало, набежали тучи, и стал накрапывать дождь. Но городок красив: одна его часть очень даже напоминает Венецию – каналы, стоящие прямо в воде, старые, чуть ли не средневековые дома. Жаль, что эти красоты не очень меня радуют: холодно, а поэтому все мысли только о том, как бы согреться и поесть. С завистью смотрю на встречных людей – они тепло одеты, веселы, беспечны. Удивительно, что, несмотря на плохую погоду, на улицах так много народа. Это объяснимо: сегодня суббота, вот люди и вышли погулять, да и туристов здесь немало.

Неожиданно наше внимание привлек щит с объявлением о весенней распродаже, установленный перед входом в магазин одежды. Среди обозначенных товаров упоминался и мужской свитер фирмы «Бёртон». Что ж, надо зайти и посмотреть – что-то теплое в такую погоду, это как раз то, что нужно. Мне повезло: свитер оказался красивым и качественным, да и по цене вполне подходящим. В общем, примерил я его и не захо-

тел уже снимать – так в нем и пошел в кассу рассчитываться. Из магазина вышел в отличном настроении. Вскоре нашлась и точка французского общепита, правда, с нашим, русским, колоритом – она специализировалась на выпечке блинов. В блинной было тесновато, да и подождать немножко пришлось, но блины оказались отменного качества – большие и с самыми разнообразными начинками. Сытые и согретье мы вышли на улицу. Виталий достал фотоаппарат и принялся щелкать им направо и налево – благо достойных внимания объектов здесь было предостаточно.

Когда стало темнеть, мы вышли к стоянке, сели в машину и вернулись на бульвар Корниш, предварительно заехав в супермаркет за кое-какими продуктами и бутылочкой красного вина. Проживание на частной вилле имело еще одно преимущество – она была оборудована прекрасной кухней со всеми необходимыми аксессуарами, включая барную стойку и самые разнообразные электроприборы, так что приготовление легкого ужина не составило нам никакого труда. Бутерброды с сыром «Рокфор» и паштетом из гусиной печени под бокал хорошего французского вина располагали к приятной беседе. А поговорить нам было о чем. Ближе к полуночи разошлись по своим спальням и уснули сном праведников. Засыпая, я вспомнил, что в один день мы побывали в трех странах – завтракали в Италии, перекусили в поезде, ехавшем по Швейцарии, а обедали и ужинали во Франции. Что день грядущий нам готовит?

Утро нас порадовало: немного прояснилось. Сегодня у нас по плану поездка вокруг озера, которое, как и город, именуется Анси. Озеро небольшое – всего двадцать километров в длину и с километр или два в ширину – но весьма живописное. Оно находится на высоте 447 метров над уровнем моря и окружено кольцом поросших лесом гор. Вдоль берега озера разместилось несколько городков, самый большой из которых – Анси.

Перекусив в кондитерской капучино с бриошами и пирожными, мы направились в сторону дороги, огибающей озеро. Но неожиданно дорогу нам преградил полицейский кордон. Оказалось, что сегодня в Анси проводится массовый марафон,

и поэтому часть дороги была перекрыта. Пришло сделать небольшой крюк. Но это не беда – не прошло и десяти минут, как мы уже выехали на прибрежную трассу. Ехать вдоль озера, вдыхать свежий, насыщенный озоном воздух, любоваться великолепием всё время меняющихся горных и водных ландшафтов было очень приятно. Ансийское озеро имело причудливую форму: водная гладь то сужалась, то расширялась, образуя гавани и затоны, мысы и перешейки.

Обогнув южную оконечность озера, мы остановились, чтобы немного размяться. Вдали виднелся глубоко вдающийся в озеро мыс, а на нем – старинный замок: красота! Немного отдохнув и сделав несколько снимков, тронулись в путь и через четверть часа въехали в городок Ментон-Сан-Бернар, за которым дорога заметно отошла от береговой линии. Вдруг наше внимание привлекли парашютисты – они прыгали с высокой горы и подолгу парили в воздухе. Управляемые парашюты или, как их еще называют, парапланы, были самых разнообразных расцветок. Здесь главное – найти теплый восходящий поток, и тогда можно взмыть ввысь и подолгу парить над землей. Это было восхитительное зрелище: озеро, горы, а в ослепительной голубизне неба – парящие, словно птицы, люди.

В Анси мы вернулись в полдень. В центре города, близ набережной царило оживление. Марафон уже подходил к концу. Взмокшие, усталые спортсмены подбегали к финишу – марафонская дистанция не шутка: 42,195 метров (облегченный вариант для непрофессионалов – полдистанции). Несмотря на прояснение, дул холодный ветер, и чтобы бегуны не простудились, им вручались непродуваемые плащи-накидки.

Оставив машину на стоянке, мы решили немного прогуляться. Повсюду звучала музыка, набережная была украшена воздушными шариками, яркими транспарантами, казалось, весь городок высыпал на улицу. Мы вышли на широкую аллею, проложенную вдоль канала. И только расположились на одной из скамеек, как послышался какой-то невероятный шум, топот, словно бежало стадо слонов. Мы повернули голову в сторону, откуда доносился шум, и увидели массу бегущих детей. Сбоку бежал тренер, задавая юным спортсменам темп и подбадривая.

вая их жестами и репликами. Одеты в яркие желтые футболки, дети бежали весело, увлеченно. Они пронесли мимо нас как вихрь, как стихия, но Виталий успел запечатлеть эту колоритную картину на пленку. Да, молодцы французы, – подумал я, – не забывают о здоровье нации.

Настало время обеда, а значит и поиска подходящего ресторана. Виталий к этому делу относится весьма серьезно. Еще с вечера он ищет через Интернет отвечающее его требованиям заведение. Главный критерий – хорошая кухня, а об этом можно узнать по отзывам посетителей; затем – местонахождение (подальше от туристических объектов) и цены. Сын отдает предпочтение заведениям, куда ходят не туристы, а местные жители – они-то толк в этом знают. А раз ресторан выбран, остается лишь ввести его название в навигатор, и тот вскоре выведет нас в искомую точку. Выбор сделан правильно – обед действительно хороший и по качеству, и по цене, не говоря уже о неизменном красном вине (ну, как можно путешествовать по Франции и обедать или ужинать без вина!). Приходят на память пушкинские строки: «Он фармазон и пьет одно стаканом красное вино». Пьем, правда, не из стаканов, а из красивых бокалов. Кстати, большинство французов не мыслят свой обед или ужин без вина. Известен случай, когда на одном из заводов «Рено» была объявлена забастовка. Трудно поверить, но это так: несколько дней к обеду вино завозили с большим опозданием.

Однако в ресторане возникла небольшая заминка: меню было написано только на французском, а никто из официантов не говорил по-английски. Видя наши затруднения, официант кинулся искать человека, владеющего английским языком, и вскоре нашел его среди посетителей, расположившихся за большим столом неподалеку от нас и, похоже, отмечавших какое-то событие. Галантный француз не только прервал приятное застолье, подошел к нам и перевел интересующий нас раздел меню, дополнив перевод рекомендациями по выбору блюд. Пожелав нам приятного аппетита, он вернулся за свой стол и время от времени, улыбаясь, как бы подбадривая, поглядывал в нашу сторону.

После обеда неплохо немного пройтись по улице. Направляемся туда, где идет оживленная торговля продуктами и всякой всячиной. Чего тут только нет: овощи, фрукты, ягоды, сыры, колбасы, выпечка, сладости, всевозможные деликатесы. Решаем купить сыр – его выбор здесь просто огромен, даже глаза разбегаются от его обилия. Наконец, останавливаем свой выбор на трех сортах: бри, камембер, пармезан. Покупаем еще булку хлеба, сырокопченые колбаски и чернослив: ужинать будем дома.

Продолжаем прогулку, и тут перед нами неожиданно возникает настоящий «монстр» – невероятная по размерам собака, вся заросшая густой шерстью. Ее ведет на поводке пожилой мужчина, явно местный житель. Несмотря на свои размеры, животное ведет себя корректно и миролюбиво. Набираюсь смелости и обращаюсь к мужчине с просьбой разрешить нам сфотографироваться с его псом. Француз любезен: силь ву пле – пожалуйста! И дает команду своему лохматому другу, чтобы тот остановился. Я приседаю на колени рядом с собакой и поглаживаю ее по спине, Галя склоняется рядом, Виталик щелкает несколько раз затвором. Фото готово: мерси боку, месье!

После недолгого отдыха на вилле принимаем решение съездить в горы. Четверть часа на сборы, и мы уже в машине. Едем по знакомой нам трассе в сторону Ментона-Сан-Бернар, где, судя по карте, есть дорога, ведущая в горы, в район лыжных баз. В Анси сейчас ранняя весна; зазеленели лужайки и кустарники, но большинство деревьев все еще стоят голые. Небо покрыто облаками, поэтому вода в озере бледно-голубого, почти белого цвета, но ветра нет, в общем, тишь да гладь. В Ментоне сворачиваем налево и углубляемся в горы. Дорога всё время идет на подъем. Неожиданно горы расступаются, и перед нами открывается вид на небольшую, но весьма живописную котловину. По одной дороге можно спуститься вниз, но мы выбираем другую и продолжаем подъем в горы.

Постепенно пейзаж меняется – трава исчезает, и появляется снег. Но его пока еще мало – он лежит лишь в затененных местах. Однако чем выше, тем его становится больше,

и вскоре, уже во второй раз нашего путешествия, можно сказать: «Здравствуй, зимушка-зима!». Теперь мы едем вдоль глубокой ложбины, по другую сторону которой большая часть склонов покрыта плотным слоем снега с небольшими проталинами: весна всё же берет свое. И тут я неожиданно обнаруживаю, что кошелек с деньгами со мной нет. Я его оставил на столике в спальне. Мне даже стало немного не по себе, ведь в кошельке лежала вся наша наличность, рассчитанная на двухнедельную поездку по Франции.

– Виталик, возвращаемся назад, – обращаюсь я к сыну,

– В чем дело, папа, – недоумевает он.

– Я забыл деньги дома – они лежат прямо на столе.

– Ну, если их уже кто-нибудь взял, то спешить незачем, а если нет, то тем более, – иронизирует Виталий.

– Нет, нет, надо вернуться!

– Расслабься, папа, никто на виллу не зайдет – ключи-то ведь у нас. Еще немного, и мы повернем назад, – успокаивает сын.

Ладно, ничего не поделаешь. Будем надеяться, что всё обойдется.

Минут через пять мы объехали ложбину и остановились у горнолыжной базы. Зимний сезон уже закончился, подъемники не работают, вокруг ни души. Полюбовавшись видом на лыжные трассы и окрестные горы, сделали на память несколько снимков и тронулись в обратный путь. По пути решили захватить в магазин и купить к ужину бутылку вина, но к большому нашему огорчению все магазины, торгующие спиртными напитками, оказались закрытыми. Всё ясно: сегодня воскресенье, и государство не заинтересовано в том, чтобы люди выходили завтра на работу с похмелья. Что ж, придется ужинать без вина. Жаль!

Плутая по узким улочкам городка, мы неожиданно сбились с курса: куда не посмотришь – всюду пешеходная зона. Но вот здесь, кажется, запрещающего знака нет, и Виталий, не долго думая, свернул в проезд, который привел нас на вершину небольшого холма. Но только мы въехали на него, как сзади что-то щелкнуло. Мы вышли посмотреть, что же это такое? Оказывается, сработал автоматический шлагбаум – путь на-

зад был отрезан. Мы осмотрелись: на небольшой площадке располагалось какое-то солидное учреждение, возможно, мэрия, рядом – церковь, но вокруг ни души. Что же делать? Виталий прошел вперед и обнаружил проход, который вел куда-то вниз. Спуск оказался очень крутым, чуть ли не в сорок пять градусов. Однако мы его благополучно преодолели и, повернув налево, – о ужас! – неожиданно оказались в самом центре пешеходной зоны. Жизнь здесь шла своим чередом: работали кафе и рестораны, звучала музыка, нарядно одетые горожане не спеша прогуливались по аллее. Хорошо, что еще не было полиции. С трудом развернув машину на крохотном пятачке, наш лихой водитель тронулся в обратный путь, теперь уже на подъем. Мотор надсадно ревел, но ничего – верный «Поло» не подвел, и мы снова оказались у закрытого шлагбаума.

А площадь по-прежнему оставалась пуста. Положение складывалось аховское – прямо хоть вызывай службу «911». Но выход все же был найден: Виталий обнаружил у шлагбаума кнопку вызова, нажал на нее и объяснил кому-то по устройству, похожему на домофон (на английском языке, разумеется), что он иностранец, по ошибке въехал не туда, куда надо и теперь просит помощи. На другом конце провода долго смеялись, потом вошли в наше положение, и открыли шлагбаум. Это был счастливый момент – мы словно вырвались из плена. Небольшое дорожное приключение немного отвлекло от мрачных дум: мне всё время не давал покоя забытый дома кошелек. Но вот и вилла. Быстро поднимаюсь по лестнице, прохожу в спальню: мой кошелек и всё его содержимое преспокойненько лежат на столике. Зря волновался...

На следующий день встаем рано – нам предстоит долгая дорога: едем на Лазурный берег, в Ниццу, а это около четырехсот километров пути, большая часть которого пройдет по знаменитой «Дороге Наполеона». Первая остановка – в Гренобле. В столицу зимних олимпийских игр 1968 года мы прибыли без каких-либо затруднений по прекрасному шоссе, проложенному среди альпийских гор. На одной из тихих уютных улиц мы нашли выбранный по Интернету ресторан с экстравагантным названием “L’insolence” (хулиган), правда, ничего хулиганского

там не заметили – ресторан как ресторан, причем с хорошей кухней. Выйдя на улицу, полюбовались видом на скалистую гору, у подножия которой раскинулся город, и элегантными домами, построенными в стиле неоклассицизма XIX века. Смотрим на часы: половина первого – пора уже ехать, в Ниццу нужно успеть до наступления темноты.

Мы выезжаем на исторический тракт известный как «Дорога Наполеона» (La route Napoleon). По этой дороге в марте 1815 года бежавший с острова Эльба император вместе со своими сподвижниками проследовал из Канн в Гренобль, по пути собирая всех тех, кто оставался ему верен и хотел примкнуть к его отряду. Конечно, двести лет назад эта дорога была не столь благоустроенной, как в наше время, а скорее напоминала горную тропу. Она проходила через красивейшие горные перевалы, спускалась серпантинами вниз, углубляясь порой в жутковатые каньоны. Всё это сохранилось и сейчас, более того, по всему пути следования Бонапарта установлены увенчанные орлами памятные стелы. На каждой из них есть табличка с надписью, сообщающая, что здесь такого-то числа марта месяца 1815 года проходил или останавливался на ночлег Наполеон.

Мы следовали тем же маршрутом, но в обратном направлении, минуя городки Гап, Систерон, Динь, Кастеллан, Грасс, после чего оставили трассу и повернули в сторону Ниццы. Вначале дорога шла горами, но километров через сто перед нами неожиданно открылась зеленая долина. Здесь уже было заметно теплее, чем в Анси и Гренобле – ведь мы всё время двигались на юг. Когда же спустились с гор, сидевший за рулем Виталий предложил немного передохнуть. Мы вышли из машины и осмотрелись – со всех сторон нас окружали цветущие яблоневые сады. Деревья были невысокие и какие-то угловатые, чем-то напоминавшие саксаул. Листья еще только пробивались, но нежные бело-розовые цветы усыпали все ветки. «Яблони в цвету, какое чудо», – невольно пропел я, вспомнив некогда популярную песню Мартынова. Достали аппараты и стали фотографироваться – ну, как не увековечить такое чудо!

Последний участок «наполеоновой» дороги – глубокий и совершенно безлюдный каньон преодолевали уже вечером. Было даже чуточку жутковато: ну, хоть бы одна встречная машина! Однако, слава Богу, всё обошлось. Наконец, городок Грасс, нежданно ставший знаменитым, благодаря Патрику Зюскинду – именно здесь разворачивались события его нашумевшего романа (и фильма) «Парфюмер». Однако время поджимало, и мы, не останавливаясь, проследовали в Ниццу. Уже в сумерках верный навигатор привел нас в отель «Панорама», где мы и нашли приют на ближайшие три дня.

НА ЛАЗУРНОМ БЕРЕГУ: ОТ МОНТЕ-КАРЛО ДО СЕН-ТРОПЕ

Наш отель не случайно назывался «Панорама» – отсюда отрывался великолепный вид на город и море. Он располагался на крутом склоне горы, и таким образом его первый этаж был где-то внизу, а верхний выходил на проходящую по склону горы улицу, где и находился главный вход. Нам достался двухкомнатный номер этажом ниже, входная дверь которого и одно из окон выходили на юг, то есть в сторону центральной части города и просматривающегося за ним моря. Имелась также открытая терраса со столиком и креслами. По случаю приезда в Ниццу Виталий решил отметить это событие: он поднялся в буфет и купил все необходимое для ужина – салаты, сэндвичи и, главное, бутылку красного «Бордо». Кроме того, оставалась часть продуктов, купленных в Анси. В общем, не прошло и четверти часа, как мы сидели на террасе за накрытым столом и поднимали бокалы за благополучное прибытие на Лазурный берег. Прямо под нами простирался большой красивый город. Стемнело, и город зажег свои огни – зрелище, скажем прямо, феерическое. Особенно интересно было смотреть на расположенный близ моря аэропорт. Хорошо были видны две взлетно-посадочные полосы и взлетающие или заходящие на посадку самолеты, что происходило довольно часто, поскольку аэропорт Ниццы – один из самых крупных во Франции. Вечер выдался теплый, безветренный, поэтому сидеть можно было

долго, однако пора и на покой – на завтра у нас запланирована масса мероприятий.

Утром проснулись рано. Я вышел на террасу, и передо мною открылась чудесная картина: нижняя часть города была еще в полутьме, а на возвышенных местах уже играли лучи восходящего солнца; вдали искрилось море. Ну, прямо как в стихах у князя Петра Вяземского:

*Куда рассеянно ни поведу глазами,
Везде волшебный ряд пленительных картин.
Там берег Франции красуется горами
И выпуклой резьбой узорчатых вершин...*

Вот она красавица Ницца, неофициальная столица Французской Ривьеры, а официально – административный центр департамента Приморские Альпы, город с почти полумиллионным населением. Основанный греками в середине IV века до нашей эры, он всегда притягивал в себе иностранцев. Не обошли его своим вниманием и русские. Началу русской экспансии положила вдовствующая императрица Александра Федоровна. Она прибыла сюда в 1852 году, и вскоре на приобретенной ею земле были построены дома для императорского дома. С той поры Ницца, с ее теплыми зимами и мягким климатом, стала местом постоянного проживания для многих ее соотечественников – в 1912 году русская диаспора в Ницце насчитывала 3300 человек, а в 1930 году эта цифра увеличилась еще на две тысячи. В разные годы в Ницце гостили А. Герцен, П. Вяземский, А. Чехов и многие другие именитые и не очень именитые русские. Теперь вот настала наша пора.

Осмотр города начинаем со знаменитого Английского променада. Когда-то здесь были виллы, а теперь это непрерывная череда фешенебельных отелей, самый роскошный из которых – «Негреско». Отели чередуются с бутиками, кафе, ресторанами и т. д. Утром здесь тихо и немногочленно. Променады – великолепен. Он тянется полукругом вдоль взморья, и его конец теряется где-то вдали. Стройные пальмы и газоны оттеняют белизну зданий и придают набережной тот не-

повторимый шарм, который запечатлен на тысячах открыток и фотографий. Мы тоже спешим заснять его нашими камерами. Единственное, чем подкачала Ницца, так это отсутствием песка на пляже – его заменяет мелкая галька, которую сейчас тщательно выравнивает бульдозер, готовя пляж к началу летнего сезона.

В Ницце тепло – весна здесь уже в самом разгаре; на солнышке даже немного припекает. Виталий предлагает пойти в ресторан и отведать там что-нибудь из блюд средиземно-морской кухни. Мы охотно принимаем предложение, поскольку более чем часовая прогулка вдоль берега моря вызвала хороший аппетит. Располагаемся под тентом с видом на Променад и море. Естественно, выбираем рыбное меню, дополняя его тремя видами салатов и десертом; ну, а раз будем есть рыбу, то запивать ее нужно белым вином. Обед на свежем воздухе на берегу лазурного моря – что может быть лучше? Тем более, что обед приготовлен французским поваром, а уж они-то, как известно, большие мастера в этом деле. Забегая вперед, скажу, что за две недели путешествия по Франции лишь один раз я остался недоволен съеденной пищей – это случилось в Париже в ...«Макдональдсе».

Слегка разомлевшие садимся в машину и едем в центр города на площадь Массена. Площадь названа в честь уроженца Ниццы, одного из самых прославленных полководцев Наполеона маршала Андре Массены (1758–1817). Она представляет собой великолепный архитектурный ансамбль, в центре которого можно увидеть беломраморный фонтан «Солнце» со статуями Аполлона и других древнегреческих богов. Нам повезло, потому что еще два года назад самой главной фигуры фонтана – семиметровой статуи Аполлона здесь не было: власти города сочли ее слишком неприличной и перенесли ее куда-то на периферию, где она и прозябала почти полвека. Слава Богу, что одумались. Сейчас, даже трудно представить, как выглядел бы фонтан без красавца Аполлона. Рядом с фонтаном возвышаются окрашенные в красноватый цвет дома так называемого «генуэзского» стиля. С другой стороны площади проходит линия скоростного трамвая, вдоль которой

на высоких мачтах размещены фигурки каких-то резиновых человечков – по замыслу автора, каталонского скульптора Жауме Пленса, они якобы символизируют континенты. Вообще, в Ницце как-то легко «уживаются» произведения классического и современного искусства. К примеру, неподалеку от площади находится другое творение в стиле поп-арта – этакий электронный монстр-дракон.

Продолжая прогулку по Ницце, мы неожиданно вышли к зданию Оперного театра. Театр был великолепен, но его сразу можно было и не заметить, поскольку находился он на оживленной улице, и только перейдя на другую сторону улицы и свернув за угол, мы смогли оценить всю его красоту. Перед входом в театр вывешена программа спектаклей и концертов на апрель. Не знаю почему, но она очень скудна: всего лишь один оперный спектакль – «Замок герцога Синяя борода» Белы Бартока – а так всё концерты. Вообще-то Опера Ниццы славится своими постановками и их количеством: ежегодно на ее сцене ставится семь опер и проводится не менее пятнадцати концертов. Но для нас, киргизстанцев, этот театр дорог тем, что на его сцене пел наш выдающийся бас Булат Минжилкиев. В ту пору, после блестящих выступлений с труппой Большого театра Союза ССР в Нью-Йорке и Вашингтоне Минжилкиев, уже народный артист СССР, находился в пике своей славы, и многие театры Европы приглашали его для участия в постановках опер русских композиторов. Вот и Опера Ниццы в декабре 1979 года пригласила певца вместе с солистом ГАБТа Владиславом Пьявко и солистами Киевской оперы Анатолием Кочергой и Василием Третьяком принять участие в своей новой постановке – опере М. Мусоргского «Борис Годунов». Выступление киргизского певца в заглавной партии оперы прошло с огромным успехом.

Нужно сказать, что Франция занимала видное место в артистической карьере Булата Минжилкиева. В 1971 году он блестяще выступил на Международном конкурсе вокалистов в Тулузе и получил Гран при. В 1982 году киргизский певец вновь пел во Франции – на этот раз в театре «Опера дю норд» в Лилле, где в течение четырех вечеров выходил на сцену

в опере «Борис Годунов», поставленной здесь в новой для него тогда редакции Павла Ламма. Пел Минжилкиев и в Париже, и в Бордо и многих других городах страны, особенно в последние годы жизни, когда был уже одним из ведущих солистов Мариинского театра в Санкт-Петербурге.

После кратковременного отдыха в отеле едем в музей Шагала. Музей знаменит тем, что в нем выставлены полотна Шагала на библейские темы (их всего 17). Согласно воле художника, в 1972 году в Ницце был выстроено специальное здание, получившее статус «Национального музея Библейского послания Марка Шагала». Он располагался в тихом респектабельном районе города, большинством домов которого были частные виллы, особняки. Однако здесь нас ждало разочарование: по вторникам музей не работал. Я предложил посетить находящийся неподалеку Музей изящных искусств. Но и тут нам не повезло: музей работал, и даже вход в него был бесплатным, но залы второго этажа были закрыты на ремонт – а именно в них хранились полотна импрессионистов – Моне, Дега, Сислея, Гийомена и многих других французских художников конца XIX – начала XX века. Что ж, пришлось довольствоваться тем, что было выставлено на первом этаже, но то, что мы увидели, отнюдь не впечатляло.

«Всё, музей с нас хватит – едем в Монте-Карло», – воскликнул Виталий и решительно направился к машине. Мы последовали за ним. Путь в княжество Монако, где находится Монте-Карло, недолог – не прошло и получаса, как мы уже подъезжали к этому карликовому (территория около 2 кв. км.; население – 35 тысяч человек), но, тем не менее, суверенному государству. О том, что оно суверенно, мы почувствовали, когда хотели подъехать к Дворцу князей Гримальди. Но не тут-то было: резкий свисток полицейского остановил бег резво идущего на подъем нашего юркого «Поло». Оказалось, что Виталий не заметил знака, запрещающего въезд в зону, где располагалась правительственная резиденция. А въезд туда был разрешен лишь машинам с номерными знаками Монако или Франции. Наши же знаки ясно говорили, что мы прибыли из Швейцарской Конфедерации. Вот такая получилась неза-

дача – хорошо еще, что страж порядка оказался великодушен и отпустил нас с миром.

Ну, а к знаменитому на весь мир казино мы проехали беспрепятственно, да и кто будет препятствовать, ведь казино – один из основных источников пополнения княжеской казны. Более того, здесь созданы все условия для привлечения и удобства клиентов – большая стоянка для машин, отели для проживания, тенистый парк, бельведер с видом на море и многое другое. Место это, конечно, сказочное – с одной стороны потрудились сама природа, с другой – люди, живущие тут с незапамятных времен. Казалось, лучшего места для Монте-Карло нельзя найти: высокая скала, возвышающаяся над лазурным морем, а на ней – один из красивейших городов мира с барочными дворцами и ультрасовременными небоскребами, отелями, ресторанами, музеями, парками, скверами, пляжами... Да и чего тут только нет – возьмем, хотя бы трассу и захватывающие гонки «Формулы-1».

Оставив машину на подземной стоянке, поднимаемся в парк и оттуда, с высоты, любуемся на открывшийся вид. Прямо под нами раскинулась широкая зеленая лужайка с цветниками и огромным сферическим зеркалом посередине, а за ней – казино «Монте-Карло» – да-да, то самое, в котором разворачивались бурные события в одном из фильмов киноэпопеи о суперагенте «007» – неотразимом Джеймсе Бонде. А еще дальше виднелось ослепительно синее, теряющееся за линией горизонта море. Спустившись к казино, мы поняли, что сферическое зеркало – это произведение современного искусства: если стоять лицом к лужайке, то можно будет сквозь укрепленную здесь большую теннисную ракетку увидеть зеркало, в котором отражается то небо, то кроны деревьев, то еще что-нибудь – всё зависит от точки, откуда вы на него смотрите.

Здание казино (1878) – настоящий дворец, воздвигнутый в стиле боз-ар. Автором его проекта был талантливый архитектор Шарль Гарнье, построивший знаменитую «Гран-Опера» в Париже. Удивительно, что в этом здании размещаются два, казалось бы, совсем несовместимых заведения – казино и славящийся своими постановками оперный театр – «Опера

де Монте-Карло». Он уникален не только тем, что находится в здании казино, но и тем, что является самым маленьким оперным театром мира – в нем всего 524 места. Всемирная слава к театру пришла в начале XX века, когда с ним сотрудничали такие выдающиеся композиторы, как Камил Сен-Санс, Жюль Массне, Пьетро Масканьи, а на его сцене звучали великие голоса – Титта Руффо, Тито Скипа, Энрико Карузо, Нелли Мельба и многие другие. В 1910 году в опере Массне «Дон-Кихот» с огромным успехом выступил Фёдор Шаляпин. А в 1911 году зрителей Монте-Карло покорила своим мастерством балетная труппа с участием Карсавиной и Нижинского, выступавшая здесь в рамках «Русских сезонов» антрепризы Дягилева. С восторгом было также встречено появление нового балета Игоря Стравинского «Петрушка».

Осмотрев здание снаружи, мы вошли внутрь. Однако, чтобы попасть в игровые залы казино нужно было предъявить документ, удостоверяющий личность. Это делается для того, чтобы вести учет посетителей и, прежде всего, для выявления персон нон грата, например, профессиональных шулеров или, наоборот, слишком удачливых игроков, от которых казино только убыток. Любопытный факт: князь Раньери заботливо оберегает своих подданных от игры в рулетку и прочие азартные игры – вход в казино им напрочь заказан (его кредо, видимо, таково: пусть играют иностранцы, да почаще проигрывают – от этого княжеству только польза).

Пройти в игровой зал удалось только Виталию (у него был с собой паспорт), нам же с Галиной пришлось довольствоваться осмотром атриума. Выложенный мрамором, окруженный изящными ионическими колоннами из оникса, он был строг и импозантен. Налюбовавшись им, мы вышли на улицу, и как раз во время, поскольку там было на что посмотреть. На стоянке перед казино выстроилась целая шеренга роскошных автомобилей – «Бентли», «Порше», «Мазерати», «Ламборгини», «Феррари», «Роллс-ройс». Никогда в жизни я не видел такого количества дорогих машин одновременно, причем машин новых, сверкающих свежим заводским лаком. Рядом с казино находился пятизвездочный отель «De Paris». В этот момент

у его подъезда остановился еще один роскошный автомобиль. Из него не спеша вышел обритый наголо толстый господин лет шестидесяти. Он небрежно бросил услужливо подскочившему юноше ключи от машины и вместе со своей молоденькой спутницей, явно годившейся ему в дочери, стал подниматься по лестнице, ведущей в отель. Последним, что я увидел, были мощные жировые складки на его бычьей шее.

Но вот появился наш сын. Он остался довольным осмотром залов, напомнивших ему кадры из нашумевшего фильма «Казино Рояль». Обойдя здание справа, мы вышли к бельведеру, откуда открывался вид на море. Перегнувшись через парапет, я обнаружил, что мы стоим на крыше огромного здания – это был знаменитый «Гранд-Отель». К бельведеру прилегал украшенный скульптурами сквер. Три вполне реалистичных бюста были посвящены Сен-Сансу, Массне и строителю «Русских сезонов» Сергею Дягилеву. Неподалеку красовалась скульптура несколько иного рода – произведение современного искусства, выполненное, похоже, из бронзы: двое ужасно толстых голых людей. И кто бы, вы думаете? – Адам и Ева! Их полноту можно объяснить лишь тем, что недостатка с продуктами питания в раю явно не было, работать тоже было не нужно, вот и разъелись наши прародители до неприличия. Однако, солнышко уже подошло близко к линии горизонта – пора бы и возвращаться в Ниццу, поэтому, немного еще погуляв у моря, мы тронулись в обратный путь.

Высадив нас у отеля, Виталий отправился в супермаркет за продуктами для ужина. Во Франции действует широкая сеть супермаркетов «Каррефур», где можно купить самые разнообразные продукты и сопутствующие им товары. Их обилие просто поражает – одних только сыров я насчитал несколько десятков видов. Причем не только французских, но и произведенных в Италии, Швейцарии, Дании, Голландии, Великобритании. Однако, сын что-то задерживается, и я начинаю нервничать: вдруг какая-нибудь авария или еще что-нибудь. Но мои опасения оказываются напрасными – вдали показывается знакомый «Поло» с Виталиком за рулем. Оказывается, был плотный трафик, очередь в кассу и т. п. – вот и задержал-

ся. Быстро выгружаем пакеты и идем в номер готовить ужин. Стол накрываем на террасе с видом на ночной город. Наконец, всё готово, разливаем «Кот де Прованс» по бокалам: «Жизнь прекрасна!»

Сегодня среда, 24 апреля – день обещает быть хорошим. По совету одного из друзей Виталия, побывавшего уже в этих краях, едем в живописную деревню Эз (Eze). Она находится километрах в 20 от Ниццы, если ехать на восток. Дорога идет по отрогам Приморских Альп вдоль берега моря, что дает хороший обзор. Береговая линия здесь очень красивая, извилистая, с небольшими бухтами, мысами и островками. И повсюду буйное царство зелени. Время от времени проезжаем мимо симпатичных городков с черепичными крышами. В одном из наиболее живописных мест останавливаемся, чтобы немного размяться и сделать несколько снимков. С наслаждением вдыхаем свежий морской воздух, наполненный ароматом моря и цветущих растений. Несколько фоток на память, и можно продолжать путь. Однако Галина категорически отказывается садиться на заднее сидение. В общем, происходит «рокировка»: жена устраивается впереди, а я отправляюсь назад.

Вскоре прибываем в Эз. Уже при подъезде к деревне становится ясно, что эта местность просто уникальна по красоте и разнообразию окружающих ландшафтов. Здесь есть всё – горы, скалы, ущелья, море, острова. Деревня Эз очень старая – она раскинулась близ скалы, возвышающейся над морем на четыреста с лишним метров. Еще во времена Цезаря здесь была построена крепость. К сожалению, в начале XVIII века по приказу Людовика XIV она была снесена, а то, что от нее осталось, стало туристическим объектом, получившим название «Орлиное гнездо».

Кроме «гнезда» здесь есть еще две достойных внимания достопримечательности – сама деревня и «Сад экзотических растений». Пройтись по узким, спиралью идущим на подъем улочкам – большое удовольствие. Сложенные из камня дома, хоть и очень древние, чисты и опрятны. Большей частью они приспособлены под сувенирные лавки, кафе, рестораны. Конечно, здесь есть и добротные жилые дома, и церковь, и ча-

совня, причем с довольно необычным названием – «Часовня кающихся в белом» (Chapelle des Penitents Blancs).

Однако самое яркое впечатление ожидало нас впереди – это ботанический сад «Экзотические растения». Здесь было чем восторгаться: десятки видов кактусов, агавы, кустарники и цветы из разных частей мира. И всё это великолепие цвело и благоухало, переливаясь в лучах ласкового весеннего солнца всеми цветами радуги. Впечатление усиливалось от отличной работы дизайнеров, проложивших меж клумб и цветов обсаженные оливами и соснами извилистые дорожки и украсивших сад изящными скульптурами. Более того, отсюда, с высоты птичьего полета, куда ни кинь взор, были видны картины одна другой краше: то бескрайнее море, то горные дали...

Приближается время обеда. Еще вечером Виталий нашел в Интернете ресторан под названием «Оливьера», что значит «оливковый». Он расположен в центре Ниццы – туда мы и едем. Особенность этого ресторана в том, что во всех блюдах его обширного меню присутствуют оливки. И не только в первых и вторых блюдах, но даже в десертах и хлебе. В Барселоне, в одной из старых таверн мне доводилось есть традиционный каталонский хлеб, замешенный на томатном соке; здесь же хлеб был пропитан ароматом оливкового масла.

Обедом мы остались довольны и, выйдя из ресторана, решили немного прогуляться по городу. Побродив по узеньким улицам старого города, мы вышли к какому-то современному комплексу, где на большой открытой площадке экспонировались произведения современного искусства. Одна из скульптур представляла собой довольно реалистичное изображение девушки, на голову которой был одет огромный куб, так что открытыми оставались лишь подбородок и нижняя губа. Что хотел сказать этим автор работы можно только догадываться. Другая композиция напоминала развешанную на высоких шестах ёлочную мишуру из красных и белых лент, которые в своем сложном переплетении образовывали какие-то причудливые узоры. Был еще торчащий прямо из тротуара увеличенный в стократ большой палец человека и т. д.

Около трех часов мы отправились в Антиб. Антиб (Antibes) – это сокращенное греческое *антиполис*, что означает «город напротив». В данном случае Антиб находился прямо напротив Ниццы, на другом конце бухты Ангелов. Это тоже город-курорт, но у него есть своя история и свои достопримечательности, главная из которых – старинная крепость с бастионами, обращенными прямо к морю.

Мы припарковались близ красивейшей площади Генерала де Голля, обсаженной деревьями и украшенной фонтаном, извергавшим свои многочисленные струи прямо из земли. Тут же находилось уютное кафе, и мы решили начать знакомство с городом с дегустации мороженого. Оно оказалось приятным на вкус, после чего, преисполненные решимости, мы сели в машину и направились прямо к форту и его бастионам. Здесь пришлось оставить машину (пешеходная зона), и весь дальнейший путь пройти пешком.

Форт Карре был построен в 1565 году. Он располагался на берегу моря и имел форму четырехконечной звезды. Волны били о мощные стены бастиона, который, кроме своего прямого назначения, не раз использовался как тюрьма. Так в 1794 году его узником стал Наполеон. Как сторонника Робеспьера его ожидала смертная казнь, но защитники сумели убедить судей, что такими воинами, как Наполеон, не стоит разбрасываться, и они помиловали его. Об этом событии напоминала табличка, укрепленная у решетчатой двери каземата. Текст был написан на каком-то странном языке – то ли на одном из диалектов итальянского, то ли на провансальском: *Dins aquest ostau Napoleon a jamai durmit, mai una Bona parte dei belei fremas dàqui e dàila*. С трудом, но мне все-таки удалось понять его смысл: «В этом пристанище как-то ночевал Наполеон, однако и поныне Бона-парт (досл. *добрая, хорошая часть*) всё еще витает в воздухе то здесь, то там». И действительно, память о Наполеоне живет в сердцах французов – свидетельства тому я не раз встречал, путешествуя по дорогам Франции (в Антибе, например, есть музей Наполеона).

Форт нам понравился – мы обошли его со стороны моря, поднялись на верхнюю площадку, полюбовались на море

и окружавшие крепость старые кварталы, которые всё еще хранили печать прошлого. К бастиону прилегал огибавший залив променад Амираль де Грасс. Жаль, что мы не располагаем временем, а так в Антибе есть на что посмотреть и где побывать: музей Пикассо в замке Гримальди, музей Истории и Археологии, аквапарк-дельфинарий «Маринлэнд» и многое другое. Однако, вечереет, и нам пора в отель – завтра переезжаем в Арль – старинный город, сердце Прованса, а по пути посетим Канн и самый модный курорт парижского бомонда – Сен-Тропе.

Утром встали пораньше, позавтракали, погрузили чемоданы в машину и взяли курс на Канн. Дорога шла на юго-запад вдоль побережья Средиземного моря. Проезжая через Ниццу, справа по курсу увидели Русскую православную церковь. Освященная лучами утреннего солнца, она всем своим внешним обликом и разноцветными куполами очень напоминала храм Василия Блаженного в Москве. Оревуар, Ницца!

А вот и Канн. Его прибрежная часть, особенно набережная Круазет, очень напоминает Ниццу – такая же длинная вереница многозвездочных отелей, ресторанов и бутиков, такие же пальмы и непрерывная полоса пляжей. Даже самый знаменитый отель «Карлтон» имеет что-то общее с «Негреско». Но есть и отличие – пляж в Канне песчаный, а бухта не столь широка, как в Ницце. Кроме того, вдоль берега тянется эспланада – отвоеванная у моря полоска суши, превращенная жителями Канн в вечнозеленый сад. Князь Вяземский, побывавший в Канне в середине XIX века, назвал его «прелестным городком, облитым солнцем и обставленным прекрасными виллами». Вилл в Канне сейчас стало намного больше, причем роскошных и дорогих до неприличия, но они в основном находятся в стороне от набережной: их владельцы не любят себя афишировать.

Канн прекрасен, а климат здесь мягче, чем в других местах побережья. В городе часто проводятся всевозможные международные встречи и фестивали, самый знаменитый из которых – Международный каннский кинофестиваль. Для него даже было выстроено огромное здание из бетона и стекла – Дворец фестивалей и конгрессов. В Канне мы пробыли недол-

го – погуляли по набережной Круазет, спустились к морю, пощелкали фотоаппаратами и отправились в Сен-Тропе.

Мне давно хотелось побывать в этом славном городке Французской Ривьеры, о существовании которого в советское время знал лишь по светской хронике, которую иногда передавала радиостанция «Свобода», да еще по кинофильмам. Перед поездкой, я заглянул в Интернет и нашел о нем довольно любопытную информацию:

Сен-Тропе (Saint-Tropez) – живописный провансальский портовый городок, прославленный кинематографом 20 столетия. Ну, кто не помнит красотку-блондинку Бриджит Бардо из «И Бог создал женщину», чудака-жандарма Луи де Фюнеса и случайного киллера с «опасным» зонтом в исполнении Пьера Ришара. Сегодня у этого солнечного приморского местечка репутация модного «звездного» курорта. Но это обстоятельство навсегда лишило его колоритной провансальской уединенности, столь полюбившейся в свое время великой когорте французских кинознаменитостей: Алену Делону, Бриджит Бардо, Иву Монтану и др. Теперь здесь можно танцевать на столах, обливаться шампанским и бить посуду, и не стесняться всего вышеперечисленного – это место позволяет чувствовать себя вечно молодым, за что его и любят.

Ну, что ж, почувствовать себя вечно молодым – это прекрасно. И вот на горизонте показались первые признаки Сен-Тропе. Однако при въезде в него мы неожиданно попали в пробку, но, к счастью, ненадолго. Сегодня наш навигатор был настроен на Старый город, куда мы вскоре и прибыли. Часы показывали полдень. Старый город с его узкими извилистыми улочками располагался на одном из холмов, окружавших Сен-Тропе с севера, а на вершине холма виднелась сложенная из больших каменных глыб крепость с высокой зубчатой башней; над ней, в яркой голубизне неба развевался на ветру трехцветный французский флаг. По длинной каменной лестнице мы поднялись наверх и вышли на небольшую площадку. Здесь, в тени высоких деревьев, под сенью белоснежной статуи Мадонны с младенцем, было как-то тихо и комфортно. Посреди площадки стоял массивный деревянный стол и несколько кресел, при-

глашая нас присесть и отдохнуть с дороги, что мы не замедлили сделать. Отсюда, с высоты, открывалась дивная панорама на город, набережную, порт, причалы с множеством яхт и катеров. Вдали, на рейде, виднелся громадный круизный лайнер. А если посмотреть прямо вниз, то можно было полюбоваться другим морем – морем крыш из красной марсельской черепицы, зеленью сосновых рощ и пальмовых аллей.

Насмотревшись на всё это великолепие, мы спустились на набережную. Здесь курортная жизнь шла своим чередом, правда, людей было не так уж много: не сезон. Работали лотки и сувенирные лавки, кафе, рестораны. Мы глянули на часы: подошло время обедать – осталось лишь выбрать ресторан. Выбрали рыбный: грех быть на море и не воспользоваться его дарами – всевозможными рыбами, моллюсками, ракообразными, которых в Средиземном море великое множество. И всё свежее, не мороженное, а только что отловленное местными рыбаками. Впрочем, Сен-Тропе долгое время имел репутацию рыбацкого поселка и только с середины прошлого века стал постепенно приобретать статус модного средиземноморского курорта.

Ресторан оправдал наши ожидания: рыбное ассорти, заливное из тунца, креветки, паровая рыба с пряным соусом, десерт. После обеда решили прогуляться у моря. Минюя пляжную полосу, вышли к прибрежным валунам. Обдуваемые со всех сторон ветрами, омываемые волнами прибоя, они имели самые разнообразные формы. Несколько фото на память и мы снова в пути. Но выехать из Сен-Тропе оказалось не так то просто. На этот раз «пробка» оказалась куда более серьезной: только через час нам, наконец, удалось вырваться на свободу. Дальнейший путь прошел без осложнений, но в Арль мы прибыли только к полуночи.

ГОРОД НА РОНЕ, ИЛИ ПО СЛЕДАМ ВАН-ГОГА

Арль встретил нас не очень приветливо. Вначале, вроде, всё шло хорошо, пока не въехали в старую, историческую часть города. Мы словно попали в средневековье: узкие, буквально три-четыре метра шириной, улицы, скудное освеще-

ние, невысокие, сложенные из красного кирпича дома. И ни одного прохожего – город будто вымер. Наш, навигатор, похоже, запутался в этом хитросплетении улочек и переулков. Мы долго плутали, но потом неожиданно выехали на площадь перед античным амфитеатром. Здесь светил фонарь и были какие-то люди. Виталий заглушил двигатель, а я отправился искать кого-нибудь, кто бы смог объяснить нам, где находится наш отель. Вскоре такой человек нашелся: оказывается, мы не доехали до него каких-то двести метров. Однако подъехать к отелю на машине было не так-то уж просто – повсюду развешены запрещающие знаки, а улицы здесь только с односторонним движением. В общем, мы остались с женой ждать в машине, а Виталий вместе с любезно согласившемся нам помочь арлезианцем отправились в отель пешком.

Коротая время в ожидании сына, я вышел на площадь и осмотрелся. Прямо передо мною возвышались мощные, много чего повидавшие на своем веку стены римского амфитеатра – главной достопримечательности Арля. Окна в ближайших домах были темными, и лишь в некоторых горел еще свет. Из амфитеатра вышла небольшая группа запоздалых туристов, похоже, немцев. Что-то негромко обсуждая, они скрылись в одной из ближайших улочек. Мы остались одни. Было даже чуточку страшновато. И тут появился Виталий. Он был весел, энергичен: «Мама, папа, всё в порядке – отель тут рядом, и мне объяснили, как к нему проехать». В общем, не прошло и пяти минут, как мы уже въезжали на ярко освещенную площадь. Контраст был просто разителен: здесь кипела жизнь – работали открытые кафе и рестораны, за столиками сидели люди, звучала музыка, слышалась разноязычная речь, смех. В отеле «Форум» нас уже ждали. Служащий отеля отвел машину на стоянку, а мы поднялись на второй этаж в отведенный для нас номер. Тут нас ожидало сразу два сюрприза. Сюрприз первый: размеры номера. В нем можно было свободно разместить не две, а четыре или даже пять кроватей, на каждой из которых могли поместиться три человека. Облицованные ореховым шпоном, они были не только добротны и массивны, но и красивы. Кроме того, в номере имелись шифоньер, тре-

ляж, стол с креслами, телевизор с большим жидкокристаллическим экраном и еще что-то. На стенах висели картины, пол был покрыт дубовым паркетом; единственное окно выходило в сад. «Да! – воскликнул я изумленно. – Номер, можно сказать, царский», и пошел осматривать ванную. Здесь меня поджидал второй сюрприз – огромная угловая ванна «джакузи» и, соответствующая ее размеру сама комната. Самое удивительное было в том, что стоимость номера «на троих» была вполне приемлема.

Итак, мы в Арле – в одном из наиболее известных и наиболее типичных городов Прованса (наряду с Марселем, Авиньоном и Эксом). Арль достиг своего зенита славы еще в римскую цивилизацию. Уже в ту пору «Маленький Рим Галлии» располагал большим амфитеатром (на 20 тысяч зрителей), форумом, театром, роскошными термами и другими постройками общественного и культового значения. Проточная вода к городу подавалась через акведук. Многие сооружения античной эпохи сохранились в Арле и поныне. И прежде всего – амфитеатр. Именно туда и отправились мы на следующий день, правда, с погодой немного не повезло – стал накрапывать дождь.

Конечно, амфитеатр в Арле значительно уступает по своим размерам Колизею, но сохранился он гораздо лучше. Более того, он и теперь используется по назначению – на его арене регулярно проводится провансальская «бескровная» коррида. Вот и сейчас повсюду развешанные афиши извещают о том, что в ближайшей корриде примут участие известные матадоры из Испании. Жаль только, что нас тогда в Арле уже не будет. Прогулка по арене впечатляет: приятно видеть, что это не руины, а вполне «обжитое» пространство с местами для зрителей, проходами, указателями и т. д.

Мы поднялись на самую высокую часть амфитеатра, откуда открывался вид на город и его окрестности. Хорошо была видна Рона. О том, что на юге Франции протекает широкая, полноводная Рона, я знал еще с детства, когда посмотрел короткометражный фильм Альбера Ламориса «Белая Грива». Это была история о мальчике-пастушке и его

трогательной дружбе с диким конем по кличке «Белая Грива», которого ему удалось приучить добром и лаской. Фильм заканчивался драматично – лошадей хотели завладеть корыстные пастухи, и, спасаясь от их преследования, мальчик и его верный друг кинулись в море, в надежде доплыть до такой страны, где люди и лошади – всегда друзья... Арль находился недалеко от начала дельты Роны, а чуть южнее, между двумя рукавами реки располагался природный заповедник Камарг. Именно там некогда водились дикие лошади белой масти, а сейчас их сохранением и разведением занимается государство.

После амфитеатра мы прошли к тому, что осталось от античного театра и форума, иначе говоря, к руинам – зрелище довольно печальное. Более или менее сохранилась часть зрительских мест, расположенных традиционным амфитеатром. Поэт Вяземский сделал в своем путевом дневнике весьма пессимистичную запись: «После римского великолепия, роскоши, остаются векам по крайней мере развалины и обломки, изумляющие своей величавостью. После наших столиц, если бури сотрут их с лица земли, что останется? Древние были зодчие и ваятели из мрамора, а мы бумажные фотографии...»

Неподалеку от амфитеатра находился Кафедральный собор святого Трофима – одно из самых интересных романских зданий этого региона. Оно было построено на месте собора святого Стефана (V век), а в 1152 году сюда были перенесены мощи святого Трофима, и храм был переименован. Архитектура собора была строга и величественна, а от его древние стены хранили печать былых времен. В этот дождливый день в соборе было холодно и почти безлюдно. Тихо звучала музыка. Мы прошли ближе к алтарю и увидели органиста – склонившись над инструментом, он, по-видимому, репетировал. Осмотрев интерьер храма, мы прошли в боковой притвор, где хранился один из саркофагов. Высокие каменные стены, полумрак, отдаленные звуки органа настраивали на определенный лад. Сын, видимо, это почувствовал и предложил мне сесть у саркофага и принять позу мыслителя: «Сделай вид папа, что ты задумался о смысле жизни, о ее скоротечности и бренности

всего земного...» Я постарался принять соответствующую позу и выражения лица, а Виталий стал фотографировать. Позже я получил снимок – сын сделал его черно-белым, что придало изображению особую строгость, аскетичность.

Дождь то прекращался, то усиливался, поэтому мы решили разумным пойти куда-нибудь пообедать, благо время трапезы уже подошло. Выбор ресторана не занял много времени: здесь они буквально на каждом шагу. Рестораны в Арле, впрочем, как и в других городах Франции, преимущественно небольшие, но уютные и со вкусом обставленные, но, главное, в них всегда ощущается тепло домашнего очага. И ни один ресторан не похож на другой – каждый имеет свое лицо. Важную роль в создании атмосферы уюта и радушия играют официанты – гарсоны, как их зовут французы. Они всегда любезны, учтивы, предупредительны, тактичны. Желание клиента для них превыше всего. Свои чаевые они зарабатывают честно. За всю поездку мы лишь один раз остались недовольны обслуживанием, более того, нас пытались обсчитать. Естественно, ни о каких чаевых не могло быть и речи: мы оплатили только по счету. Это случилось в Париже, где всегда много туристов, и кое-кто из официантов, как говорится, начинает «борзеть».

Главным же достоинством французских ресторанов является великолепная кухня, причем в каждом регионе своя. Вот и сейчас мы познакомились с провансальской кухней, и остались довольны. Особое понравилось блюдо, приготовленное из баклажанов под названием «рататуй» и жаркое из барашка. Вкус блюд гармонично оттеняло прекрасное вино «Берега Роны» (Côtes du Rhône). Созерцание темно-красного напитка вызвало в памяти образ знаменитой картины Винсента Ван-Гога «Красные виноградники в Арле», написанной художником в 1889 году во время его пребывания в Провансе. Год, прожитый Ван-Гогом в Арле, был самым плодотворным в его творчестве – здесь он создал более двухсот работ. В их числе такие известные полотна, как «Подсолнухи», «Звездная ночь», «Арльские дамы», «Сеятель», «Жатва», «Ночное кафе», «Спальня Ван-Гога в Арле», «Желтый дом» и другие. Многие места в Арле, которые запечатлел художник на своих

картинах, сохранились и поныне. Одно из них – кафе «Альказар» (ныне кафе «Ван-Гог») находилось прямо напротив нашей гостиницы. Никогда не забуду того ощущения, которое я испытал, прогуливаясь вечером по площади перед отелем. Неожиданно мой взгляд остановился на небольшом открытом кафе с тремя рядами столиков на террасе. Время близилось к полуночи. Красноватый свет падал на столики и редких посетителей, придавая всему этому какой-то ирреальный, полуфантастический колорит. Я зачарованно смотрел на кафе и не мог понять – где же я это видел? Ну, прямо какое-то дежавю. И лишь, много дней спустя, уже дома, меня вдруг осенило: да это же вангоговская «Терраса кафе вечером»! Эту картину Ван-Гог писал три ночи подряд. *«Посредством красного и зеленого цвета я старался выразить роковые человеческие страсти... Я старался показать, что кафе это место, где можно разориться, сойти с ума, совершить преступление.»* Винсент был влюблен в Арль и Прованс. *«Вокруг, куда не бросишь взгляд, все просится на картину; Меня снедает непрерывная жажда работы»,* – писал он.

Вторую половину дня мы посвятили поездке в два небольших городка – Ле-Бо-де-Прованс и Сен-Реми. Бо – одно из самых живописных и популярных среди туристов селений Прованса – находится у развалин одноименного замка, на скалистом кряже Малых Альп. Оно входит в Ассоциацию самых красивых деревень Франции, и известно еще тем, что здесь в начале XIX века был обнаружен минерал, названный в честь него бокситом.

Вначале мы ехали по долине. Весна в Провансе уже полностью вступила в свои права – всё вокруг было зелено, цвели сады, набирала сок лоза. Виноградники были повсюду. Однако постепенно пейзаж сменился, и впереди ясно обозначился целый конгломерат скалистых нагромождений. Мы подъезжали к Бо. На самой высокой скале некогда стоял неприступный замок, разрушенный в начале XVII века по приказу кардинала Ришелье. Сейчас от него остались лишь красивые руины и великолепный вид на горные кряжи и черепичные крыши Бо. Городок действительно оказался очень симпатичным; он,

как уверял путеводитель, располагал 22 достопримечательностями, 22 мастерскими и сувенирными лавками и таким же количеством постоянных жителей, что, конечно же, было шуткой. Нам Бо чем-то напомнил деревеньку Эз – такие же узкие, вымощенные камнем извилистые улочки, старые дома. Но туристов было совсем мало. В одном месте, где вымощенная камнем улица круто шла вверх, мы заметили кованую железную калитку и полуразрушенную лестницу, которая вела в находившийся выше дом. На стене висел старинный фонарь. Однако калитка была закрыта на замок, а по лестнице, похоже было, давно уже никто не ходил. Всё это вызывало какие-то странные ностальгические чувства...

В одной из лавок продавались сантоны – маленькие, ярко раскрашенные фигурки из глины, изображавшие сцену рождения младенца Иисуса, а также самых разнообразных персонажей на фоне картин из городской и сельской жизни Прованса. Здесь можно было увидеть пастуха, деревенского простака, чудаковатых старичков Граса и Грасетту под красным зонтиком, точильщика ножей, резчика по дереву, цыгана и т. д. Фигурок было много, и по ним можно было представить традиционную жизнь и быт края.

Покружив еще немного по городку и среди окружавших его скал (теперь уже на машине), мы поехали дальше – в городок Сен-Реми.

Сен-Реми находится недалеко – в 25 километрах от Арля. Дорога тут тоже была красивой. В одном месте мы съехали с нее на проселок, немного углубились в сельскую местность, и словно попалили в другой мир – вокруг ни души, тишь и благодать, только слышно пение птиц да шелест листвы. Вдоль проселка тянулись сады, виднелись какие-то постройки. Похоже, мы заехали в чьи-то уголья. Что ж, придется возвращаться на шоссе.

Сен-Реми небольшой городок (десять тысяч жителей). Он известен не только памятниками римской эпохи (триумфальная арка, мавзолей), но и тем, что в нем родились или какое-то время жили великие люди. В их числе Нострадамус, Ван-Гог, композитор Шарль Гуно. Ван-Гог оказался в Сен-Реми вслед-

ствии сильного душевного расстройства. Почти год он находился под присмотром в психиатрическом отделении больницы при монастыре Сен-Поль-де-Мусоль. Здоровье художника шло на поправку, поэтому ему было разрешено выходить из больницы и заниматься живописью. Окрестности Сен-Реми были столь красивы и живописны, что Ван-Гог написал здесь более ста пейзажей. Среди наиболее известных такие шедевры, как «Большая дорога в Провансе», «Поле с кипарисами», «У подножия Альп» и др.

Знакомство с Сен-Реми оставило очень приятное впечатление: здесь много зелени, красивых домов и вилл, и никакой толчеи, суеты. Мы остановились в центре городка и первое, что увидели – это стильное здание гостиницы с необычным названием «Отель Гуно». Перед зданием была установлена мемориальная доска, где сообщалось, что ровно 150 лет назад, т. е. в 1863 году, проживая в этом отеле, Шарль Гуно написал оперу «Мирей». Весь мир знает Гуно как автора двух замечательных опер – «Фауст» и «Ромео и Джульетта». «Мирей» же – менее известное сочинение композитора. Ее сюжет во многом схож с историей Ромео и Джульетты, только действие происходит в Провансе. Конечно, Гуно поступил правильно – писать оперу на провансальский сюжет следовало на юге Франции, а лучше тихого Сен-Реми места, наверное, не найти.

Неподалеку от отеля находится центр искусств им. Ван-Гога, но узнав, что там, в основном, представлены репродукции, мы в центр не пошли, а отправились в ближайшую кофейню, где выпили по чашечке ароматного кофе с круассанами с бриошами. Гуляя по улицам городка, мы вышли к супермаркету – небольшому, но по разнообразию ассортимента не на много уступающему столичным магазинам, где купили продукты для ужина (ужинать решили в номере отеля – на посещение ресторана сил уже не хватало).

Когда мы приближались к Арлю, солнце уже клонилось к закату, отчего окружавшие нас поля и сады окрасились в красновато-бордовые тона. И тут Виталий, желая, видимо, намного нас развлечь, включил музыку. К моему удивлению, это была песня о Провансе, причем исполнялась она на рус-

ском языке. И тут я услышал слова: «бордовый горизонт, бордовое Бордо в бокале; поверить не могу что это всё уже так близко...» Ну, надо же – это прямо про нас, только бокала с Бордо не хватает, – подумал я и вопросительно глянул на Виталия. Довольный произведенным эффектом, сын улыбался. Оказывается, он специально поставил эту запись – популярный шлягер «Прованс» украинской певицы, выступавшей под псевдонимом Ёлка. «Ну, раз так, то бокал Бордо за тобой», – пошутил я.

Утром встали пораньше, поскольку нам предстояло преодолеть около восьмисот километров, отделяющие Арль от долины Луары с ее знаменитыми старинными замками. Наш путь лежал на северо-восток в город Амбуаз. Погода не радовала – небо затянуто тучами, похоже, будет дождь. По пути Виталий предложил заехать в городок Руссийон, известный своими охрянскими карьерами. Когда-то в его окрестностях добывали охру, но потом забросили, остались лишь карьеры – огромные массивы обнажившейся породы красновато-оранжевого цвета. Теперь в Руссийоне даже есть туристический маршрут по «Охряной тропе», идущей вдоль глубокого ущелья, в котором велась добыча охры.

Только мы въехали в Руссийон, как заморосил дождь. Вооружившись зонтами, отправились на смотровую площадку, откуда открывался дивный вид на ущелье с его неповторимыми охряными «скалами». Тут доминировал и два цвета – красно-оранжевый (охра) и зеленый (деревья и кустарники). Справа от нас находилась почти вертикальная скала, наверху которой стояли дома. Как только не боятся люди тут жить, – мелькнула мысль. Но ущелье было бесподобно – такое редко где увидишь! На смотровой площадке был разбит небольшой сквер со скамейками, откуда начинался «Охряная тропа» Тут же, на щите висела карта маршрута и его описание. Однако время поджимало – пора ехать.

Через некоторое время мы выехали на автостраду, и Виталий разогнал наш «Поло» до «крейсерской» скорости – 130–140 километров в час. Асфальтовое покрытие было великолепным. Несмотря на все усиливающийся дождь, Виталий вел машину, не сбавляя скорости.

– Все-таки во Франции отличные дороги, – заметил он одобрительно.

– Неужели лучше, чем в Америке? – усомнился я.

– Лучше.

Это было для меня открытием: раньше я считал, что лучшие дороги в мире – в США. Но сыну можно верить – во Франции он уже бывал не раз, ну, а по американским дорогам проехал, наверное, уже не одну сотню тысяч миль.

Мы всё дальше удалялись от теплого юга и всё выше поднимались над уровнем моря – дорога явно шла к перевалу. Постепенно весенний пейзаж сменился зимним, а дождь перешел в мокрый снег. Во второй раз во время этой поездки мы вернулись в зиму: по обеим сторонам дороги стояли припорошенные снегом деревья. Но вот дорога подошла к водоразделу, и начался спуск, а вместе с ним стали появляться всё более явные признаки весны – зеленая трава, кусты, деревья...

Дождь прекратился, а наш доблестный водитель устал. Устали и мы от долгого сидения в машине. Хорошая половина пути была пройдена – мы находились где-то в центре Франции. Самое время отдохнуть. Мы остановились возле одного из придорожных кафе. Здесь было оживленно – таких, как и мы, желающих перекусить и отдохнуть с дороги набралось немало, но никакой толчеи не было. Мы выпили кофе с бутербродами, поговорили о том, о сём и поехали дальше.

Последний этап пути был пройден без каких-либо осложнений и уже в сумерках мы прибыли в Амбуаз. Остановились в отеле «Бельвью», расположенном на набережной Луары рядом с королевским замком.

ЗАМКИ ЛУАРЫ: АМБУАЗ, ШЕНОНСО, ШАМБОР

Знакомство с городом мы начали в тот же вечер с посещения ресторана, который нам порекомендовала администратор отеля. Подойдя к заведению, мы были приятно удивлены: ресторан входил в список «Мишлена», а этого означало, что здесь нас ожидает не только отличная кухня, но и столь же качественное обслуживание. Сегодня – суббота, а посему, как

и следовало ожидать, все места оказались занятыми. Однако метрдотель нас утешил: «Подождите немного в холле – один столик скоро должен освободиться». И действительно, минут через десять нас провели в зал и предложили сеть за один из столов. Мы посмотрели по сторонам. Зал был уютен и элегантен – чувствовалось, что над его оформлением поработал хороший дизайнер. Все столы были заняты, но тесноты как-то не ощущалось, и вся атмосфера в ресторане располагала к отдыху.

В дороге мы изрядно проголодались, поэтому хороший ужин был как нельзя кстати. «Кутить, так кутить!» – заявил Виталий и для начала попросил принести бутылочку бургундского. Ужин был, если не по полной программе, то по близкой к ней: разнообразные закуски, вторые блюда (бычий кадык, какая-то деликатесная рыба), десерт (мороженое с горячим шоколадом и прочие кулинарные изыски). Мы обратили внимание, что тарелки, на которых подавались блюда, были самой невероятной формы – квадратные, в форме раковины, с заостренными углами и т. д. Сказать, что было очень вкусно – мало: это было нечто непередаваемое словами. Да, французы знают толк в еде. Человек познает мир через пять чувств, и одно из них – вкус. Есть люди, обладающие феноменальным слухом, как, например, Артуро Тосканини, который наизусть знал все партитуры своего огромного репертуара. То же самое и в еде. Французы возвели кулинарию в ранг искусства. Как верно подметил Петр Вайль, «определение на вкус двадцати шести видов маслин, такое же проявление культуры, как и определение на слух сорока одной симфонии Моцарта». Поэтому не случайно на рынках Прованса можно встретить около ста видов пряностей и ароматных трав. Нужно сказать и об эстетической стороне застолья: каждое блюдо так изящно и красиво оформлено, что напоминает произведение искусства, и нужно набраться мужества, чтобы разрушить вилкой эту красоту.

На душе легко и беззаботно, усталости – как ни бывало, а ведь мы проехали почти 800 километров. Завтра нас ждут новые открытия, новые впечатления...

Главная цель нашего пребывания в Амбуазе – посещение замков. Их здесь, в долине Луары, более семидесяти. Большая часть замков была возведена в средние века, но перестроена значительно позднее, в эпоху Возрождения, когда французские короли жили на берегах Луары, ее притоков или вблизи от них (XV–XVI в.). Среди самых известных замков – французы их зовут «шато» (*châteaux*) – Аммбуаз, Блуа, Монтрёй-Белле, Кло-Люсе, Сюлли-сюр-Луар, Шамбор, Шенонсо, Шеверни, Шинон. Удивительно, что на сравнительно небольшой территории (примерно сто на двести километров) сосредоточено такое большое количество замков. Это можно объяснить рядом причин: близость к столице, удаленность от внешних границ, климатические условия – над мирной долиной Луары и ее притоков всегда ясное солнечное небо, мягкий климат. Обилие великолепных архитектурно-исторических памятников определило занесение этой части долины Луары в Список всемирного наследия ЮНЕСКО.

На сегодня у нас запланировано посещение двух королевских замков – Амбуаз и Шенонсо. Правда, в Шенонсо надо будет еще ехать, а вот Амбуаз находился буквально в нескольких шагах от гостиницы. В воскресное утро город почти пуст. День обещает быть хорошим – восходящее солнце уже осветило башни замка, заиграло бликами на водной глади Луары. Мы проходим по набережной и сворачиваем на улицу, ведущую ко входу в замок. Это типично европейская улица, какие нередко можно встретить в старых городах Северной Европы, например, в Гамбурге. Дома здесь невысокие – в два-три этажа. Все они находятся в прекрасном состоянии, хотя, судя по архитектуре, построены несколько веков назад. На фоне их замок выглядит настоящим «монстром» – его громада нависает над городом, закрывая чуть ли не полнеба. На самом же деле замок не так высок – просто он стоит на холме. Его строительство началось в 1492 году по повелению Карла VIII, который родился и умер в Амбуазе. Приглашенные им для завершения работ итальянцы Доменико да Кортон и фра Джокондо первыми принесли во Францию архитектуру Ренессанса. После окончания строительства замок стал королевской резиденцией Кар-

ла VIII, а затем – короля Франциска I. После смерти Франциска здесь стали жить Генрих II и Екатерина Медичи. Амбуаз в течение долгого времени был своеобразным культурным центром. В замке постоянно бывали многие выдающиеся люди того времени – философы, гуманисты, художники, скульпторы, ученые со всего королевства и многих стран Европы.

Ко входу в замок вела широкая лестница. Купив билеты, мы стали искать буклет-путеводитель на русском языке. Буклеты были на многих языках мира, даже на китайском и японском, но только не на русском. Пришлось обратиться к служащей музея, которая, попросив нас немного подождать, куда-то умчалась. Вскоре она вернулась и с улыбкой вручила нам прекрасно иллюстрированные буклеты. Поблагодарив даму за любезность, мы вошли на территорию замка.

Перед нашим взором открылась большая зеленая лужайка с вымощенными камнем дорожками, за которой возвышался трехэтажный замок с высокой крышей-мансардой. На обширной территории располагался и ряд других объектов – часовня Святого Юбера с высоким готическим шпилем, Омальская галерея, башни, террасы, самшитовый топиар, ландшафтные сады и т. д. Радовало глаз обилие цветов. Поскольку замок находился на естественном возвышении, он словно парил над городом: создавалось впечатление, что мы попали в совсем иной мир. Городские кварталы можно было увидеть, лишь подойдя к парапетам или из окон замка. Конечно, для более или менее обстоятельного знакомства с Амбуазом и его экспозициями, требовалось время, однако и за те два-три часа, которые мы провели в этом замечательном замке-музее, успели увидеть многое.

Прежде всего, это были места, связанные с именем Леонардо да Винчи, которых здесь было немало. Гений Ренессанса провел три последних года своей жизни в Амбуазе, куда был приглашен королем Франциском I. Леонардо жил в предоставленном ему имении Клу (ныне это замок Кло-Люсе), которое было соединено с Амбуазским замком подземным ходом. После смерти, наступившей 2 мая 1519 года, он был захоронен в часовне Святого Юбера. Воздвигнутая на отвесном

утесе, украшенная острым шпилем и каменными кружевами тончайшей работы внутри, часовня была подлинной жемчужиной готики XV века. Над могилой установлена прямоугольная плита из белого мрамора с барельефом и надписью “Leonardo da Vinci”, а неподалеку от часовни, посреди лужайки можно увидеть памятник автору бессмертной «Джоконды». К сожалению, нам не удалось побывать в замке «Кло-Люсе», где памятных мест было больше – там даже сохранилась кровать, на которой скончался Леонардо.

После внешнего осмотра замкового комплекса, включая капеллу Святого Юбера, мы вошли внутрь замка. Здесь внимание посетителей предлагалось около пятнадцати залов, галерея и Минимская башня. Наиболее яркое впечатление оставили роскошные апартаменты герцогов Орлеанских – кабинет, опочивальня и, особенно, музыкальный салон. Выдержанные преимущественно в красных тонах, они были богато обставлены: старинная мебель, картины в золоченых рамах, скульптуры, камин, ковры, люстры. В центре салона стояли два старинных инструмента знаменитой фирмы «Эрар» – рояль и арфа. Величествен и изящен был Зал совета с его тонкими колоннами и сводчатым потолком, который служил для официальных приемов и различного рода увеселительных мероприятий. Запомнился и «Зал виночерпия», где гости замка имели возможность продегустировать вина из королевского погреба. Сама обстановка зала способствовала приятному времяпровождению: изящные столы с соответствующей сервировкой, кресла, красивые гобелены на стенах и, разумеется, вино, которым услужливо потчевал гостей королевский виночерпий.

Мы вышли на крышу Минимской башни, откуда хорошо был виден город, широкая Луара с большим островом посредине, речные дали. Объектов для фотосъемки здесь было более чем достаточно. Полные впечатлений, мы покинули пределы замка и оказались на знакомой нам улице. Здесь уже было полно народа – и горожан, и туристов. Никто никуда не спешил, все наслаждалось ясным весенним днем, когда можно забыть о повседневных делах и заботах и полностью предаться отдыху. В кафе и барах, похоже, не было уже свободных мест.

В этот момент на улице показался фаэтон, запряженный двумя чистопородными красавцами-конями – белым и каурым. Через некоторое время он остановился – туристы тотчас схватились за свои аппараты. Нам с Виталием тоже удалось сделать по паре снимков. Лошади были просто загляденье, особенно белая – точь-в-точь, как жеребец из фильма «Белая грива».

Однако близился полдень, а нам еще нужно было побывать в одном из самых красивых и романтических замков долины Луары – Шенонсо. Бросив прощальный взгляд на замок, мы вышли на набережную, где у самой воды была припаркована наша машина. Виталий включил навигатор, настроил его на Шенонсо, и мы тронулись в путь.

Путь до замка был недолог – минут 20–25. Однако первое, что мы увидели, был не замок, а лес – густой, мрачноватый, таинственный. Говорят, что в былые времена в нем прятались партизаны. Но лес вскоре кончился, мы въехали на площадку для парковки, где оставили машину, поскольку дальнейший путь нужно было преодолеть пешком. Здесь лес сменился парком, а затем большим открытым пространством, в центре которого виден был старинный замок и высокая башня с остроконечной крышей. Это был Шенонсо или, как часто его еще зовут, «Замок Прекрасных дам». Место необычайно красивое, можно сказать, поэтичное. Естественная, природная красота – река, лес – удивительным образом сочеталась здесь с красотой рукотворной – замком, садами, клумбами, цветниками и прочими атрибутами парковой архитектуры. От всего этого веяло какой-то теплотой и покоем. Не зря, видно, Шенонсо так обожали поэты, художники и музыканты, в числе которых Руссо, Шопен, Флобер, Дюфи. Именно здесь в 1747 году Жан-Жак Руссо написал известное стихотворение «Аллея Сильвии» (по названию аллеи парка, огибающей реку Шер).

Вдоволь налюбовавшись открывшимся перед нами видом, мы свернули налево и углубились в «Сад Екатерины Медичи». На самом деле, это был не сад, а великолепный зеленый партер с многочисленными дорожками для прогулок, разбитый по всем канонам паркового зодчества и чем-то напоминавший Версаль.

История замка Шенонсо уходит в глубокое прошлое. Почти триста лет усадьба принадлежала семье де Марк (1243–1512). Позже ее владельцем некоторое время был интендант королевской армии Томас Бойе, который разрушил старый замок, оставив от него только центральную башню – донжон, а новый замок воздвиг на руинах мельницы. После смерти Бойе усадьба была конфискована королем Франциском I. Позже сын Франциска Генрих II подарил замок своей фаворитке Диане де Пуатье. С этого момента владелицами замка и всей прилегающей к нему территории стали женщины, самыми известными из которых были Диана де Пуатье (1499–1566), Екатерина Медичи (1519–1589) и Луиза Лотарингская (1553–1601). В эпоху правления Екатерины Медичи в усадьбе были произведены важные преобразования, в частности на мосту надстроены два этажа (1580), и замок приобрел тот неповторимый вид, который отличает его от всех замков Франции.

О Диане де Сен-Валье де Пуатье следует сказать особо. Прежде всего, она была красавицей и образованнейшей женщиной своего времени. О ней ходила масса самых невероятных слухов, будто бы король Франциск I попросил ее обучить «науке любви» своего сына Генриха, тогда еще совсем неопытного юношу, которого она якобы сделала своим любовником. Однако факт остается фактом: став в 1574 году королем, Генрих несмотря на свой брак с Екатериной Медичи, продолжал оказывать Диане, бывшей старше его на 19 лет, всяческие знаки внимания. В конце концов, он подарил ей замок Шенонсо, сделав это вопреки законам, запрещавшим отчуждение владений, принадлежавших Короне. Более того, Генрих утвердил герб своей фаворитки в виде полумесяца (знак Дианы-охотницы) и одевался в ее любимые цвета – белое и черное:

*Богиня строгая, с глазами василиска,
Над тронem Валуа воздвигла ты свой герб,
И в замках Франции сияет лунный серп
Средь лилий Генриха и саламандр Франциска...*

Прогулка по замку доставила нам огромное удовольствие. Пройдя через партер, мы вышли к берегу реки Шер – притоку Луары. Именно отсюда открывался чудесный вид на замок, запечатленный на тысячах фотографий. Неширокий Шер медленно нес свои воды по направлению к каменному пятиарочному мосту, на котором находилось левое крыло замка. Сам же замок, украшенный многочисленными башенками, тоже омывался водами реки, которая здесь расширялась, образуя небольшую бухту. В общем, замок на воде – это неопишное чудо.

Даже беглого знакомства с его залами и комнатами (а их здесь не менее двадцати), было достаточно, чтобы понять, с каким вкусом и изяществом они обставлены, как удачно подобрана мебель, картины, гобелены и прочие предметы убранства. Это не удивительно, ведь обитателями и хранителями замка всегда были женщины, причем женщины незаурядные, умные, разносторонние и талантливые, оставившие заметный след в истории французской культуры. А по обилию произведений искусств Шенонсо не уступил бы многим известным галереям мира. Особенно богато они были представлены в «Зеленом кабинете» и библиотеке Екатерины Медичи, в спальнях «Пяти королей» и Дианы Пуатье, в «Салоне Франциска I». Так, среди прочих работ, здесь были выставлены полотна европейских мастеров – Рубенса, Ван Дейка, Йорданса, Тинторетто, Себастьяна дель Пьомбо, Веронезе, Корреджо, Мурильо, Рибейры, Сурбарана, а из французских художников – Пуссена, Жувене, Риго и многих других. Подлинным украшением замка были и знаменитые фламандские гобелены, не говоря уже о старинной мебели, каминах.

Самым просторным помещением замка была галерея первого этажа (60×6 м), где Екатерина Медичи устраивала свои пышные балы. Галерея находилась прямо на мосту, и через ее большие окна, можно было полюбоваться видами на Шер и его берега. Оконные проемы чередовались с нишами, в которых были выставлены картины кисти Рубенса, Ван Лоо, Приматиччо, Миньяра. В путеводителе по замку сообщалось, что во время Первой мировой войны в замке был устроен го-

спиталь, а во время Второй – тут находился связной пункт для местных партизан. В общем, за свою пятивековую историю старым стенам замка довелось многое что увидеть.

Запомнилось и посещение дворцовых кухонь и сопутствующих им помещений. Они располагались непосредственно на двух первых опорах моста, на которых собственно и стоял замок, выполняя функцию цокольного этажа. Вследствие этого, комнаты кухни были разделены водной преградой, и для того, чтобы перейти из одного помещения в другое, нужно было подняться по нескольким ступенькам к закрытому переходу и, пройдя под сводом моста, выйти на противоположную сторону. Кухня поражала обилием посуды: всевозможных кастрюль, чашек, тазов и сковородок – от маленьких сотейников до гигантских жаровен, на которых впору было готовить ужин для самого Гаргантюа. Великолепен и старинный вертел, предназначенный, видимо, для жаривания целых туш, например, кабана. Можно только представить, какая горячая тут кипела работа во время празднеств или приемов, когда в замок съезжались гости. Как хлопотали и сновали между столами и раскаленными плитами бедняги-повара, какой стоял шум и гвалт вокруг!

Устав от хождения по многочисленным залам, мы, в конце концов, вышли на свежий воздух и тут же оказались в пышно цветущих «Садах Дианы Пуатье». Вдоль берега Шера шла пешеходная тропа – та самая «Аллея Сильвии», которую некогда воспел в своих стихах Руссо. Она постепенно углублялась в густой, скорее напоминавший лес, чем парк, зеленый массив. Место было необыкновенно красивое, тихое, уединенное, и лишь шелест листвы да щебет птиц чуть нарушали эту патриархальную тишину.

Пообедав в местном кафетерии, мы решили вернуться в Амбуаз. Конечно, можно было еще заглянуть в лабиринт, погулять по парку, осмотреть ферму XVI века, но на всё это у нас уже просто не было сил: два замка в один день – это более, чем достаточно.

Отдых в отеле восстановил утраченные силы, и мы решили совершить прогулку по мосту через Луару. Было тихо, без-

ветренно, солнце клонилось к закату. Чтобы защитить город от весенних разливов, берега реки были укреплены высокой каменной набережной. У Амбуаза Луара была довольно широкой, с множеством небольших островов. Мы дошли до середины моста и оглянулись назад. Нашему взору открылся дивный вид на Амбуаз и возвышавшийся над городом замок. Освещенный розоватыми лучами заходящего солнца, он выглядел просто фантастически, сказочно. В этом месте мост проходил через большой, весь поросший зеленью остров, на котором, похоже, находился парк. С моста к нему вела каменная лестница. Мы спустились вниз и не пожалели – место оказалось очень красивым: зеленые лужайки, склонившиеся к воде вербы и тропинка, уходящая куда-то вдаль. Мы пошли по ней, и тут увидели чудо: прямо на земле под сенью ветвистого дерева сидел ...Леонардо да Винчи. Он словно присел отдохнуть после трудного дня. Взгляд художника был спокоен и сосредоточен, а его левая рука покоилась на голове Медузы Горгоны. Но, что нас больше всего поразило, то, что Леонардо был абсолютно гол. Большая окладистая борода ниспадала на мускулистую грудь. Это был могучий старец, и мощь его духа скульптор передал не только через выражение лица, но и посредством атлетического телосложения. Скульптура – дар одной из латиноамериканских стран Франции – была отлита в 30-х годах прошлого столетия из бронзы, которая со временем позеленела, и теперь ее бледно-зеленоватый окрас гармонично сливался с окружающей средой. Трудно было удержаться, чтобы не запечатлеть себя на фоне столь экстравагантного изображения великого Леонардо. Фотосессия продолжилась и на берегу реки, и на набережной у нашего отеля, где тоже имелось немало достойных внимания объектов. В общем, воскресный день прошел удачно.

Частые переезды из одного города в другой имели один недостаток – каждый раз нужно было укладывать вещи в чемоданы. Чаще всего это делалось вечером, а утром лишь оставалось встать, привести себя в порядок, позавтракать и отнести вещи в машину. Так мы поступили и на сей раз. От Амбуаза до Парижа путь не так уж далек, поэтому мы решили заехать в Шамбор, где

находился один из самых известных и самых больших замков Луары. Замок был воздвигнут по инициативе Франциска I, и его строительство продолжалось более тридцати лет (1525–1559). С самого начала он предназначался для выездов на охоту и развлечений. В общем, огромный замок с 364 помещениями (по количеству дней в году) был всего лишь своеобразным «охотничьим домиком» короля. Уже на подъезде к Шамбору, можно было заметить обилие лесов, в которых и сейчас водится немало живности, а во времена Франциска I эти густые, болотистые и часто непроходимые лесные массивы буквально кишели всяким зверьем и птицами: лучшего места для охоты не найти. А охота, как известно, была для венценосных особ одной из главных забав. Франциск I был страстным охотником – сохранился даже портрет короля, на котором монарх изображен попирающим поверженного им огромного вепря перед восхищенными взорами членов семьи и приближенных. Такими же любителями охоты были и сыновья монарха, впоследствии тоже короли – Генрих II и Людовик XIV.

Шамборский замок был мне знаком по открытке, которую мне как-то прислал из Франции один итальянец. Вид замка был великолепен. Запечатленный со стороны фасада, выходящего на речку Коссон, он поражал мощью своих стен, обилием башен и шпилей. И вот теперь тот же самый королевский замок, о котором в свое время упоминали Рабле и Ронсар, предстал теперь передо мной воочию. Замок выглядел столь сказочно, ирреально, что невольно вызвал ассоциации с ...замком людоеда из сказки Шарля Перро «Кот в сапогах». По сравнению с большинством других замков, Шамбор располагался на ровном пространстве, в окружении лесов и полей. Построенный из белого известнякового туфа, освещенный лучами яркого утреннего солнца, он просто сиял на фоне голубого неба, создавая какой-то светлый, праздничный настрой.

Купив входные билеты, мы вошли на территорию замка и оказались в сером, ничем не примечательном дворе, окруженном с трех сторон одноэтажными пристройками с башенками по углам. С четвертой стороны, то есть прямо напротив нас, возвышался замок, вернее, его центральная часть, так

называемый донжон. Квадратный в плане, с мощными цилиндрическими башнями по углам, он имел всего три этажа, над которыми виднелась проходящая по краю здания терраса, а прямо над ней высился целый лес надстроек – многоярусных башен, фонарей, люкарн, каминных труб, шпилей и т. д. Чтобы рассмотреть всю эту красоту, нужно было стоять, высоко закинув голову. Однако такое положение несколько утомительно, и мы предпочли войти внутрь. И первое, что мы увидели, было одной из главных достопримечательностей Шамбора: беломраморная винтовая лестница с двумя спиралями маршей. Она уникальна тем, что спирали нигде не пересекались друг с другом, и люди, поднимающиеся или спускавшиеся по одной из лестниц, могли время от времени наблюдать за людьми, находившимися на другой лестнице, сквозь прорези в центральной опоре. Это было гениальное инженерное решение, не говоря уже о красоте и оригинальности сооружения. Поднимаясь по лестнице, мы последовательно ознакомились с экспозициями залов второго и третьего этажей, на которых располагались королевские апартаменты, а также музей охоты и природы. По сравнению с залами Амбуаза и Шенонсо, они не были столь роскошны, но произведений искусств здесь было тоже предостаточно, особенно, в апартаментах Людовика IV.

Однако лестница вела еще дальше – на четвертый уровень, и, достигнув его, мы неожиданно оказались в удивительном месте. Это был целый городок причудливых сооружений, главным образом разной высоты и конфигурации, башен. Между ними пролегли своеобразные «улицы» и «переулки»; имелись даже небольшие «площади». И всё это располагалось на крыше замка, примерно в 20–25 метрах над землей. По всему периметру крыши, объединявшей центральный донжон и два боковых крыла с угловыми башнями, проходила большая терраса, откуда хорошо просматривалась вся окружающая замок территория. В былые времена обитатели замка наблюдали отсюда за ходом охоты, военными парадами, рыцарскими турнирами, праздниками. Есть основания полагать, что терраса была построена по совету Леонардо да Винчи, принимавшего активное участие в делах короля, особенно в организации

разного рода увеселительных мероприятий. Что-то, а развлекаться короли любили и умели. Достаточно вспомнить, что в их организации принимали участие многие выдающиеся деятели французской культуры, такие как комедиограф и актер Жан Батист Мольер или его тезка Жан Батист Люлли – придворный композитор Людовика XIV.

Мы долго гуляли по крыше, поражаясь мастерству и фантазии создателей этого рукотворного чуда, где традиции средневекового французского зодчества, органично сливались с достижениями итальянской ренессансной культуры. Теперь мне стало ясно, откуда Антонио Гауди мог черпать идеи, украшая крыши своих построек в Барселоне разными башенками и надстройками.

Последним, чем мы успели полюбоваться в Шамборе, были нарядные королевские кареты. Эти никогда не использованные конные экипажи были изготовлены известным каретным мастером Биндером в 1871 году. Кинув прощальный взгляд на прекрасный замок и не менее прекрасный окружающий ландшафт, мы сели в машину и взяли курс на Париж.

Проезжая по дорогам Франции, мы часто встречали поля, засеянные какой-то культурой с желтыми цветами. Цветов было так много, что все они сливались в сплошной ярко-желтый ковер. Но что это за растения? – гадали мы, и немного поспорив, сошлись в мнении, что скорее всего горчица. Позже всемогущий Интернет подтвердил верность предположения. Но зачем так много горчицы французам? И тут мы вспомнили про знаменитую дижонскую горчицу, которая востребована сейчас во многих странах мира. Это объясняло обилие ее посевов. Неожиданно Виталий свернул с трассы и, припарковав машину у обочины поселочной дороги, предложил всем выйти. Мы вышли и оказались на краю большого горчичного поля. Его желтизна была столь яркой и насыщенной, что даже немного рябило в глазах. Затем Виталий попросил маму зайти подальше в поле и занялся съемкой. Я же запечатлел эту сцену на пленку. Получилось прекрасно, ну, прямо как у Ван Гога, только вместо «красных виноградников в Арле» – у нас «желтая горчица близ Шамбора».

ПОД СЕНЬЮ ЭЙФЕЛЕВОЙ БАШНИ

В Париж мы прибыли в четыре часа пополудни. Агентство, в котором Виталий забронировал квартиру для нас, находилось на одной из оживленных улиц города, так что припарковать машину удалось лишь на приличном расстоянии от него. Оставив папу с мамой в автомобиле, наш сын отправился в агентство, чтобы выполнить необходимые формальности для получения жилья. Ожидая его возвращения, я осмотрелся. Похоже, мы находились в деловой части Парижа, где никаких достопримечательностей не было, зато было много машин и людей. Работали офисы и магазины, все куда-то спешили, в общем, город жил своей обычной жизнью.

Минут через двадцать появился Виталий. Он был бодр и весел: «Всё в порядке, едем! Будем жить на *рю де Нил* – это тут недалеко» и помахал ключом от квартиры. Однако это «недалеко» на деле оказалось не таким уж близким. Почти все улицы в центре Парижа с односторонним движением, и если вам нужно на запад, то вначале придется поехать на восток, так как движение разрешено только в ту сторону; потом, если вам нужно будет повернуть направо, но может оказаться, что по этой улице движение возможно лишь в обратном направлении. И так без конца. В общем, покружили мы немало – спасибо еще навигатору, – пока не добрались до нужной нам улицы. Но и тут не обошлось без сюрприза: знак с красным «кирпичом» ясно давал понять, что въезд на улицу, названной в честь великой африканской реки, запрещен. Но, слава Богу, что до дома оставалось совсем немного – метров тридцать. Это уже пустяки: можно пройти и пешком.

И вот мы дома. Снятая нами квартира находилась на третьем этаже, куда нужно было подняться по узкой деревянной лестнице (как по ней заносили мебель – не понятно). В квартире было всего две комнаты. В первой, кроме кровати и столика с телевизором, была оборудована крохотная кухня и такой же миниатюрный туалет, правда, имелось всё необходимое для нормального проживания, включая Интернет и wi-fi. Почти всё пространство второй комнаты занимала боль-

шая двуспальная кровать; за деревянной стенкой-гардеробом с полками располагались ванна и умывальник. Чемодан можно было поставить только в узком проходе между кроватью и стеной. Но, как говорится, в тесноте, да не в обиде. Главное, мы уже в Париже, причем совсем недалеко от центра (до Лувра – три остановки на метро).

В общем, распаковав вещи, выпив чаю и немного отдохнув, мы отправились на прогулку по городу. По предложению Виталия решили идти пешком. Первая большая улица, на которую мы вскоре вышли, носила имя французского естествоиспытателя Анри Реомюра. Здесь было оживленное движение и красивые дома, построенные лет 150–200 назад. Пройдя затем по улице Д'Абакир, мы вышли на широкую улицу, само название которой – *рю де Лувр* – говорило, что мы находимся на верном пути. Мы шли долго, не менее получаса, любуясь работами французских зодчих, строивших красиво, элегантно и изящно. Но вот показалось монументальное трехэтажное здание, хорошо знакомое всем по сотням его изображений. Это был Лувр – бывший королевский дворец, а ныне один из самых знаменитых в мире художественных музеев. Ровно 50 лет назад, в далеком 1963 году, во время нашего с женой первого путешествия, мы купили в Ленинграде альбом с репродукциями картин, хранящихся в Лувре. Я мечтал побывать в этом замечательном музее, в котором была собрана бесценная коллекция произведений искусства и прежде всего живописи и скульптуры. За прошедшие годы мне удалось побывать более чем в тридцати художественных музеях мира, в некоторых даже неоднократно, но вот попасть в Лувр всё как-то не удавалось. Однако на сегодня у нас запланирован лишь внешний осмотр музея и некоторых достопримечательностей, находившихся в непосредственной близости от него – Тюильрийского сада и площади Согласия.

Прежде чем начать знакомство с комплексом зданий музея и его территории, мы прошли к набережной Сены – реки, воспетой не одним поколением поэтов. В этом месте река разбивается на два рукава, а посреди них находится не менее знаменитый, чем сам город, остров Ситэ, сердце Парижа –

ведь именно здесь и зародился будущий город. К острову, а затем и на левый берег реки, ведет самый старый городской мост, как ни странно, именуемый «Новым» (*Pont Neuf*). Хотя ничего странного тут нет: когда в начале семнадцатого века в Париже строился первый каменный мост, он действительно был новым, как говорится, и по форме, и по содержанию.

«Сена для Парижа – то же самое, что Пятое авеню для Нью-Йорка, живая ось города», – писал Андре Моруа. Об этой прославленной реке можно написать целый роман: это и место для прогулок как по воде, так и по суше, и своеобразный книжный магазин – знаменитые лавки букинистов, и прибежище для бездомных (под мостами), и променад для влюбленных, и укромные уголки для любителей постоять с удочкой... Берега Сены укреплены высокими каменными набережными с парапетами, у которых так приятно остановиться, подышать свежим воздухом, посмотреть на проплывающие мимо пароходики и катера. И, конечно же, сфотографироваться.

Отсюда, с набережной, хорошо была видна противоположная сторона небольшой площади перед музеем, где находилась одна из самых красивых церквей французской столицы – Сен-Жермен-л'Оксерруа (*L'église Saint-Germain-l'Auxerrois*) – церковь святого Германа (Жермена) Оксерского. Во времена, когда Лувр был королевским дворцом, она служила приходской церковью для династии Валуа. Это был прекрасный образец поздней готики, так называемого «пламенеющего стиля», с его изысканностью форм и обилием орнаментации. Особенно впечатляла самая старая часть постройки – великолепная романская колокольня XII века. Кстати, именно с этой колокольни 24 августа 1574 года был дан сигнал о начале резни гугенотов. Это случилось в ночь под праздник святого Варфоломея... Однако, мы отвлеклись – пора перейти к главной цели сегодняшней прогулки – Лувру.

Большой Лувр – это целый комплекс соединенных меж собой дворцовых зданий и образующих большую букву «П». Если выстроить все эти здания в одну линию, то они бы, наверное, вытянулись на целый километр. Лувр занимает большую территорию между набережной Сены и улицей Риволи.

Мы прошли через центральную арку и вышли во внутренний двор, в центре которого имелось два достойных внимания объекта – большой фонтан и пирамида из стекла. Если фонтан выглядел более или менее традиционно и гармонировал с окружающими его зданиями, то пирамида явно была «инородным телом». Построенная по проекту американского архитектора китайского происхождения Йо Минг Пея, она сверкала своими многочисленными ромбами и была ярким декоративным «пятном» в этом полузамкнутом пространстве. Но, самое главное, пирамида давала естественный свет находящемуся внизу вестибюлю, ведущему к билетным кассам и к главному входу в музей.

Сделав несколько снимков у пирамиды и фонтана, мы пошли в Тюильрийский сад. То, что в Париже есть сад под названием «Тюильрийский», я знал с юности, и помог мне в этом ... Мусоргский. У композитора есть замечательный фортепианный цикл «Картинки с выставки», одна из пьес которого так и называется: «Тюильрийский сад» (Tuileries). Эта очаровательная пьеска, как, впрочем, и весь цикл, была написана под впечатлением посещения посмертной выставки талантливого художника и архитектора, близкого друга Мусоргского, Виктора Гартмана. На зарисовке художника была запечатлена аллея сада с пестрой толпой детишек и нянек. Вот и сейчас среди посетителей сада, было немало детей.

Чтобы войти в сад, нужно было миновать площадь «Каррузель» и триумфальную арку, воздвигнутую в 1808 году в честь очередной победы Наполеона. Раньше на этом месте стоял дворец «Тюильри», сгоревший во время пожара в 1871 году. Арка выглядела величественно и эффектно. Она была украшена прекрасными статуями и барельефами, а на ее верхней части красовалась квадрига бронзовых коней со статуей Мира.

Сад воспринимался как естественное продолжение Лувра, занимая пространство в 28 гектаров. Его заложил знаменитый садовник или, как сейчас говорят, ландшафтный архитектор Андре Ленотр, работавший при дворе короля Людовика XIV, Тюильри был замечателен тем, что зеленые насаждения – газоны, клумбы, кустарники, деревья (их тут более двух ты-

сяч) – дополнялись многочисленными скульптурами. В этом отношении он чем-то напоминал римский парк Пинчо или петербургский Летний Сад. Но только внешне – существенное отличие заключалось в том, что здесь доминировали большие открытые пространства. Это своеобразный музей скульптуры под открытым небом, представленный творениями разных времён – от эпохи Людовика XIV до Нового времени. Среди них выделялись своей экспрессией работы выдающегося французского скульптора, каталонца по крови Аристиды Майоля («Три нимфы», «Ночь» и др.).

Мы с интересом стали рассматривать изваяния, среди которых были подлинные шедевры. Четыре скульптуры были посвящены образам известных рек – Тибра, Нила, Луары и Луара, Сены и Марвы. К изображению рек в виде аллегорических фигур нередко обращались итальянские ваятели, а частности Бернини, создавший знаменитый «Фонтан рек» на площади Навона в Риме. Выполненные из белого мрамора, в лучших традициях ренессансного искусства аллегии привлекали своей выразительностью и совершенством форм. Похоже, что и Виталий остался неравнодушен к этим произведениям – он так увлекся фотосъемкой, что нам даже пришлось его ждать.

В тот час в саду было много отдыхающих, туристов, которые, как и мы, увлеченно ходили от одной скульптуры к другой, фотографировали их, делали какие-то записи в блокнотах. На лужайке около скульптуры Майоля «Ривьера», изображавшей заснувшую в странной позе на песке женщину, расположилась группа школьников с учителем, который дал детям задание повторить позу и движение, запечатленные автором в его творении. И дети тут же принялись выполнять его. Возможно, это были учащиеся какой-нибудь художественной школы, и такого рода упражнения развивали их пластику, воображение. Как бы то ни было, но подобные сценки, когда учителя проводили урок со своими воспитанниками в том или ином музее, мне не раз доводилось видеть во Франции.

Однако в Тюильри можно любоваться не только произведениями искусства. Прежде всего – это сад, в котором произрастают сотни самых разнообразных, а порой и довольно ред-

ких, экзотичных растений, привезенных сюда из различных уголков мира. По сравнению с Югом Франции, в Париже весна только вступала в свои права, но сад уже благоухал от обилия запахов и красок цветущих растений. Особенно красивы нежно-розовые цветы японской сакуры. В одном месте нашему взору открылась, проходившая справа улица Риволи и находящиеся на ней высокие импозантные дома. Построенные в начале XIX века, они были примечательны тем, что через их первые этажи проходила украшенная многочисленными аркадами крытая галерея. Риволи по праву считается самой длинной улицей Парижа: она начинается близ площади Согласия и заканчивается у Бастилии.

Уже когда смеркалось, мы вышли на площадь Согласия (*Place de la Concorde*). Эта огромная площадь считается признанным шедевром мирового градостроительства. Она находится на берегу Сены между Тюильрийским садом и Елисейскими полями. Ступив на площадь, мы были поражены открывшейся картиной: в центре возвышался египетский обелиск, за которым хорошо просматривался главный символ Парижа – Эйфелева башня. Пляс богато украшена: роскошные фонтаны, многочисленные колонны, статуи, да и чего там только нет! Однако уникальность площади в том, что она не застроена по периметру домами, благодаря чему с любой ее точки открываются широкие перспективы. Единственное исключение – прилегающие к ней с севера здания с колоннами: в одном из них расположилось Министерство морского флота, в другом – отель «Крийон». А самая прелестная перспектива открывается на запад, на знаменитый бульвар Елисейские поля, в конце которого – а это не менее двух километров – хорошо видна освещенная мощными прожекторами Триумфальная арка. Хорошо бы пройтись по «полям»... Но мы устали, и физически, и от обилия впечатлений, поэтому принимаем единственно верное решение – возвращаться домой. Три остановки на метро, и мы дома. Париж – ты прекрасен!

То, что Париж красив, отмечали тысячи людей, побывавших в этом удивительном, даже в чем-то уникальном городе. Особенно ценно первое впечатление. Художница, гравер

Остроумова-Лебедева, посетившая Париж в самом конце XIX века, писала: «Город – сам город – очень, чрезвычайно красив: весь из одноцветного камня, но в нем тысячи разных оттенков... Красивые ограды, красивые дворики, поросшие яркой травой. Всё необыкновенно живописно, так и просится на карандаш...».

На следующий день у нас запланировано посещение оперного театра – знаменитой «Гранд-Опера» или, как его еще называют, «Дворец Гарнье». Однако речь идет не о спектакле, а об осмотре театра, который днем работает как обычный музей.

Утро нас не особо радует: небо задернуто облаками, похоже, будет дождь. Но ничего не поделаешь, берем зонты и идем к станции метро. Парижское метро нельзя сравнить с московским – оно построено рационально и практично: чисто, светло, есть где посидеть в ожидании поезда и ничего лишнего. Садимся в поезд и выходим на станции “Avenue de l’Opéra”. И первое, что видим – огромное здание театра. Даже беглого взгляда на него достаточно, чтобы понять, что перед нами признанный шедевр архитектуры. Фасад театра чем-то напоминал Львовскую оперу, но только внешне. Конечно, «Гранд-Опера» более роскошна и помпезна – настоящий дворец, что, впрочем, вполне отвечало вкусам Второй Империи, эпохи, в которую она и была построена (1863–1875). Известно, что на строительство театра были отпущены колоссальные по тем временам средства – 36 миллионов золотых франков. Здание считается эталоном эклектической архитектуры в стиле боз-ар, что особенно ярко проявляется в его интерьере.

Итак, покупаем входные билеты и входим в театр. То, что видим, трудно передать словесно – мы словно попали в какой-то сказочный чертог: кругом мрамор, позолота, лепнина, зеркала и всё это залито светом, льющимся из сверкающих хрусталем люстр и светильников. Я уже не говорю о блестящих росписях потолков и скульптурах. В центре всего этого великолепия – парадная лестница, ведущая к фойе и этажам театрального зала. Мне довелось побывать во многих прославленных оперных театрах мира, таких как Ла Скала, Метрополитен-Опера, Большой и Мариинский театры, но ни один

из них не мог по богатству и роскоши, может быть, чрезмерной, сравниться с парижской «Гранд-Опера». Не зря же его зовут «Дворцом Гарнье» – это и есть дворец.

Но это еще не всё: новое потрясение ожидало нас в Большом фойе. Золота и блеска здесь столько, что резало глаза. Фойе было задумано Гарнье по образцу парадных галерей старых замков. Игра зеркал и окон визуально расширяла пространство, отчего фойе казалось огромным. Я представил, какая изысканная атмосфера царила здесь в былые времена, как не спеша прогуливались в антрактах по фойе элегантные дамы и господа. Как они рассматривали кого-то в лорнеты, как раскланивались со знакомыми. Неожиданно вспомнилась сцена из первого акта фильма-оперы Франко Дзеффирелли «Травиата», где, как известно, фигурировали сливки парижского демимонда.

Сейчас попасть на оперный спектакль в «Гранд-Опера» очень трудно – чаще идут балетные постановки, да билеты распродаются на несколько месяцев вперед. Это понятно – кто только не мечтает хоть раз в жизни попасть в театр, на сцене которого выступают самые выдающиеся артисты мира. Выступали здесь, причем с огромным успехом, Фёдор Шаляпин, Анна Павлова, артисты дягилевской труппы (в «Русских сезонах» начала XX века), а позже – Ирина Архипова, Елена Образцова, Анна Нетребко. Здесь ставились оперы русских композиторов – «Борис Годунов» Мусоргского, «Золотой петушок» Римского-Корсакова, «Пиковая дама» Чайковского, «Соловей» и «Мавра» Стравинского.

Мы прошли по всем, доступным для осмотра залам театра, посетили театральный музей, библиотеку, вышли на балкон, откуда открывался чудесный вид на площадь и прилегающие к ней «Большие бульвары». Наконец, открылся проход в ложи, и мы смогли полюбоваться еще одним творением Гарнье – зрительным залом. Выдержанный в красно-золотых тонах, в итальянском стиле, он был потрясающе красив и довольно вместителен (на 2150 мест). Внизу располагался партер, а по всему периметру зала (кроме сцены, разумеется) тянулись пять ярусов роскошных лож. Однако главным украшением

зала был блестяще расписанный Марком Шагалом плафон (1964) и свисающая с него огромная хрустальная люстра.

В театре мы пробыли более двух часов, после чего вышли на площадь и еще раз полюбовались им снаружи.

Неподалеку от театра, на улице Обера, 13, находилось агентство «Л'опентур», которое организовало автобусные экскурсии по Парижу. Желающим совершить поездку предлагалось четыре маршрута с более чем пятьюдесятью остановками у самых интересных и достопримечательных мест города. Мы выбрали маршрут номер один, проходивший по центральной части Парижа. Минут через десять подошел автобус, и мы поспешили войти в него, расположившись в верхнем открытом салоне. Экскурсионные автобусы в Париже были точно такие же, как и в Риме или Милане, но проезд в них стоил дороже, как, впрочем, и многое другое – это было сразу заметно.

Наш маршрут проходил по следующим местам: Гранд-Опера – Пале-Рояль – Лувр – Новый мост – Нотр-Дам-де-Пари – Сент-Шапель – музей д'Орсе – площадь Согласия, Елисейские поля – площадь де Голля (Триумфальная арка) – Трокадеро – Эйфелева башня – Дом Инвалидов – церковь Мадлен – Большие бульвары – Гранд-Опера. Однако ехали мы недолго – всего лишь четыре остановки, и вышли у Собора Парижской Богоматери – не посетить его было бы просто непростительно.

О таких величайших памятниках культуры и истории, как Нотр-Дам так много написано и рассказано, что, когда их видишь в первый раз, то испытываешь странное ощущение – тебе кажется, что ты их уже видел. То же самое я испытал при виде Собора. В ненастную погоду Нотр-Дам выглядел величественно и сурово. По внешнему облику и архитектуре этот огромный католический собор просто уникален. Специалисты отмечают двойственность стилистических влияний: с одной стороны, здесь налицо отголоски романского стиля, с другой, – новаторские архитектурные достижения готики, которые придают сооружению особую легкость и создают впечатление простоты вертикальной конструкции. Габариты собора впечатляют: высота – 35 м, длина – 130 м, ширина –

48 м, высота колоколен – 69 м. Меня же больше всего поразила размер ажурной «розы» на фасаде – ее диаметр был около десяти метров.

Желающих посетить собор оказалось много, но очередь двигалась быстро, и через минут десять мы уже были внутри. Здесь царил тишина, скудный свет сочился откуда-то сверху. Мы прошли по центральному нефу собора к находящемуся у торцовой стены алтарю. Мощные колонны с арками поддерживали разделяющие нефы трехуровневые стены, на которые опирался стрельчатый свод собора. Торцовую стену украшали великолепные витражи XIII века. Жаль, что в соборе не шла служба, и мы не смогли послушать замечательный орган, установленный здесь еще в начале XV столетия. Он не раз реконструировался, пока не приобрел нынешний вид с фасадом в стиле Людовика XVI. В настоящее время орган располагает пятью мануалами и 86 регистрами, что позволяет исполнять на нем самые сложные, концертного плана сочинения.

Да, собор великолепен. Построенный восемь веков назад, он является прекрасным образцом раннего ренессансного зодчества. Не зря же в предисловии к своему роману «Собор Парижской Богоматери» Виктор Гюго писал: «Одна из главных целей моих – вдохновить нацию любовью к нашей архитектуре». И, похоже, писатель своей цели достиг, причем, не только в национальном, но и в мировом масштабе.

Однако пришла пора обеда. Мы вышли из собора и, пройдя по мосту через Сену, оказались на ее левом берегу, в так называемом «Латинском квартале». Здесь, в одну из своих поездок в Париж, Виталий вместе с другом пообедал в каком-то ресторанчике, и обед ему понравился. Туда мы и направились. Мы шли по набережной, мимо лавок букинистов и любовались видом на Нотр-Дам. Вид сбоку тоже впечатлял – хорошо были видны все элементы конструкции, включая мощные аркбутаны и контрфорсы, поддерживающие стены этого громадного сооружения. Ресторан, к сожалению, оказался закрытым – пришлось искать другой. Но выбор был неудачен – ресторан оказался дорогим, к тому же нас попытались обсчитать.

Ну, да ладно – это всё пустяки, как говорил Карлсон, дело житейское. Вернулись мы на остановку автобуса и поехали дальше. Парижский аудиогид несколько отличался от своих итальянских «собратьев». Время от времени в наушниках звучала чудесная музыка: песни о Париже в исполнении известных французских шансонье – Ива Монтана, Эдит Пиаф, Мирей Матье, Джо Дассена и др. Это было чудесно: кружить в открытом автобусе по улицам и площадям города под звуки «Больших бульваров» или «Под небом Парижа». Я стал тихонечко подпевать Монтану: *J'aime flâner sur les Grands boulevards Y'a tant de choses, tant de choses Tant de choses à voir...*

Всё хорошо, но стал накрапывать дождь – пришлось спуститься вниз. Здесь было тепло и комфортно, но обзор стал значительно хуже. Мы проехали по набережной Сены мимо музея д'Орсе с его знаменитой коллекцией полотен импрессионистов, миновали площадь Согласия, Елисейские поля, площадь Шарля де Голля и вышли на остановке у Эйфелевой башни.

Вблизи главный символ Парижа выглядел настоящим монстром, особенно на фоне серого, покрытого облаками неба. Моросил мелкий дождь. Несмотря на будничность дня и плохую погоду перед билетной кассой скопилось немало народа. Но первое впечатление обманчиво – желающих подняться на башню было очень много: просто люди стояли друг за другом между металлическими ограждениями, образующими своеобразный серпантин, и сколько в нем было поворотов трудно даже сказать. Думаю, что если бы все стали в один ряд, то очередь вытянулась не меньше, чем на полкилометра. Двигались мы медленно, теряя порой терпение, но желание побывать на Эйфелевой башне было столь велико, что отступить как-то не хотелось. Однако всему приходит конец. Примерно через час мы дошли до кассы. И, наконец, мы в лифте, поднимаемся вверх. На первом уровне остановка: кто-то остается здесь, другие же переходят к другому лифту, который идет до верхней площадки, расположенной на высоте 300 метров. И тут нас поджидает весьма неприятный сюрприз: новая очередь. Она, конечно, поменьше, чем та, что внизу, но тоже немалая.

В общем, простояли мы тут не менее получаса – на этом наши злоключения закончились: быстрый подъем в плотно забитом лифте (и как только тросы выдерживают всю эту тяжесть!), и мы наверху Эйфелевой башни – выше только служебные помещения и передающие радио- и телевизионные антенны.

Медленно проходим по периметру площадки и любимся видами на Париж. Дождь перестал, поэтому видимость довольно хорошая. Находим Триумфальную арку, площадь Согласия, Лувр, Нотр-Дам... Представляю, как бы красиво всё это смотрелось в хорошую погоду. Вообще, это очень приятное занятие – смотреть на город с высоты. Вспомнились прежние поездки: в Москву, Нью-Йорк, Чикаго, Венецию – там тоже были «высокие точки» с прекрасным обзором города: Останкинская башня, Эмпайр-стейт-билдинг, «Биг Джон», Кампаниле. Были и другие города – все они такие разные, но Париж особый город, сумевший сохранить свое историческое прошлое, свою красоту, свой царственный облик, не зря же о нем написано столько песен – только на французском языке их более шестидесяти.

Виталий увлеченно занялся съемкой: я тоже щелкаю затвором аппарата: объектов для съемок тут более чем достаточно. Галя, мечтавшая о поездке в Париж чуть ли не с детства, забыв обо всем, восхищенно смотрит на город своей мечты. Насмотревшись вдоволь на город, спускаемся на нижний этаж верхнего уровня. Здесь теплее, поскольку площадка застеклена, кроме того, имеется ресторан, где можно перекусить или просто выпить бокал шампанского. Фотографировать здесь тоже можно, но съемка через стекло заметно влияет на качество изображения. Мы не спеша проходим по краю площадки, стараясь запечатлеть в памяти увиденное.

Неожиданно к сыну обращается молодой русский мужчина с видеокамерой и просит заснять его вместе с сопровождающей девушкой. Виталий охотно соглашается, берет камеру в руки и направляет ее на объект съемки. В этот момент происходит неожиданное – мужчина становится на колени и просит у девушки ее руки: «Согласна ли ты стать моей женой?». Мы немного опешили, девушка тоже. Похоже, что и для нее

это стало сюрпризом. Немного помедлив, она тихо произносит «Да». Тогда мужчина достает из кармана кольцо и одевает его на палец своей невесты. Они обмениваются поцелуем, после чего, жених берет заготовленное заранее шампанское, подает один из бокалов девушке, и они вместе их осушают. Эта сцена столь неожиданна и трогательна, что находит отклик в наших сердцах. Мы тепло поздравляем молодых с важным событием в их жизни, невольными свидетелями которого мы стали. Побродив еще немного по площадкам, возвращаемся к лифтовому отсеку. Спуск проходит без каких-либо задержек и осложнений. Мы на земле.

Садимся в подошедший автобус «Опентура», который следует в сторону начала маршрута, то есть в район парижской Оперы. Проезжаем мимо Дома инвалидов, построенного в 1676 году по специальному эдикту Людовика XIV для ветеранов войн, в котором ныне размещается несколько музеев, включая Музей армии. Это красивое трехэтажное здание с монументальным порталом, длиной почти в двести метров. Рядом с ним возвышается высокая Купольная церковь. В ее крипте покоится прах Наполеона Бонапарта, привезенный сюда с острова Елены. Перед Домом инвалидов находится широкая зеленая эспланада, открывающая величественный вид на весь ансамбль.

Далее наш маршрут снова проходит по площади Согласия и прилегающей к ней Королевской улице, где находится красивейшая церковь Мадлен. Церковь необычна – она воздвигнута в виде древнеримского храма с 52 коринфскими колоннами, проходящими по всему ее периметру. Стоящая на возвышении, она заметно выделяется на фоне городского пейзажа. Я успеваю ее сфотографировать.

Ну вот, второй день нашего пребывания во французской столице подходит к концу. Завтра – Первое мая, Международный день трудящихся, который, как ни странно, во Франции тоже отмечается. А это значит, что все музеи, включая Лувр, будут закрыты, и намеченное нами его посещение, переносится на послезавтра. Завтра же, если погода не подведет, мы поедем на Монмартр (*Montmartre*) – гору мучеников (так

с французского переводится название холма, расположенного в северной части Парижа). Монмартр притягивает к себе туристов со всех уголков мира по ряду причин. Во-первых – это богемный район, где живут и творят художники; во-вторых, именно здесь находятся самые знаменитые кабаре Парижа, такие как «Мулен Руж» или «Пряткий кролик»; в-третьих, вершину Монмартра венчает белоснежная базилика Святого Сердца Христова – Сакре-Кёр – место паломничества для многих христиан. Есть еще одна достопримечательность – улица Красных фонарей – но это не для нас.

МАНСАРДЫ МОНМАРТРА И ЛАТИНСКИЙ КВАРТАЛ

Наступило утро. Виталик уже встал и хлопчет у кофеварки. Галя занимается утренним туалетом, в общем, всё, как обычно – словно, мы не в Париже, а у себя дома. Но вот кофе готов, садимся за стол, выпиваем по чашечке с круассанами, и мы готовы к выходу. Завтракать будем на Монмартре.

На Монмартр добираемся на метро с пересадкой. Теперь только вверх. Подняться на холм – самую высокую точку Парижа (130 метров над уровнем моря) – можно двумя способами: пешком или на фуникулере. Мы выбираем первый, но это чуть позже, а пока нужно позавтракать. Найти кафе здесь – не проблема, тем более для легкого завтрака. По чашечке кофе, бутерброды, традиционные круассаны, и мы готовы в путь.

Выйдя из кафе, замечаем, что видим свое отражение в зеркальном стекле витрины. Мы много фотографировались, путешествуя по Франции, но ни одного снимка, где мы запечатлены все вместе, у нас нет. А вот и прекрасный случай, чтобы исправить это досадное упущение, причем никого просить не надо. Виталий наводит объектив на наше отражение, «щелк», и фото готово.

Идем дальше. А это что еще такое? Похоже, что плакат Компартии Франции с каким-то призывом – то ли вступить в ее ряды или еще что-то. На плакате изображен самозабвенно поющий под гитару товарищ. То, что ему очень весело, ясно

по красному носу и бесшабашному выражению лица (как говорил Беранже: «не то, что очень пьян, но весел бесконечно»). Рисунок так очаровал меня, что я решил сфотографироваться на его фоне. Став около него, я принял заливчатскую позу, широко раскрыл рот и сделал вид, что пою, а Виталию осталось лишь навести объектив и нажать на кнопку затвора. Фото получилось презабавное.

Ну, а теперь – в гору! Выходим на извилистую, мощеную камнем улицу и начинаем подъем. Дома здесь попроще, чем в центре, но такие же ухоженные, нарядные – если имеется балкон или терраса, то на них обязательно есть цветы. Большинство домов на Монмартре с мансардами. В былые времена в недорогих, зачастую неотапливаемых, мансардах селились представители парижской богемы – поэты, художники, музыканты. Их жизнь и быт хорошо описаны в «Сценах из жизни богемы» Анри Мюрже (1822–1861) – талантливым писателем-самоучкой, прошедшим школу нищеты и первых литературных навыков в кружках артистической богемы. Если книга Мюрже известна не каждому, то написанная на этот сюжет опера Пуччини «Богема» приобрела воистину мировую славу. Однако в наше время парижская богема поменяла место своей «дислокации», предпочтя Монмартру городской квартал Монпарнас. Парижские мансарды еще долго были окружены неким ореолом романтики. Даже сам Бодлер был не прочь пожить в этом отнюдь не комфортном пристанище:

*Чтоб целомудренно слагать стихи в Париже,
Хочу, как звездочет, я к небу жить поближе,
В мансарде с небольшим оконцем, чтобы там,
В соседстве с тучами внимать колоколам...*

Вот мы и подошли к первой достопримечательности Монмартра – старинной ветряной мельнице «Мулен де ла Галетт», стоящей здесь чуть ли не с XIV столетия. Ее кирпичная башня с четырьмя деревянными крыльями возвышается над кварталом и находящимся внизу рестораном, хорошо известным по

картине Ренуара «Бал в Мулен де ла Галетт». Но в этот утренний час ресторан, похоже, еще закрыт

Идем дальше, и вскоре подходим к так называемой «Стене любви». Она представляет собой большую, площадью в сорок квадратных метров панель, на которой белыми буквами на синем фоне на 311 языках мира написаны слова признания в любви – «Я тебя люблю». Стена была воздвигнута в октябре 2000 года в ознаменование начала XXI века. Мы стали искать эти слова на знакомых языках – русском, киргизском, английском, французском, немецком, испанском, итальянском, португальском – и вскоре нашли их. Кроме того, встретились еще фразы на украинском, польском, венгерском, арабском... Вот как это примерно выглядело: “I love you”, “Je t’aime”, “Ich liebe dich”. “Te quiero”, “Ti amo”, “Eu te amo” и т. д.

В двух кварталах от «Стены любви» находится другая стена, самая что ни на есть настоящая, каменная, сквозь которую, шутя, словно это вовсе не стена, а густой туман, проходит человек. Он идет смело, решительно, высоко поднимая ноги и размахивая в такт ходьбе руками. Вот из стены показалась его голова, часть груди, вскинутая правая рука и нога. Таким и запечатлел его скульптор в бронзе – человеком, который уверенно, невзирая ни на какие преграды, идет к своей цели. Самое удивительное, что автором этой экстравагантной фигуры был знаменитый киноактер, бывший к тому же неплохим художником и скульптором Жан Марс. В скульптуре Марс запечатлел своего соседа по Монмартру писателя Марселя Эме – автора фантастического рассказа, герой которого обладал уникальной способностью проходить сквозь стены.

Мы тоже твердо идем к поставленной цели – вершине Монмартра. Как известно, раньше на склонах холма росли многочисленные виноградники, теперь же остался только один. Он находится на улице Сен-Венсен, по которой мы как раз и идем. Говорят, что этот виноградник дает до 400–500 литров вина в год – осталось только узнать, где его можно продегустировать. Что-то ностальгическое присутствует в лицезрении этого небольшого уголка живой природы, чудом сохранившегося в большом городе. И это очень хорошо, что он еще есть...

Виталий обращает наше внимание на небольшой, совсем неприметный домик, но это известное кабаре «Резвый кролик» (“Lapin agile”), в котором он однажды пообедал. Почти точно таким запечатлел его в 1913 году на одной из своих картин Морис Утрилло. Несколько фоток на фоне кабаре, и мы продолжаем наш путь. Наконец выходим к одной из знаменитых монмартровских лестниц. Ее конец теряется где-то там наверху, но ничего не поделаешь – идти надо. Нужно отдать должное ее строителям – лестница не только красива, но и удобна: некрутые ступеньки, лестничные марши чередуются с площадками для отдыха и т. п. Вообще-то, это не только лестница, но и улица, поскольку по обеим сторонам ее идут стоящие уступами дома. «Посмотрите на эту улицу, – писал Моруа, – состоящую сплошь из лестниц, она перерезана пополам старыми железными перилами, отполированных тысячами рук, державшихся за них. Следующая улица перегорожена деревом, разросшимся так пышно, будто оно выросло в лесу. Никакой планировки. Всё неожиданно, всё разукрашено... Площади бесформенны. Улицы извиваются вокруг собственной оси и приводят вас обратно, туда, откуда вы вышли. Тут всё беспорядочно, сумбурно и очаровательно. Это Монмартр».

Это верно – не попасть под очарование Монмартра трудно. Не зря же здесь жили и творили выдающиеся французские поэты, музыканты и, больше всего, художники – Ренуар, Пикассо, Писсаро, Модильяни, Утрилло, Матисс, Леже, Дюфи, Брак. Бесконечно предан был Монмартру талантливый живописец и график Анри Тулуз-Лотрек. В своих полотнах и эстампах он сумел передать подлинный дух и атмосферу этого удивительного уголка Парижа. На многих из них художник запечатлел известных артистов своего времени – одного из основателей знаменитого кабаре «Черный кот» шансонье Аристида Брюана, танцовщиц «Ля Гулю» и Иду Хитт, клоунессу Ша-У-Као и многих других.

Лестница вывела нас к небольшой площади. Здесь было оживленно, работали сувенирные лавки, рестораны, кафе – некоторые из них назывались «бистро». Легенда гласит, что этим словом парижане обязаны русским казакам. Когда в 1814

году они вошли в Париж, то требовали немедленного обслуживания, подгоняя владельцев ресторанов: «Быстро! Быстро!» И, конечно же, было много художников, в основном, портретистов. Они сидели на складных стульчиках у мольбертов в ожидании клиентов, а те, кому уже повезло, рисовали. За какие-нибудь пятнадцать-двадцать минут они могли изобразить вас на листе ватмана или сделать карикатуру. Тут же велась продажа готовых работ – живописных или графических видов Монмартра, Парижа. Около одной из лавок выставили массу репродукций со старых гравюр с изображениями известных артистов, шансонье. На одной из них, на желто-красном фоне восседал черный кот с длиннющим хвостом, большими глазами и торчащими во все стороны, словно раскрытый веер, усами. Это был рекламный щит кабаре “Chat Noir” (Черный кот). Он мне так понравился, что я тут же купил магнитку с этим «логотипом». Удивительное дело, здесь, на Монмартре, прямо какой-то культ котов: они запечатлены повсюду – на стенах домов, лестницах, на сувенирной продукции и т. д. Не обошла «кошачья» тема и французскую литературу – так три стихотворения Шарля Бодлера из сборника «Цветы зла» посвящены кошкам.

И тут мы увидели живого кота – большого, в меру упитанного, с лоснящейся черной шерстью и длинным хвостом. Он не спеша вышел из открытой двери кафе, ну, ни дать, ни взять – вылитый кот-Бегемот из булгаковского романа – и так же медленно стал пробираться вдоль стенки, желая, по-видимому, погреться на солнышке. Виталик тотчас схватил аппарат и нагнулся, чтобы сфотографировать котяру. Но не тут-то было: кот-Бегемот остановился, зыркнул нехорошим взглядом на незваного гостя, потом ощерился, показав при этом острые зубы, и угрожающе прошипел «Мя-я-я-у!» Смысл это «мяу» был, видимо, таков: «Вали-ка ты отсюда, братец, поздорову!». И в этот момент сын нажал на кнопку затвора: «Ура – фото получилось!» А котяра, отогнав назойливого фотографа, как ни в чем не бывало, продолжил прерванную прогулку.

Мы тоже пошли дальше и метров через двести оказались на вершине холма. Прямо перед нами возвышалась белоснежная базилика «Сакре-Кёр. Воздвигнутая в 1913 году в память

жертв франко-прусской войны 1870 года, она выдержана в романово-византийском стиле, вошедшем в моду в конце XIX века. Базилика не только величественна, но и очень красива – особенно хороша она, если смотреть в ясную погоду, стоя внизу, у подножия Монмартра, когда все ее пять куполов и 85-метровая колокольня оттеняются голубизной неба и зеленью окружающих садов.

Привлеченные звуками органа, мы вместе с другими прихожанами вошли в храм с бокового притвора. Месса только что началась, и мы решили послушать ее. Внутри базилики было тихо, прохладно – звучал только голос немолодого уже священника. Месса шла по традиционной схеме, поэтому, даже не владея в должной степени французским языком, почти всё было понятно.

Получив причастие, я вышел из храма. Галина и Виталий уже поджидали меня, и мы вместе прошли на открытую площадку с бельведером, расположенную чуть ниже базилики. Здесь было полно людей. Кто-то, стоя у парапета, любовался видом на лежащий внизу Париж, кто-то фотографировал, но большинство туристов слушали выступления арфиста, услаждавшего слух собравшихся изысканным звучанием своего инструмента. Это было так необычно видеть за арфой мужчину – ведь на арфе, как правило, играют женщины. Вспомнились слова моего консерваторского преподавателя по инструментровке, рассказывавшего, что раньше на арфе играли мужчины. Репертуар у арфиста был салонный – красивые инструментальные пьесы в духе Штрауса и Крайслера. Слушать их на свежем воздухе, любуясь видами французской столицы, было приятно.

Спускаемся вниз по знакомой нам уже лестнице, и тут неожиданно замечаем идущие навстречу вагончики фуникулера. Жаль, что мы раньше его не заметили, а то могли бы прокатиться с комфортом. Однако спускаться – не подниматься: не успели мы и оглянуться, как были уже внизу, на знакомой улице у станции метро. Обедать решаем дома, а поэтому заходим в расположенный поблизости итальянский ресторан с отделом, где отпускают обед на дом. Выбираем лазанью, мясо с гарниром, салаты; не забываем и о хлебе. Все блюда ак-

курратно укладываются в коробочки из пластика; дома их достаточно лишь разогреть, и можно есть. Итальянским обедом остались довольны.

Во второй половине дня погода изменилась, небо потемнело, похоже, будет дождь. Но не сидеть же дома! Сын предлагает посетить Латинский квартал; мы – не против. В общем, берем зонты, и в путь. Латинский квартал находится на левой стороне Сены. Свое название он получил из-за того, что в былые времена преподавание в находящемся здесь университете – знаменитой Сорбонне – велось на латыни. Впрочем, кроме Сорбонны, были и другие высшие учебные заведения, в которых, помимо обучения студентов, велась серьезная научная работа. Именно по этой причине Моруа назвал Латинский квартал «мозгом Парижа».

Кстати, среди студентов парижских вузов были и киргизстанцы. Путь в Сорбонну своим землякам, можно сказать, проложила известный в республике телекомментатор и философ Джамбы Джусубалиева. После окончания философского факультета МГУ она поступила в Сорбонну и проучилась в университете семь лет (1990–1997), окончив его по двум магистерским специальностям (индийская философия, буддизм). Три года спустя Джусубалиева была назначена первым секретарем посольства Кыргызстана в Швейцарии (Женева), а потом еще проработала там два года в качестве аккредитованного журналиста при ООН.

Мы выходим из метро на площади перед Пантеоном – огромным зданием с куполом, построенном в классическом стиле. Его размеры впечатляют: 110 м в длину и 83 м в высоту. Но Пантеон закрыт, и мы можем любоваться им только снаружи. Подходим к фасаду с широкой парадной лестницей, ведущей к главному входу. Двадцать две высокие колонны поддерживают фронтон. На нем высечен барельеф работы скульптора Давида д'Анжера (1831) с аллегорическим изображением Отечества, Свободы и Истории. Чуть ниже надпись: «Великим людям – благодарная Отчизна». Среди прочих великих сынов Франции, в Пантеоне захоронены Вольтер, Руссо, Гюго, Золя, Карно, Мирабо, Пьер и Мария Кюри...

Пошел дождь, мелкий, морозящий. Раскрываем зонты и углубляемся в узкие улочки квартала. Здесь немногочисленно, по-видимому, дождь всему причина, а он всё сильнее и сильнее. В уютных маленьких кафе полно людей. Им-то хорошо, но нас сидение в кафе почему-то не прельщает. На тротуарах появились лужи – того и гляди зачерпнешь ногой. В конце концов, дождь нас «достал»; решаем вернуться домой, предварительно зайдя в магазин за бутылочкой вина. Так-то оно лучше будет! Не понятно только, чему так восхищался Максимилиан Волошин? Ах, да – он же был поэтом:

*В дождь Париж расцветает,
Словно серая роза...
Шелестит, опьяняет
Влажной лаской наркоза.*

Вечером вездесущий Интернет помог узнать, где можно отведать монмартрского вина. Оказывается, каждый год во вторые выходные октября Монмартр гуляет три дня с концертами, дегустацией, танцами, фейерверком. Бутылка настоящего монмартрского вина стоит недешево – 45 евро, да и купить в обычном магазине его нельзя. Часть уходит на специальном аукционе знатокам и коллекционерам, а остальное продается местной мэрией. В общем, будем пить бургундское или бордо.

ВСТРЕЧА С ДЖОКОНДОЙ

Утро для меня начинается с похода в булочную. По просьбе сына я иду туда за круассанами. В семь часов утра на улицах города, кроме редких прохожих, никого нет. Путь до торговой точки недалек – каких-нибудь метров сто, не более. Захожу в булочную, и сразу попадаю в царство божественных ароматов – пахнет свежей выпечкой, ванилью, кофе, лимоном, миндалем и прочими столь же приятными и возбуждающими аппетит запахами. На подносах лежат горы только что испеченной снеди – круассаны, бриоши, булочки, пирожные... И всё это изобилие не только приятно пахнет, но и красиво с эстетической точки зрения.

– Que voulez-vous, monsieur?” (Что желаете, месье?) – обращается ко мне после обмена приветствиями молоденькая продавщица.

– Six croissants, s’il vous plait (Шесть круассанов, пожалуйста).

Получив пакетик с выпечкой и поблагодарив девушку, не спеша возвращаюсь домой. Рядом с булочной начал свою работу продавец фруктов – у его лотка уже стоят покупатели. Город постепенно просыпается.

Завтракаем рано, потому что сегодня идем в Лувр, и чем раньше мы туда придем, тем больше вероятность, что мы зайдем в музей в числе первых посетителей, когда в залах будет еще не слишком много посетителей. В девять часов мы уже были во дворе музея, у пирамиды, где выстроилась зигзагообразная очередь, размером не меньше той, что была у Эйфелевой башни. Но продвигалась она заметно быстрее, так что не прошло и часа, как мы оказались у билетной кассы в зале под пирамидой.

Первое, что я хотел увидеть в Лувре – так это скульптуру Ники Самофракийской, о существовании которой узнал еще в юности, читая роман Ремарка «Триумфальная арка». Не знаю почему, но тот фрагмент романа произвел на меня большое впечатление:

...Равик двинулся дальше. Огромный зал с его лестницами холодно надвигался на него. И вдруг, высоко над ним воспарила Ника Самофракийская. Она стояла высоко на лестнице на обломке мраморного корабля, стояла в сиянии прожекторов, сверкающая, с широко распластанными крыльями, готовая вот-вот взлететь. Развивающиеся на ветру одежды плотно облегали ее устремленное вперед тело...

С тех пор желание и надежда увидеть ее жили во мне все эти годы. И вот она – передо мной. Однако меня постигло разочарование – скульптура не произвела на меня ожидаемого впечатления. Ника не «надвигалась» на меня – ее нижнюю часть закрывала многоязычная толпа, да и освещение было явно недостаточным, так что о «сиянии в лучах прожекторов» не могло быть и речи. Жаль! Когда-то Ника стояла на острове Самофра-

кия в честь победы родосского флота. Залитая яркими лучами южного солнца, ее было видно далеко с моря. Я, конечно, понимал, что скульптура прекрасна, но то, что пережил в романе доктор Равик, обошло меня как-то стороной...

Возле Ники мы разделились: Виталий, который уже бывал в Лувре, пошел смотреть экспозиции, находящиеся в северном крыле музея, мы же напрямиком направились в залы итальянского Ренессанса. Они располагались в южном крыле, выходившем на набережную Сены. Множество картин было выставлено в Большой галерее, своей формой и размером напоминая «золотое» фойе в «Гранд-Опера». Здесь не так многолюдно, что создает благоприятную обстановку для осмотра живописных полотен, а их здесь предостаточно. И каких! – картины кисти Леонардо, Рафаэля, Веронезе, Караваджо, Тинторетто, Карраччи... Среди них – «Мадонна в скалах» Леонардо да Винчи, «Мадонна с младенцем» Рафаэля, «Гадалка» Караваджо», громадное полотно Веронезе «Брак в Кане», цикл картин «Подвиги Геракла» Гвидо Рени. Да разве всё перечислишь! Кроме посетителей в зале находилось несколько живописцев, которые делали копии картин. Я обратил внимание на молодую женщину-художницу – ее работа над копированием одного из полотен была уже почти завершена, и ее трудно было отличить от оригинала.

В соседнем зале экспонировалось главное сокровище музея – «Джоконда» («Мона Лиза») Леонардо. Картина защищена пуленепробиваемым стеклом и находится за барьером. Около нее всегда полно народа, но многие, похоже, приходят сюда не ради того, чтобы насладиться шедевром мировой живописи, постоять у картины, попытаться понять, в чем же ее прелесть и художественная ценность, а просто, чтобы сказать потом «Я видел (-ла) «Джоконду». Вот и сейчас, несколько девушек, едва взглянув на полотно, пощелкали своими аппаратами и двинули дальше.

Глядя на «Джоконду», я пытался понять, в чем же притягательная тайна ее улыбки, почему ее называют «загадочной»... и не находил ответа. Наверное, сколько людей видят улыбку «Джоконды», столько и вариантов ее интерпретации. Русский

поэт-символист Дмитрий Мережковский воспринял ее не совсем обычно:

*И на тебя во мгле иконы
С улыбкой сфинкса смотрят вдаль
Полуязыческие жены,
и не безгрешна их печаль.*

Мы прошли в зал Дарю, где висели полотна французских художников конца XVIII – начала XIX века. Одна из них сразу привлекла мое внимание – это была картина Жака-Луи Давида «Клятва Горациев». Ее сюжет был взят из истории Древнего Рима: трое юношей, принимая оружие из рук отца, дают клятву верности республике, ради которой они готовы отдать свои жизни. Картина очень выразительна и безупречна с точки зрения композиции. Известно, что Давид принимал активное участие в событиях революции 1789 года, и под его непосредственным руководством королевские художественные собрания Лувра были превращены в первый в Европе государственный музей, открытый в 1800 году для массового зрителя.

Собрание Лувра огромно, и чтобы даже бегло осмотреть его, нужна, наверное, не одна неделя (только в залах, не считая запасников, выставлено 400 тысяч экспонатов). Мы же располагали лишь несколькими часами. Поэтому пришлось ограничиться десятком залов, среди которых нас особо поразила греческий, где мы имели возможность увидеть признанные шедевры античного искусства, такие как Венера (Афродита) Милосская, Артемида, Кариатиды, фрагменты фресок Парфенона и др.

Мы покидали Лувр с таким обилием впечатлений, что даже не чувствовали усталости, хотя провели в музее несколько часов. Виталий тоже очень остался доволен тем, что увидел. Такое – никогда не забывается. Пришли на память замечательные строки русского поэта «Серебряного века» Максимилиана Волошина, прожившего несколько лет в Париже и посветившему ему целый ряд своих стихотворений:

*Я буду помнить Лувра залы,
Картины, золото, паркет,
Статуи, тусклые зеркала,
И шелест ног, и пыльный свет.
Для нас был Грез смешон и сладок,
Но нам так нравился зато
Скрипучий шелк чеканных складок
Темно-зеленого Ватто.
Буше – изящный, тонкий, лживый,
Шарден – интимный и простой,
Коро – жемчужный и седой,
Милле – закат над желтой нивой,
Веселый лев – Делакруа...*

Теперь наш путь лежал в торговый район города, где мы собирались сделать кое-какие покупки. Безусловно, гораздо лучше было бы остаться до конца дня в Лувре или сходить в музей «Орсе», но шопинг тоже нужное дело, да и как же так: побывать в Париже и не привезти ничего на память об этом сказочном городе? В общем, район, в который привел нас сын, представлял собой тихую и спокойную «Торговую улицу» – *Rue du Commerce*, застроенную невысокими домами и своим обликом скорее напоминавшую улочку провинциального городка, чем столичную. Мы выбрали хорошее время – середину дня, когда большинство людей обедает или предается послеобеденному отдыху. И самое главное: наконец-то, в Париже установилась солнечная погода.

Улица представляла собой непрерывную цепь магазинов и магазинчиков, внешне чем-то напоминая миланскую виа Наполеоне, но уступая ей в роскоши – большинство торговых точек здесь было рассчитано на средний класс, хотя были и бутики. Ходить всем вместе было неудобно, поэтому мы решили разделиться, договорившись через какое-то время встретиться на ближайшем перекрестке.

В условленный час появился Виталий, но нашей мамы нигде не было видно. Мы подождали какое-то время, а потом сын попросил меня постоять на улице, а сам зашел в один из магазинов. Мне надо было бы никуда не ходить, но от волнения не

мог устоять на месте и стал заглядывать в ближайшие магазины, в надежде там встретить Галину. В конце концов, я не выдержал и, увидев Виталика, забил тревогу: «Мама пропала – надо ее срочно искать». В общем, я остался на перекрестке, а сын начал методично обследовать один магазин за другим. Наконец, мама нашлась. Оказывается, она тоже запаниковала и не раз выходила на улицу, но тщетно. По-видимому, когда Галя выглядывала на улицу, я, наоборот, заходил в какой-нибудь магазин. Всё кончилось как в американском кино – хэппи эндом: Виталик подарил маме красивую сумку, после чего мы отправились в ближайший ресторан обедать.

Последний вечер в Париже мы решили посвятить прогулке по Елисейским полям и набережной Сены, начав ее с площади Шарля де Голля, или, как ее раньше называли, площади Звезды (Пляс д'Этуаль). Мы уже видели ее во время прогулок в экскурсионном автобусе и были поражены блеском и грандиозностью этого архитектурного ансамбля. Площадь была круглой и от нее во все стороны, словно лучи звезды, расходились улицы, самыми главными из которых были проспект Великой Армии и, как бы его продолжение – авеню Елисейские Поля, или Шанз-Элизэ (*avenue des Champs-Élysées*). В центре площади возвышалась импозантная арка, воздвигнутая в 1836 в честь военных побед Наполеона.

К площади мы приехали, когда день уже близился к концу. Снова вспомнился Ремарк: «Они вышли на площадь Этуаль. Она раскинулась перед ними в струящейся серой мгле, величественная и бесконечная...» Освещенная лучами заходящего солнца, огромная арка доминировала над окружающим пространством. Ее размеры впечатляли – туристы, находившиеся на верхней обзорной площадке, казались муравьями. Пройдя по подземному переходу к центральному кругу площади, мы оказались прямо под аркой. Вокруг непрерывно проносились машины, а дальше, за зелеными насаждениями, хорошо просматривались красивые фасады абсолютно одинаковых зданий, построенных в стиле ампира с некоторым влиянием барокко. Это впечатляло.

Налюбовавшись видом площади, мы переключили свое внимание на арку. Она была богато декорирована. В верхней

части располагались изображения, посвященные победам французского оружия, а сами пилоны были украшены четырьмя огромными барельефами – по два с каждой стороны. Наиболее ярк и экспрессивен был барельеф «Марсельеза», выполненный известным скульптором Франсуа Рюдом. Проникнутый революционным пафосом, он передавал те же чувства и идеи, которые отразил Эжен Делакруа в известной картине «Свобода на баррикаде». Внизу под аркой находилась могила Неизвестного солдата и горел Вечный огонь. Триумфальная арка – символ боевой славы страны, поэтому именно здесь каждый год 14 июля президент Франции принимает военный парад.

Сделав несколько снимков и окинув прощальным взглядом арку и окружающую ее площадь, мы отправились на прогулку по Елисейским Полям. Уже совсем стемнело, и повсюду зажглись огни. Елисейские Поля – одновременно и парадный проспект, и бульвар. Эта роскошная улица прекрасна в любое время года, особенно весной. Трудно даже поверить, что некогда здесь были болота. Но болота осушили и, согласно проекту того же Ленотра, в 1667 году здесь был проложен проспект, вначале получивший название «Гран-Кур», а с 1709 года – «Елисейские Поля». В эпоху Второй империи «Поля» стали своеобразным салоном Парижа, излюбленным местом встреч и жилым районом наиболее влиятельных лиц города. Ныне Шанз-Элизе является самой дорогой улицей в Европе и пятой в мире.

Влившись в людской поток, мы медленно шли по левой стороне проспекта, где располагалось множество магазинов, ресторанов, кафе, офисов известных компаний. Здесь не было обычной суеты большого города – никто никуда не спешил: люди просто гуляли, наслаждаясь вечерней свежестью. Неожиданно, перед нами появилось ярко освещенное здание со знакомой вывеской – это был ресторан «Макдональдс». «А почему бы нам не зайти сюда и не поужинать? – обратился к нам Виталий, – ну, хотя бы для разнообразия». Мы переглянулись: а почему бы нет – не всё же время ходить во французские рестораны, да и время ужина как раз подошло.

Ресторан быстрого обслуживания был полон посетителей, но места нашлись и для нас. Меню в «Макдональдсе» – традиционное: всевозможные сэндвичи (чизбургеры, биг-маки и т. п.), картофель фри, салаты, десерты, напитки, но всё свежее, качественное. Правда, не очень вкусное, но это, как говорится, – на любителя. «Макдональдс» хорош тем, что в любой стране мира он такой же, как и в вашей, так что привыкать к его кухне не нужно: идя в него, вы уже знаете, что вас ожидает. В целом, посещением ресторана мы остались более или менее довольны, после чего продолжили прогулку по Елисейским Полям.

Шли мы медленно и долго, поскольку проспект протянулся почти на два километра. Среди гуляющих встречалось немало красивых, элегантно одетых людей. Мы обратили внимание на одну молодую женщину в красной шляпке. В ее облике было нечто такое, что выдавало явную парижанку. Одетая она была, изящно, со вкусом и чувством меры, словно только что сошла со страниц модного журнала. Не доходя до Площади Согласия, мы свернули направо, к набережной Сены. Здесь освещение было более скромным, чем на Елисейских Полях, а от темной массы воды веяло прохладой. Мы прошли мимо двух роскошных дворцов – Гран-Пале и Пти-Пале, но на их осмотр не было уже времени. В этот час на набережной было тихо и безлюдно; на небе ясно обозначились звезды, будто мы находились не в центре огромного мегаполиса, а где-то на его окраине.

Мы подошли к мосту Александра III – одному из самых элегантных и красивых мостов Парижа. Он был заложен в ознаменование франко-русского союза императором Николаем II в 1896 году и возведён за четыре года. Названный в честь отца Николая – императора Александра III, он открылся накануне Всемирной выставки 1900 года. Нас поразила великолепная декоративная отделка моста с его изящными колоннами и фонарями, с его фигурами крылатых коней, нимф и ангелов. Как и Дворец Гранье, и находящийся здесь рядом дворец Гран-Пале, мост был не только смелым по тем временам инженерным сооружением, но и блестящим образцом броского и яркого стиля боз-ар. С моста открывался потрясающий вид на ночной го-

род с морем огней вокруг и самым ярким пятном на фоне темного неба – залитой светом десятков прожекторов Эйфелевой башней.

Это был мощный и яркий «заключительный аккорд» нашего пребывания в этом прекрасном городе. Вообще, Париж оставил неизгладимый след в наших сердцах. Он никого не может оставить равнодушным, не очаровать. Его полюбили миллионы людей со всех уголков земного шара. Город на Сене воспели в своих стихах сотни поэтов, в том числе и русских – А. Белый, С. Черный, И. Бунин, В. Иванов, О. Мандельштам, М. Волошин, В. Ходасевич и другие. Очаровал Париж и Валерия Брюсова:

*Я полюбил твой мир, как сон, многообразный
И вечно дышащий, мучительно живой...
Твоя стихия – жизнь, лишь в ней твои соблазны,
Ты на менядохнул – и я навеки твой.*

Так чем же так завораживал Париж русских литераторов? На этот вопрос можно ответить словами Николая Васильевича Гоголя: «...Париж, это вечное волнующееся жерло, водомет, мечущий искры новостей, просвещения, мод, изысканного вкуса и мелких, но сильных законов, от которых не властны оторваться и сами порицатели их, мастерство, художество и всякий талант, скрытый в невиданных углах Европы». Эти строки были написаны более ста пятидесяти лет назад, но они остаются во многом актуальными и в наши дни.

На следующий день мы встали рано, поскольку нам предстоял переезд в Женеву, а это более четырехсот километров пути. В девять часов мы уже вместе с чемоданами были на углу улицы Реомюра и ждали сына, пока он не заберет на стоянке машину и не заедет за нами. Коротая время в ожидании, мы наблюдали за жизнью города. Сегодня – пятница, будничный день, поэтому на улице полно машин, все куда-то спешат, и до нас, тихо стоящих с чемоданами у проезжей части улицы, похоже, никому нет дела. Дома на улице Реомюра чем-то напоминают старые здания Санкт-Петербурга или Москвы, но

есть одно отличие: большинство домов в Париже имеют мансарды и часто украшены башнями. Вот и сейчас, буквально рядом с нами, стоит красивое семиэтажное здание с высокими потолками и большими окнами. Так, собственно, этажей в нем четыре, а верхние три уровня, идущие один над другим по крутому срезу крыши, – мансарды. Особенно много домов с мансардами на Монмартре.

Но вот и Виталий. Быстро грузим багаж в машину, которой мы не пользовались ровно четыре дня, и – в путь. Оревуар, Париж!

ЧЕРЕЗ БУРГУНДИЮ В ЖЕНЕВУ

Путь в Женеву лежал через Бургундию – историческую область Франции, издавна славящуюся своими винами. Здесь было два города, достойных посещения – областной центр Дижон и экс-столица бургундских герцогов Бон. Мы выбрали Бон. Нам было известно, что в городе имеется много исторических памятников, в том числе и пользующаяся мировой известностью средневековая богадельня «Отель Дьё» (*Hôtel-Dieu*), старинная церковь Нотр-Дам, а также многочисленные постройки XV–XVI веков. Но, главное, этот небольшой городок с населением всего лишь в 23 тысячи человек считается винной столицей Бургундии, и там даже есть свой «Музей вина». Последний участок нашего маршрута проходит среди бесконечных виноградников: куда ни кинь взор – повсюду винные плантации. Эту дорогу французы называют “Route des Grands Crus” («дорогой великих вин»), то есть вин, которым присвоено звание «Гран Крю».

Ехали мы не спеша, несколько раз останавливались в пути, поэтому прибыли в Бон во второй половине дня. Городок встретил нас мелким морозящим дождем. Припарковав машину близ небольшого сквера, мы раскрыли зонты и отправились знакомиться со славным Боном и его достопримечательностями. Он нам сразу понравился – чистенький, уютный с невысокими домами, нередко покрытыми черепицей из разноцветной керамики.

Наконец, мы вышли на соборную площадь. Бонский, так сказать, «малый» Нотр-Дам выглядел довольно симпатично, и хотя он был заложен еще в XII веке, в его облике было нечто романтическое. Тут же поблизости находилась и богадельня «Отель Дьё», по сути, приют и госпиталь для неимущих. Он был красив и оригинален: высокая крыша с конусообразными башенками затейливо выложена разноцветной плиткой с орнаментом, в чем явно проявлялся специфический элемент бургундской готики. Здесь ежегодно проводятся благотворительный винный аукцион и международный фестиваль музыки барокко, один из крупнейших в Европе.

Фотосессию из-за дождя пришлось отложить – а жаль: в Боне были достойные увековечивания объекты. Вместо этого, мы зашли в сувенирный магазин, где накупили всякой всячины, в том числе и знаменитую дижонскую горчицу. Однако горчица всего лишь приправа к мясным и прочим блюдам, которые есть без вина, ну, как-то даже нехорошо. А это значит, что нужно запастись вином, желательно из того же региона, что и горчица, то есть, бургундским. А вот и винный магазин, и какой – фирменный. Да, счастливые люди, что тут живут! Выбор вин здесь великолепен – на любой вкус и на любые кошельки, однако более или менее приличные напитки стоят не менее 10–15 евро. Ознакомившись с ассортиментом вин и ценами, берем шампанское «Брют» (Cremant de Bourgogne) урожая 2008 года и одно из марочных бургундских – ими мы отметим окончание нашего совместного путешествия по Франции.

Ближе к вечеру прибываем, наконец, в конечный пункт – небольшой городок у самой швейцарской границы, где у нас забронирован четырехзвездочный отель. Такой выбор не случаен – цены на отели во Франции ниже, чем в Швейцарии. Отель называется «Резерв-резиденс» – это означает, что обычных номеров в нем нет, а вместо них жильцам предлагаются апартаменты. Так, наш номер располагал двумя спальнями с балконами (одна из спален служила одновременно гостиной), оборудованный всем необходимым: кухней, ванной комнатой и т. д. После Арля, это был самый лучший номер в нашей поездке – светлый, просторный, комфортабельный. Вечер мы

провели в расположенном по близости ресторане «Пират», который и в самом деле оказался «пиратом»: только напал он не корабль, а на кошельки своих клиентов. Правда, нужно отдать должное заведению, его кухня оказалась превосходной. Это был последний вечер на французской земле, за что мы и подняли свои бокалы.

Наступает последний день нашего путешествия; на календаре – 4 мая, суббота. День обещает быть хорошим. Что ж – это прекрасно: поедem в Женеву, где у Виталия намечена встреча с другом, который приедет к нему на поезде из Берна. Мы же с Галей погуляем по городу, познакомимся с его достопримечательностями.

Путь от отеля до центра Женевы не долг – 15–20 минут. Город расположен на юго-западной оконечности одноименного озера, откуда берет начало знакомая нам уже Рона. Место очень красивое – кругом горы, озеро. На фоне такого живописного «интерьера» Женева воспринимается, как если не естественное, то вполне гармоничное дополнение к ландшафту. Красив и сам город с его повторяющим береговую линию рельефом, нарядными парками и скверами, улицами и площадями, многочисленными памятниками архитектуры. В Женеве проживает всего лишь около 400 тысяч жителей, но, тем не менее, она является крупнейшим центром международной жизни.

В десять часов утра мы подъехали к скверу у набережной, где увидели большое скопление народа. Звучала музыка, повсюду были развешаны разноцветные шары – город явно готовился к какому-то празднику. И что вы думаете? Как и две недели назад в Анси, здесь устраивался традиционный массовый марафон. Ничего не скажешь: везет нам на марафоны, хорошо еще, что дороги не перекрыли.

Оставив нас на набережной, сын отправился на вокзал встречать друга, а мы, смешавшись с толпой, пошли вдоль набережной «Променад-де-Лак». Отсюда отлично видна главная женеvская достопримечательность, ее «визитная карточка» – фонтан «Же-д'О», выбрасывающий 500 литров воды в секунду на высоту почти в 150 метров. Мощная струя воды была ввысь прямо из озера. Это было грандиозное зрелище.

Говорят, что по водному «шлейфу» струи женеvцы определяют направление ветра.

К променаду прилегал красивый сквер, разбитый в лучших традициях английского паркового дизайна – деревья, кустарники, зеленые лужайки, клумбы, а между ними – аллеи. Конечно же, он назывался «Английским садом», и главным его украшением были огромные цветочные часы с циферблатом диаметром в пять метров. В этой своеобразной клумбе посажено несколько тысяч растений, которые цветут в разное время года, отчего окраска часов всегда разная. Сейчас она была ярко-желтой.

Пройдя через сад, мы вышли на широкую улицу Генерала Гисана, которая почему-то именовалась набережной (quai), хотя проходила немного в стороне от озера. Теплая весенняя погода располагала к прогулке. Приятно было идти по незнакомому городу, чистому, ухоженному, где всё окружающее – тротуары, мостовая, дома, зеленые насаждения – находились в образцовом порядке. Мы дошли до площади, обошли ее по периметру, заглянули в небольшую церковь и вернулись назад. Похоже, мы пошли не в ту сторону – всё, что видели, было построено лет 100–150 назад, а нам интересно было взглянуть на старую, историческую часть города. Сев на скамейку и внимательно изучив карту, я понял, что нужно было идти не вдоль озера, а, наоборот, удаляться от него, то есть идти в сторону гор, на подъем. Именно там находились все старые постройки города – собор Св. Петра, ратуша, Дворец правосудия, университет, несколько музеев и многое другое.

Так оно и оказалось. Вскоре мы вышли к стоящей на возвышении старинной церкви, но она оказалась закрытой на ремонт. Около входа находилась небольшая площадка со скамейками, нечто вроде мини-сквера. Здесь мы разделились: Гале надоело карабкаться вверх, и она решила отдохнуть, а я продолжил подъем. Пройдя по узким извилистым улочкам и крутым лесенкам, я вышел к небольшой площади, перед которой возвышался Кафедральный собор Святого Петра или, как его здесь называют, «Сен-Пьер». Этот храм для протестантов все равно, что собор Святого Петра в Риме для католиков.

Он был построен в 1150–1232 годах в римском стиле, с готическими элементами на самой высокой точке Старого города (404 м). Собор неоднократно перестраивался, претерпевая множество изменений в своем внешнем виде. Сейчас он выглядит весьма внушительно. Особенно красива украшенная многочисленными выступами и шпилями высокая готическая колокольня. В соборе произносил свои пламенные проповеди великий реформатору церкви Жан Кальвин (1509–1565) – здесь даже сохранился его треугольный каменный стул («chaise de Calvin»). Внутреннее убранство Сен-Пьер выдержано в строгом кальвинистическом стиле, ничего лишнего, все чрезвычайно скромно.

С задней стороны собора находилась обзорная площадка, откуда открывался вид на западную часть города и озеро. Побродив еще немного по округе, я спустился вниз, и мы вместе с супругой пошли на набережную у «Английского сада». Здесь по-прежнему было оживленно, однако до встречи с сыном еще оставалось время, и мы решили продолжить прогулку, теперь уже на правом берегу реки. Чтобы попасть туда, нужно было пройти через мост «Монблан», с которого, собственно, и началась, вытекающая из Женевского озера Рона. На середине моста мы остановились, чтобы полюбоваться озером. Вид отсюда был восхитительный. Город спускался к воде уступами, хорошо был виден собор Сен-Пьер с его высокой колокольней и другие постройки Старого города, а внизу, у самого берега – «Английский сад».

По другую сторону озера, то есть на правобережье, располагались учреждения ООН, Красного Креста, парк Монрепо и Ботанический сад, несколько музеев, роскошные дворцы, виллы. Вообще, благодаря ряду исторических факторов, в Женеве сосредоточено множество международных организаций, как, например, ВОЗ – Всемирная организация здравоохранения или ЦЕРН – Европейский центр ядерных исследований и др.

Ступив на берег, мы пошли по набережной: с правой стороны от нас лежало озеро, с левой – непрерывной цепью тянулись дома. Вскоре наше внимание привлек необычный монумент. Внешне он напоминал известный мемориал Вальтера

Скотта в Эдинбурге, только более скромных размеров. Это был мавзолей герцога Брауншвейгского Карла II, который, находясь в изгнании в Женеве, завещал городу все свое огромное состояние. Единственным его условием было возведение роскошной усыпальницы. Как видно, волю герцога городские власти выполнили. Для усыпальницы была отведена огражденная балюстрадой площадка с зелеными насаждениями и скамейками. Часовня с прахом Карла II находилась в самом ее центре. Установленная на четырех высоких колоннах, она словно парила в воздухе. Часовня была ажурна, изящна, богато декорирована в готическом стиле. Покой усопшего охраняли высеченные из камня грифоны – крылатые львы.

На этом наша импровизированная экскурсия по Женеве закончилась: пора было идти на место встречи с сыном. Уже подходя к левому берегу, мы заметили его на спуске у моста. Виталий был вместе со своим другом Глебом. Оказывается, поезд, на котором прибыл Глеб, пришел с опозданием, но друзья уже успели пообщаться и шли на встречу с нами. А так как машина оставалась на стоянке у железнодорожного вокзала на правом берегу реки, нам снова пришлось пройти по мосту. Забрав машину, мы всей честной компанией благополучно вернулись в отель. Обедали в номере, можно сказать, почти в домашней обстановке, поскольку дизайн апартаментов и его убранство способствовали созданию атмосферы тепла и уюта. По случаю нашего отъезда была раскупорена бутылка шампанского и произнесены соответствующие тосты. Оставшееся время мы посвятили сборам в дорогу.

И вот – аэропорт Женевы. Проходим в зал вылета – здесь уже идет регистрация пассажиров, вылетающих в Москву. С тревогой поглядываю на наш большой чемодан: уж очень он тяжелый – явно за 30 килограммов, а вес не должен быть выше двадцати двух. Теперь я понимаю, что совершил глупость. Нужно было вместо одного чемодана взять два небольших – тогда мы могли бы свободно провести сорок килограммов, а с ручной кладью и все пятьдесят. И вот наш злополучный чемодан на весах, и, как следовало ожидать, в нем было семь или восемь килограммов лишнего веса. Но тут произошло

неожиданное: милая девушка, похоже, француженка, оформлявшая багаж, посмотрела сочувственно на нас и, войдя в положение, предложила нам разложить всё лишнее по сумкам и пакетам. Легко сказать, но как всё это сделать?

Нашли мы в зале укромный уголок, и началась лихорадочная разгрузка чемодана. Хорошо еще, что у нас были пакеты. Ну, кажется, всё, что можно было куда-то рассовать, убрано. Однако Виталий, приподняв чемодан, усомнился в том, что он стал легче на требуемое количество килограммов и направился к весам проверить. Результат оказался неутешителен: Боже мой, еще два кило! Но куда же их деть? В общем, пришлось нам немало потрудиться, прежде чем чемодан был, наконец, сдан, а мы, увешанные со всех сторон сумками и пакетами, направились в сторону зала досмотра.

Наступили последние минуты перед расставанием. Завтра утром Виталик улетает прямым рейсом на Нью-Йорк, мы же летим через Москву и, если не произойдет никаких задержек, будем у себя дома во второй половине следующего дня. Всё хорошее, впрочем, как и плохое, когда-то заканчивается. Вот и подошло к концу наше путешествие. Двадцать три незабываемых дня быстро пролетели. Прощальные поцелуи, объятия, пожелания счастливого пути... У самого входа на досмотр оборачиваюсь – сын улыбается и машет нам рукой.

P.S. Готовясь к путешествию, выложите всю свою одежду и все деньги. После этого возьмите половину одежды и вдвое больше денег. *Сьюзен Хеллер.*

Вместо послесловия

Путешествия являются одним из способов познания окружающего мира, причем способом довольно приятным и увлекательным. Погружение в другую культуру, другую языковую среду (если вы языком той страны, куда приехали, в какой-то мере владеете или хотите его выучить) дает вам уникальную возможность узнать тот мир не извне, а как бы изнутри. Мир многолик и разнообразен, и каждый народ имеет свою историю, традиции, обычаи, свою материальную и духовную культуру, свой менталитет. Наконец, многочисленные артефакты, иначе говоря, памятники культуры. Чтобы хотя бы одним глазком заглянуть в чужой, неведомый мир, путешественник должен быть активен и любознателен. Поэтому к поездкам надо готовиться заблаговременно. Прежде всего, нужно разработать маршрут путешествия, затем составить список объектов, которые собираетесь посетить, а для этого необходимо ознакомиться с путеводителями или, еще проще, воспользоваться Интернетом, где можно найти практически всё об интересующих вас странах, городах, памятниках истории и культуры, достопримечательностях и т. д.

Конечно, необходимо еще знание языка, желательно английского – владея им практически можно ехать в любую страну мира. Здесь уместно вспомнить высказывание французского актера и сценариста Филиппа Бувара: «Когда путешествуешь, не зная английского, начинаешь понимать, что значит родиться глухонемым и слабоумным».

Однако далеко не все люди за рубежом (не в англоязычных странах, разумеется) говорят по-английски. Поэтому желательно выучить два-три десятка ходовых фраз на языке той страны, куда вы собираетесь ехать. Помню, во время поездки по Финляндии в 1989 году знание нескольких финских фраз помогло мне найти путь к отелю: я просто заблудился в незнакомом городе. Кроме того, следует помнить, что обращаясь

к человеку на его родном языке, пусть даже с ошибками, вы тем самым располагаете его к себе. Знания элементарных основ европейских языков не раз помогали мне во время поездок в Польшу, Испанию, Португалию, Францию, США.

Мир – прекрасен, и лучше всего познакомиться с ним не с экрана телевизора, а увидев собственными глазами. Путешествуя, человек не только обогащается новыми знаниями и впечатлениями, он начинает по-новому смотреть на мир, осознавать своё место в нем. Не зря же Альбер Камю – а он-то знал в этом толк – сказал: «Путешествия как самая великая наука и серьезная наука помогает нам вновь обрести себя».

ЛИТЕРАТУРА

1. Все величайшие города мира / В. М. Складенко и др. – М.; Харьков: Фолио, 2008.
2. *Андре Моруа*. Париж (серия «Города и музеи мира»). – М.: Искусство, 1970.
3. *Калитина Н.Н.* Музеи Парижа (серия «Города и музеи мира»). – Л.; М.: Искусство, 1967.
4. *Турчин В. С.* Города и замки Луары (серия «Города и музеи мира»). – М.: Искусство, 1986.
5. Замки Луары (серия «Золотая книга»). – Флоренция: Bonexhi, 2010.
6. Замок Шамбор (серия «Золотая книга»). – Флоренция: Bonexhi, 2010.
7. *Никитюк О. Д.* Художественные музеи Венеции (серия «Города и музеи мира»). – М.: Искусство, 1979.
8. Весь Милан. – Флоренция: Bonexhi, 1991.
9. Венеция: книга-сувенир. – Флоренция: Bonexhi, 1994.
10. Италия: большой исторический путеводитель / А.Л. Хайкин. – М.: Эксмо, 2010.
11. *Беппе Северини*. Italia: Вечно молодая синьора. – М.: Эксмо, 2007.
12. Италия: путеводитель . Le petit futé. – Париж – Люксембург – Москва, 1997.
13. *Джованна Маджи*. Весь Париж (серия «Золотая книга»). – Флоренция, 2010.
14. *Марк Леконт*. Париж. Версаль. – Париж: А. Леконт, 2012.
15. *Р. Моро*. Прованс. – Септем-ле-Вайон, 2002.
16. Лазурный берег. – Монако: Edition Molipor, 2011.
17. Искусство стран и народов мира: Архитектура. Живопись. Скульптура. Графика. Декоративное искусство. Краткая худож. энциклопедия. Гл. ред. Б. В. Иогансон. – В 5 т. – М.: СЭ, 1964–1981.

18. *Петр Вайль*. Гений места. – М.: КоЛибри, 2007.
19. *Зыков С.* О Франции и французах. – М.: Политиздат, 1978.
20. Всё о музеях мира / Сост. И.Г. Мосин. – СПб.: Кристалл, 2007.
21. *Остроумова-Лебедева А.П.* Автобиографические записки. В 2-х т. – М.: Изобр. искусство, 1974.
22. *Шарль Бодлер*. Цветы зла. – М.: Наука, 1970.
23. *Майков А. Н.* Избранные произведения. – Л.: Сов. писатель, 1977.
24. *Аполлон Григорьев*. Стихотворения и поэмы. – Л.: Сов. писатель, 1966.
25. *Мережковский Д.С.* / Поэты 1880–1890-х годов – М.; Л.: Сов. писатель, 1964.
26. *Брюсов В. Я.* Стихотворения – Л.: Сов. писатель, 1959.
27. *Максимилиан Волошин*. Стихотворения. – Л.: Сов. писатель, 1977.
28. *Владимир Соловьев*. Стихотворения и шуточные пьесы. – Л.: Сов. писатель, 1974.
29. *Ирвинг Стоун*. Жажда жизни. Повесть о Винсенте Ван-Гоге. – М.: ГИХЛ, 1960.
30. *Гоголь Н.В.* Рим // Собр. соч. в 8 т. – Т. 3. – М., 1984.
31. *Ремарк Эрих Мария*. Черный обелиск. Триумфальная арка. – М.: Худож. лит., 1978.
32. *Вронская Джин*. В Англии и во Франции. 1969–1999. Воспоминания. – Лондон: Bluebell Books, 2006.
33. *Жермена де Сталь*. Коринна, или Италия. – М.: Наука, 1969.
34. *Стендаль*. Рим, Неаполь и Флоренция / Собр. соч. в 12 т. – Т. 9. – М.: Правда, 1978.
35. *Носик Б.М.* Прогулки по Парижу с Борисом Носиком. – В 2-х кн.: Правый берег. Левый берег. – М.: Эксмо, 2012.

Отзыв рецензента

С большим интересом и любопытством прочел путевой дневник Андрея Кузнецова по Италии, Франции, Швейцарии. Написано так естественно, подробно и непосредственно, что, кажется – сам проехался по всем местам, описанным автором. Книга имеет подзаголовок: «Культурологический аспект». Но я бы добавил еще – практический и гастрономический аспекты. «По странам Европы» может служить самым верным практическим пособием для каждого, кто захочет совершить путешествие по этим трем (да и по другим – тоже) европейским странам. Конечно, не у каждого будет в запасе итальянский, английский и французский языки, как у семьи Кузнецовых, но тут уж ничего не поделаешь. Как говорится, учите языки, географию, историю искусств, гастрономию, виноделие, умеете водить машину, управляться с интернетом и GPS и много чего другого.

Но если говорить серьезно, путевой дневник Андрея дарит читателю много интереснейших и часто полезных сведений об истории и культуре, географии тех трех стран, где побывал автор с семьей в 2013 году. Приятно, что в книге часто приводятся стихи и проза известных поэтов и писателей о тех местах или явлениях, с которыми сталкивались наши путешественники. Книга полна тонких и неповторимых деталей, которые делают рассказ достоверным и убедительным.

В целом же книга А. Кузнецова оставляет очень приятное впечатление и будет с интересом прочитана людьми разных возрастов и социального положения.

Хотелось бы отметить один очень важный, хотя и совсем не навязчивый аспект путевого дневника: он подспудно рассказывает читателю о важности семейных ценностей, о добрых и взаимоуважительных отношениях между всеми членами семьи автора. Это дорогого стоит!

Александр Баршай

Париж. В театре
«Гранд-Опера»

Гренобль. Вино
и пиво — это диво...

Впереди по курсу —
мост Риальто

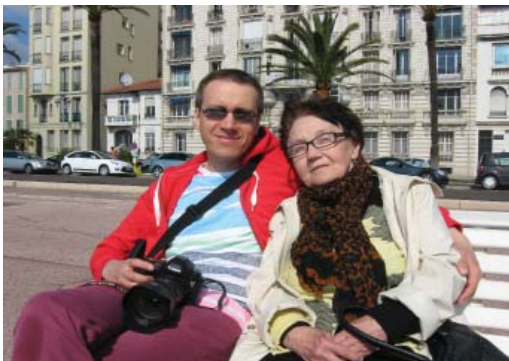
Канале Гранде –
парадный фасад
Венеции

Рим. На площади
«Четырех фонтанов»

У фонтана Треви

Разморило: у моря,
на солнышке...
(Ницца)

Шенонсо – замок на
реке

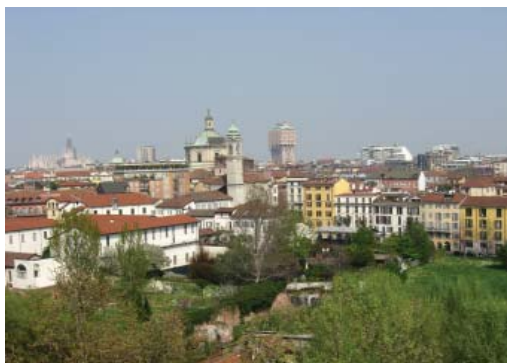
Амбуаз. Хорошо по-
лежать на травке...

Синьора Марина
и ее питомцы

Набережная Луары:
минутка отдыха

Милан. Вид на город
из окна отеля

Милан. Церковь Сан
Эусторджио

Рим. Пьяцца дель
Пополо – площадь
народа

Анси – альпийская
Венеция

Чашечка капучино
на завтрак

Верхняя Савоя:
внизу – весна,
а здесь – зима

Яблони в цвету, какое
чудо...

Вид на море из сада эк-
зотических растений (Эз)

Познакомились
на рынке...

Фонари и вывески
деревни Эз

Дары моря
(Сен Тропе)

Охряные скалы Рус-
сийона

Дижонская горчица

Замок Шамбор

Дворец Гарнье – плафон Марка Шагала

Человек, идущий
сквозь стену

Париж. Голосуйте за
левый фронт!

Фонтан «Же-д'О»
в Женеве

У пирамиды, веду-
щей в Лувр

Здесь бывал Джеймс
Бонд – казино
Монте-Карло

Полночь в Париже

Анси:
Весенний марафон

Венецианская
«глубинка»

Рим. Пьяцца дель
Пополо

Замок Амбуаз

Лазурный берег близ
Ниццы

В Лувре

СОДЕРЖАНИЕ

<i>От автора</i>	4
Царица Адриатики, или Серениссима	7
В Вечном городе	19
Здесь жил и творил Верди	32
Через Швейцарию во Францию	42
Анси, Гренобль и «Дорога Наполеона».....	45
На Лазурном берегу: от Монте-Карло до Сен-Тропе	53
Город на Роне, или По следам Ван-Гога	66
Замки Луары: Амбуаз, Шенонсо, Шамбор.....	75
Под сенью Эйфелевой башни	88
Мансарды Монмартра и Латинский квартал.....	101
Встреча с Джокондой.....	108
Через Бургундию в Женеву	117
<i>Вместо послесловия</i>	124
<i>Литература</i>	126
<i>Отзыв рецензента</i>	128
<i>Иллюстрации</i>	129

Научно-популярное издание

Андрей Георгиевич Кузнецов

кандидат философских наук, профессор
Кыргызско-Российского Славянского университета,
заслуженный деятель культуры Кыргызской Республики

ПО СТРАНАМ ЕВРОПЫ:
ИТАЛИЯ, ФРАНЦИЯ, ШВЕЙЦАРИЯ
Культурологический аспект

Редактор *Н.В. Шумкина*
Компьютерная верстка *А. Малдыбаева*

Дизайн обложки *В.А. Кузнецова*
Фотография *В.А. Кузнецова* и автора

Подписано в печать 23.04.2014
Формат 60×84^{1/16}. Печать офсетная.
Объем 9,0 п.л. Тираж 100 экз. Заказ 13

Издательство КРСУ
720000, г. Бишкек, ул. Киевская, 44

Отпечатано в типографии КРСУ
720048, г. Бишкек, ул. Горького, 2